U 67/480

И 67/480

Евг. Берсье.

БЕСѢДЫ.

Томъ III.

съ портретомъ автора.

Тайна божественныхъ путей.—Ученіе и жизнь.—Грѣхи другихъ.—Юродство и сила.—Истины моральныя и истины откровенныя.—Собираніе милостыни во времена апостоловъ.—Моисей.—Видѣніе апостола Павла.—Смущеніе Асафа.—Узкій путь въ Царство Небесное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.
Гостиный дворъ, № 45.
1893.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Декабря 13 дня 1891 года.
Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1355-04

Типографія Дома Призрѣнія Малол. Бѣлн. Лиговск. ул., д. 26.

2002134892

ПАСТОРЪ ЕВГЕНІЙ БЕРСЬЕ

род. въ 1831 г., † въ 1889 г.

Фототипія В. Власова, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7/2.

Предисловіе.

Выпускаемый III-ій томикъ «Бесѣдъ» Берсье является въ свѣтъ, когда живое слово этого замѣчательнѣйшаго проповѣдника уже умолкло. Смерть похитила его 18 ноября 1889 года еще въ полномъ развитіи его блестящихъ дарованій и плодотворной дѣятельности, на 59 году отъ рожденія!

Родина Евгенія Берсье—небольшой кантонъ Vaud въ Швейцаріи. Второю родиною его, гдѣ протекла вся его служебная дѣятельность, была Франція и главнымъ образомъ—Парижъ, гдѣ онъ съ 1851 года исполнялъ пастырскія обязанности въ различныхъ реформатскихъ приходахъ и въ послѣднее время въ кварталѣ de l'Etoile *). Призваніе къ пастырской дѣятельности Берсье почувствовалъ весьма рано и, чтобы достать необходимыя средства для высшаго богословскаго образованія, онъ еще въ юныхъ годахъ отправился въ Америку, и возвратившись

*) Avenue de la grande—armée 54.

оттуда съ успѣхомъ исполнилъ намѣченные имъ планы.

Блестящіе американскіе проповѣдники, какъ напр., Спурджонъ, Бичеръ, Робертсонъ, Брайтонъ безспорно имѣли на Берсье громадное вліяніе, но самое большое вліяніе принадлежитъ его другу и учителю—знаменитому французскому проповѣднику (и впослѣдствіи сенатору) Эдмонду Прессансе, нынѣ тоже уже скончавшемуся (8 Апрѣля 1891 г.) и бывшему въ свою очередь ученикомъ извѣстнаго проповѣдника и профессора лозанскаго университета—Александра Винэ. Послѣднему почитаетъ себя во многомъ обязаннымъ и самъ Берсье (Предисл. къ tome IV его Sermos. p. III).

Бесѣды пастора Берсье всегда привлекали громадное число слушателей и сдѣлали его приходъ самымъ популярнымъ въ столицѣ Франціи. Нечего говорить о цѣлыхъ десяткахъ изданій, въ которыхъ расходились и расходятся печатныя бесѣды автора, образующія во французскомъ изданіи 7 томиковъ, съ 10—12-ю бесѣдами въ каждомъ.

Оставаясь всегда строго на почвѣ евангельскаго ученія, Берсье былъ свободенъ отъ крайнихъ воззрѣній того или другого христіанскаго

исповѣданія на западѣ и всегда заботился главнымъ образомъ о проведеніи евангельскихъ идеаловъ въ практическую жизнь современнаго общества, о внѣдреніи евангельскихъ заповѣдей въ каждую человѣческую душу. Вотъ почему слушать Берсье ходили лица самыхъ различныхъ исповѣданій и классовъ, причемъ каждый находилъ въ этихъ бесѣдахъ полное удовлетвореніе въ волнующихъ его духовныхъ сомнѣніяхъ, поддержку въ минуты борьбы и отчаянья, утѣшеніе во дни скорби и житейскихъ невзгодъ. О значеніи бесѣдъ, произносимыхъ Берсье въ тяжелую для Франціи годину осады города, въ войну 1870 и 1871 годовъ—въ Сенъ-Мартенскомъ театрѣ—Легувэ замѣчаютъ, что «онѣ (бесѣды) были равносильны раздачѣ хлѣба въ голодающемъ городѣ».

Берсье не ищетъ популярности, не льститъ человѣческимъ слабостямъ; слово его сдержанно, но въ то же время всегда правдиво и дышетъ тою любовію, которая не чужда строгости тамъ, гдѣ это необходимо для блага любимыхъ душъ. Исправить общественные недостатки, уврачевать его духовныя немощи, разсѣять религіозныя колебанія и сомнѣнія, побороть духъ невѣрія и индиферентизма и чрезъ это возвра-

тить заблудшихъ и уклонившихся овецъ снова во дворъ Отца Небеснаго—такова конечная цѣпь всѣхъ чудныхъ бесѣдъ, всего его служенія, всей его жизни. «Моя награда», писалъ онъ самъ, (Sermons tome IV prézae p. IV), будетъ заключаться въ томъ, что бы обо мнѣ могли когда-либо сказать, какъ жители Самаріи о женщинѣ, бесѣдовавшей съ Христомъ: *уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ, ибо сами слышали и узнали, что Онъ истинно Спаситель міра, Христосъ* (Іоан. IV, 42)»,—и въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: «я не желалъ и не желаю быть ничьимъ наставникомъ, но хочу лишь привести человѣческія души ко Христу самыми лучшими извѣстными мнѣ путями!» (тамъ же).

Можно сказать безъ преувеличенія, что за послѣднее время не было ни одного оратора въ западной Европѣ, который бы выслушивался съ такимъ вниманіемъ, который бы пользовался такимъ всеобщимъ и единодушнымъ уваженіемъ, какъ Берсье, бесѣды котораго переведены на языки англійскій, нѣмецкій, шведскій и датскій и выдержали уже не одно изданіе.

Протоіерей Алексѣй Мальцевъ.

Берлинъ. Октябрь 1891 г.

Тайна Божественныхъ путей.

„Знаемъ, что любящимъ Бога... все содѣйствуетъ ко благу“ (Рим. VIII, 28).

Я предпринимаю нынѣ, братья, рѣшеніе трудной задачи: я хочу доказать участіе Бога въ нашей судьбѣ и указать, что *„любящимъ Бога,“* по словамъ св. апостола Павла, *„всѐ содѣйствуетъ ко благу“*.

Нѣтъ ничего проще подобной истины. Что сталось-бы съ христіанской религіей безъ вѣры въ этотъ Промыслъ, и зачѣмъ мы существовали бы на землѣ? Однако, какъ много людей, которые, признавая эту истину въ теоріи, никогда не испытывали могучаго утѣшительнаго дѣйствія ея въ жизни! Сколько между вами, можетъ быть, почувствовали невольное сомнѣніе при одномъ лишь чтеніи текста моей бесѣды! А внѣ столь тѣснаго кружка вѣрующихъ съ какой улыбкой встрѣчается повсюду мысль, утверждаемая здѣсь апостоломъ! Улыбка сожалѣнія является у тѣхъ, которые видятъ въ ней призрачное утѣшеніе, пригодное лишь умамъ простымъ; улыбка презрѣнія у другихъ, которые считаютъ высокомѣрною и тщеславною ту увѣренность и тотъ душевный миръ, которые мы находимъ въ мысли, что мы служимъ предметомъ участія и отеческихъ попеченій со стороны Бога.

Впрочемъ, будемъ справедливы: эту истину часто представляютъ въ такомъ видѣ, что самыя любящія и благородныя сердца по справедливости могутъ отвернуться отъ нея.

Конечно, когда я вижу, какъ христіанинъ, удрученный на одрѣ болѣзни страданіями, разбитый горемъ и бѣдностію, всё-таки не сомнѣвается въ благости Божіей, благословляетъ наказующую его руку и при семъ твердо и непоколебимо утверждаетъ, что всё направляется къ его благу, я тронутъ этимъ и преклоняюсь съ благоговѣніемъ передъ нимъ, потому что узнаю здѣсь изрѣченіе св. апостола Павла и мысль его одушевляющую.

Но когда я вижу христіанина среди изнѣженной праздной жизни, среди эгоистичнаго счастья и роскоши, не ограничиваемой никакою добровольною жертвою; когда я вижу, что такой христіанинъ, какъ и многіе другіе, ему подобные, утѣшается мыслью, что его судьба совершенно отлична отъ всѣхъ другихъ, и что Провидѣніе всё устроило лишь къ его счастью, здоровью и богатству,—тогда я понимаю улыбку скептика и не удивляюсь его негодованію.

Не правда-ли, что столь важное представленіе объ участіи Промысла Божія въ нашей жизни слагается именно подъ этимъ узкимъ взглядомъ? Вотъ, напримѣръ, разразилась надъ какимъ-либо городомъ страшная эпидемія; вѣрующій, уцѣлѣвшій въ общей смертности, расположенъ видѣть въ этомъ фактѣ знакъ особеннаго къ нему благоволенія Божія. Другой, напримѣръ, спасается отъ кораблекрушенія; разсказывая о своемъ избавленіи, онъ даетъ понять, что Богъ заботился и охранялъ лишь его

одного, и, такимъ образомъ, старается доказать имъ дѣйствительное участіе Провидѣнія. Это мнѣ напоминаетъ слова одного изъ атеистовъ въ древности, сохранённыя намъ Цицерономъ. Философъ Діагоръ, высадившись однажды на берегъ Самоѳракіи, посѣтилъ храмъ этого города; тамъ ему показали развѣшанныя по стѣнамъ приношенія, которыя лица, спасшіяся отъ кораблекрушенія, посвятили благодѣтельнымъ для нихъ богамъ. „Дерзнёшь-ли ты теперь отрицать провидѣніе боговъ“, сказали ему, „при видѣ всѣхъ этихъ доказательствъ ихъ участія?“—„Ахъ“, отвѣчалъ Діагоръ, „слѣдовало-бы также выслушать свидѣтельства тѣхъ, кои погребены въ волнахъ“. Жестокія слова, братіе, но нисколько не удивляющія меня!

Въ самомъ дѣлѣ, если мы должны безусловно признать, что Богъ дѣйствуетъ въ нашихъ судьбахъ, спасая нашу жизнь, предохраняя насъ отъ опасностей или страданій, то съ неменьшей рѣшительностью мы должны отвергнуть притязаніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ внѣшнихъ избавленіяхъ отъ бѣдъ вѣрное доказательство особаго къ нимъ благоволенія Божія. Нѣтъ, мы должны признать, что несчастные, пораженные возлѣ насъ эпидеміей, потерпѣвшіе крушеніе и поглощенные моремъ, были любимы Богомъ столько же, какъ и мы, и даже, можетъ быть, болѣе. Я не могу выразить, что я именно испытываю, когда вижу, какъ христіане, воспитанные въ ученіи откровенія, имѣютъ относительно опредѣленій Божіихъ безразсудное сужденіе, истолковывая всё въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ ихъ ограниченности и узкому пониманію. Напрасно, значитъ, книга Іова болѣе со-

рока вѣковъ осуждаетъ это заблужденіе; напрасно, значитъ, и самъ Небесный Учитель намъ объявилъ, что галилеяне, погибшіе подъ развалинами Силоамской башни, не были виновнѣе другихъ; напрасно, значитъ, и всё священное Писаніе увѣщеваетъ насъ безропотно склонять голову передъ испытаніемъ, признавая въ немъ, при свѣтѣ вѣры, знакъ благости Божіей. Вотъ, напримѣръ, какимъ холоднымъ и напыщеннымъ тономъ объясняютъ эти люди пути Господни: отнимается-ли дитя отъ нѣжныхъ попеченій о немъ отца и матери, они спрашиваютъ себя, не было-ли оно кумиромъ своихъ родителей; постигаетъ-ли кого изъ ближнихъ какое-либо тяжелое несчастіе, они заключаютъ, что это, конечно, было необходимо, и что какое-либо ихъ тайное злодѣяніе повлекло за собою возмездіе. Кто можетъ измѣрить, братія, какія глубокія язвы причинили ближнему въ часъ его страданій подобныя слова и жестокія сужденія.

Въ чемъ-же заключается корень этихъ сужденій? Несомнѣнно въ превратномъ мнѣніи видѣть дѣйствіе Божіе только въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, т. е., въ мнѣніи, прямо противоположномъ ученію апостола Павла, который утверждаетъ, что все содѣйствуетъ ко благу любящихъ Бога.

И это заблужденіе отличается удивительнымъ упорствомъ. Его можно встрѣтить повсюду, и оно является въ формахъ, особенно вредныхъ для христіанскихъ вѣрованій. Есть люди, которые усматриваютъ Божественное посредничество лишь въ непредвидѣнныхъ, необычайныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, и потому большинство говоритъ о дѣйствіи Провидѣнія лишь въ

великихъ, міровыхъ событіяхъ. Подобно пророку Иліи, не уразумѣвшему въ первое время явленія Божія; толпа ищетъ Бога въ бурѣ, въ землетрясеніяхъ, въ истребляющемъ огнѣ; она не умѣетъ различить того тонкаго, нѣжнаго дуновенія, въ которомъ непрерывно обнаруживается дѣйствіе Провидѣнія.

Бываютъ христіане, которые не сознаютъ, что Богъ дѣйствуетъ въ правильныхъ законахъ, посредствомъ которыхъ Онъ управляетъ вселенною. Такъ какъ эти законы совершаютъ свое неизбѣжное теченіе, и солнце, подчиненное имъ, восходитъ ежедневно надъ добрыми и злыми, то ихъ вѣра смущена. Самая мысль о законахъ природы для нихъ кажется странною и оскорбительною. Богъ является для нихъ лишь въ такихъ явленіяхъ, законъ которыхъ остается для нихъ неизвѣстнымъ. Напр., исцѣленіе отъ болѣзни, въ которомъ человѣческая наука не принимала никакого участія, по ихъ мнѣнію, должно быть всецѣло отнесено къ Богу; если-же въ немъ принималъ участіе врачъ, то онъ, въ ихъ глазахъ, отодвинулъ Бога на задній планъ. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе, которымъ не замедлило воспользоваться невѣріе: „Невѣжество“, говоритъ оно, „есть мать вѣры. Такое-то событіе въ непросвѣщенный вѣкъ приписывають волѣ Божіей, но болѣе просвѣщенное поколѣніе найдетъ въ немъ дѣйствіе закона природы“. Отсюда заключаютъ, что вѣра въ Божественное воздѣйствіе уменьшается пропорціонально возрастанію просвѣщенія. Вотъ противъ чего, братіе, мы должны бороться. Нѣтъ, Богъ проявляется не только въ томъ, что насъ изумляетъ и поражаетъ, но, какъ говоритъ намъ апостолъ Павелъ,

все содѣйствуетъ исполненію Его плановъ. Онъ дѣйствуетъ въ неизмѣнныхъ законахъ природы, и въ частныхъ случаяхъ Своего промышленія. Онъ присутствуетъ и въ ударахъ молніи во время бури, и въ чистомъ сіяніи зари; Онъ присутствуетъ и въ мрачной тучѣ, нависшей надъ домомъ, опустѣвшемъ отъ скорби, и въ улыбкѣ дитяти, и въ радостяхъ счастливой семьи; Онъ присутствуетъ въ дѣйствіи тайныхъ силъ, повинующихся повелѣніямъ своего Творца, когда восемнадцать вѣковъ тому назадъ отверзались гробы, чтобы возвратить къ жизни своихъ мертвецовъ; но Онъ-же присутствуетъ и тогда, когда мы безвозвратно отдаемъ могилѣ хладные останки нашихъ дорогихъ усопшихъ; Онъ находится съ тѣми, которые падаютъ, пораженные испытаніемъ, какъ и съ тѣми, которыхъ испытаніе щадитъ; Онъ вездѣ, братіе, потому что, если бы Онъ не былъ повсюду, Онъ не былъ-бы нигдѣ.

Отвергнувъ такимъ образомъ заблужденія, посредствомъ которыхъ наша ограниченность и гордость часто искажали вѣру въ участіе Божіе въ нашей жизни, мы проникаемъ теперь въ самый смыслъ апостольскихъ словъ: „Всё содѣйствуетъ ко благу любящихъ Бога“.

Первымъ результатомъ этого будетъ та свѣтлая мысль, что случая не существуетъ,— что всѣ событія направляются къ одной цѣли. Эта цѣль—принципъ Царства Божія; но кромѣ того, здѣсь апостолъ утверждаетъ еще и то, что, стремясь къ этой общей цѣли, все содѣйствуетъ къ личному благу любящихъ Бога. Разсмотримъ-же послѣдовательно каждую изъ этихъ мыслей.

Все стремится къ одной цѣли, вотъ первое положе-

ніе св. апостола. Эта мысль являлась новой, такъ какъ возникла въ тотъ день, когда Господь научилъ Своихъ учениковъ обращаться къ Богу съ воззваніемъ: „Да пріидетъ Царствіе Твое!“ Это было тѣмъ лучомъ свѣта, который въ первый разъ озарилъ вселенную. Необходимо сказать, братья, что та идея, которая видна въ исторіи, какъ осуществленіе извѣстной цѣли, та идея, изъ которой возникло новѣйшее вѣрованіе въ прогрессъ, есть идея чисто христіанская. Древній міръ никогда не зналъ ея, и она и понынѣ не существуетъ внѣ христіанскихъ странъ.

Впрочемъ, не будемъ удивляться этому. Здѣсь скорѣе вѣрованіе, чѣмъ истина, которую можно было-бы доказать. Предоставленный самому себѣ легко пришелъ-бы къ обратному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ познать Божественный планъ, или дѣйствіе Провидѣнія въ кровавой игрѣ, называемой исторіей; въ послѣдовательномъ появленіи поколѣній, поочередно приходящихъ занимать арену сего міра и начинать тѣ-же попытки, не пользуясь опытомъ прошлаго; въ древнихъ цивилизаціяхъ, такъ безслѣдно исчезнувшихъ; въ дерзкомъ торжествѣ силы или хитрости, въ вѣкѣ, считающемъ себя просвѣщеннымъ; въ неудачахъ самыхъ лучшихъ предпріятій; наконецъ, въ томъ униженіи и разслабленіи, которыя сопровождаютъ цивилизацію и заставляютъ наиболѣе просвѣщенные народы сожалѣть о проявленіи грубой силы въ періоды ихъ дикой юности? Одинъ глубокій мыслитель и величайшій изъ историковъ новѣйшаго времени выразилъ по сему поводу свой взглядъ, говоря, что человѣчеству, подобно колесу, вѣчно суждено

описывать кругъ. Вотъ послѣднее слово человѣка, непросвѣщеннаго христіанской вѣрой въ Провидѣніе, и однако этого слова, братья, не дерзнули-бы повторить нынѣ. Нынѣ всѣ вѣрятъ въ прогрессъ, принявъ отъ христіанства вѣрованіе въ окончательное торжество правосудія и правды. Я слышу, какъ сами атеисты заявляютъ, что человѣчество идетъ впередъ, повинуясь какому-то промыслительному року. Итакъ, братья, мы дали міру это вѣрованіе и неужели мы допустимъ, чтобы оно обратилось противъ насъ-же? Я вижу христіанъ въ смущеніи и печали отъ созерцанія явленій этого міра, христіанъ, впавшихъ въ отчаяніе; я вижу разочарованія въ будущемъ и слышу ихъ старческія сѣтованія и жалобы на современный порядокъ вещей. Удалимъ-же отъ себя это трусливое настроеніе. Будущее является намъ побѣдой истины, правосудія, любви, т. е., водворенія Царства Божія. Все содѣйствуетъ къ этой цѣли. Все служитъ къ созиданію вѣчнаго храма, гдѣ должны поклоняться Богу всѣ Его созданія. Каждое приходящее поколѣніе приноситъ для него свой камень и, такимъ образомъ, зданіе растетъ мало-по-малу. Я знаю, съ какимъ трудомъ прозрѣваетъ наше око Его планъ. Мы живемъ еще въ томъ нерѣшительномъ моментѣ, когда мракъ ночи едва-едва освѣщенъ загорающейся зарей, когда вѣчная истина рисуется предъ нашимъ взоромъ въ смутномъ неясномъ обликѣ, исчезающемъ при первомъ приступѣ сомнѣнія; но еще не видя ее, мы все-таки вѣримъ, и наша вѣра не окажется ложною. Но, если-бы она была такою и если-бы евангеліе не сказало своего послѣдняго слова въ исторіи, тогда вся исторія явилась-

бы комедіей безъ смысла и цѣли, тогда случай былъ бы ея высшимъ объясненіемъ и намъ пришлось бы воскликнуть съ древнимъ поэтомъ: „Будемте ѣсть и пить, потому что завтра умремъ“.

Вѣрить въ тотъ общій планъ, по которому всё содѣйствуетъ славѣ Божіей, безъ сомнѣнія, крайне важно: въ подобномъ-же вѣрованіи заключается великая сила и ни съ чѣмъ несравнимое утѣшеніе. Но это еще недостаточно. Мнѣ недостаточно знать, каково общее предначертаніе Божіе; мнѣ нужно знать, въ чемъ состоитъ Промыслъ Его по отношенію ко мнѣ, и вотъ, на этотъ-то тревожный вопросъ и отвѣчаетъ апостолъ. „Всё,“ говоритъ онъ намъ,— „содѣйствуетъ ко благу любящихъ Бога“. Такимъ образомъ, кромѣ общаго Промысла, пролагающаго намъ путь въ Царство Божіе, есть еще и частное предначертаніе, относящееся ко всѣмъ любящимъ Бога и во всемъ способствующее ихъ благу. Вотъ это-то именно и остается теперь намъ доказать.

Но какъ доказывать это, не останавливаясь тутъ-же, въ самомъ началѣ, лицомъ къ лицу, со всѣми возраженіями, на которыя вызываетъ эта истина? Постараемся же по мѣрѣ возможности опровергнуть ихъ одно за другимъ.

Начнемъ прежде всего съ надменности, въ которой укоряютъ наше вѣрованіе. „Какая самонадѣянность,“ говорятъ намъ, „воображать, что мы, жалкія созданія, составляемъ предметъ неусыпныхъ попеченій Божіихъ“.

Такъ это, по вашему мнѣнію,—самонадѣянность? Но какъ-же въ такомъ случаѣ смотрите вы на своего малютку, когда онъ, отходя ко сну, становится на колѣни

и въ простотѣ неиспорченнаго дѣтскаго сердца пересказываетъ Богу свои проступки, и проситъ Его о помощи въ борьбѣ съ ними. Неужели вы, человѣкъ мыслящій, и тутъ не видите ничего, кромѣ проявленія чувства гордости?

„Но“, скажете вы мнѣ, „много-ли такой милой дѣтской простоты въ христіанахъ, разсуждающихъ о бодрствующей всегда надъ ними любви Божіей?“ Нѣтъ, согласенъ, немного, и, заранѣе предугадывая вашу мысль, я уже показалъ, что дѣйствительно, гордость часто искажала и извращала ихъ вѣрованіе; но что-же доказываетъ это? Что они люди, и люди грѣшные, и болѣе ничего. Цѣль ихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и евангеліе,—стать именно такими простыми. Укоряйте ихъ въ чемъ хотите, но не называйте надменностью того сыновняго влеченія, которое повергаетъ ихъ къ стопамъ Отца Небеснаго и заставляетъ ихъ во всемъ уповать на благодать Его.

Вы настаиваете на томъ, что мы ничтожны, но какими-бы ничтожными мы ни были, вы не можете удержать того непреодолимаго внутренняго влеченія, которое побуждаетъ насъ искать всего у Бога. И если-бы мы были достаточно тверды въ вѣрѣ въ Бога, въ любви къ Нему, въ сознаніи, что только Онъ одинъ можетъ дать намъ всё нужное для нашего блага, то что-же надменнаго было-бы въ увѣренности, что это стремленіе къ Нему, стремленіе Имъ-же Самимъ вложенное въ наши сердца, не остается напраснымъ? Вы не укоряете-же слабое растеніе, которое каждый день при восходѣ солнца, развернувъ свои листья, поворачивается къ

нему, чтобы вдыхать въ себя его животворящую теплоту; такъ почему-же, удивляясь таинственному закону, побуждающему его инстинктивно искать жизни у Источника всякой жизни, вы не хотите предоставить и человѣческой душѣ почерпать себѣ силу и помощь у Бога, отъ Котораго она всё получила и Который Одинъ только можетъ удовлетворить ее вполнѣ.

Но вы всё настаиваете на своемъ, вы стараетесь привести насъ въ смущеніе мыслью о подавляющемъ величіи Божіемъ. „Богъ," говорите вы, „слишкомъ великъ, чтобы думать о всѣхъ нашихъ молитвахъ и всё устроить къ нашему благу". Но какимъ-же тогда является Богъ въ вашемъ понятіи, и какъ представляете вы себѣ Его величіе? Какъ Богъ, проявившій столько мудрости и предусмотрительности въ устроеніи бытія ничтожнѣйшему изъ своихъ созданій, Богъ, одарившій такой дивной прелестью, такимъ чуднымъ великолѣпіемъ и полевые цвѣты, и поднебесныхъ птицъ, прелестью и великолѣпіемъ, которыхъ никогда не достичь человѣческому искусству: этотъ-ли Богъ слишкомъ великъ, чтобы внимать скорби нашей и нашимъ молитвамъ? Да, развѣ высшее величіе не проявляется въ высшемъ-же попеченіи, развѣ любовь умаляется тѣмъ, что объемлетъ собою весь міръ, развѣ всевѣдѣніе и безпредѣльное милосердіе не составляютъ неотъемлемыхъ проявленій и Божественной природы?

Вы укоряете насъ въ надменности? Но позвольте и намъ въ свою очередь усумниться въ вашемъ смиреніи. Мы не вѣримъ ему, потому что сотни и тысячи разъ были свидѣтелями того, какъ возмутившееся противъ

Бога твореніе старалось отдѣлаться отъ Него подъ благовиднымъ предлогомъ своего ничтожества и замаскировать явное возмущеніе свое лицемѣрнымъ смиреніемъ. Развѣ можно назвать смиреннымъ того, кто, чуждаясь Бога, довольствуется самимъ собою, кто ищетъ силы въ самомъ себѣ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ и слабъ, и ничтоженъ, и зависимъ, тогда какъ достаточно одного дуновенія, чтобы это нѣчто превратилось въ ничто? Гдѣ-же искать надменности, какъ не въ этомъ странномъ положеніи слабаго грѣшнаго созданія, дерзающаго говорить Всемогущему: „пусть къ Тебѣ взываютъ другіе, а я ужъ смогу обойтись и безъ Тебя?“

Устранивъ это возраженіе я тутъ-же, рядомъ съ нимъ, встрѣчаю другое. Когда я говорю объ участіи Божіемъ во всѣхъ событіяхъ нашей жизни, когда я утверждаю, что, по волѣ Его, всё способствуетъ благу моему, меня начинаютъ обвинять въ преслѣдованіи личной своекорыстной цѣли.

По мнѣнію современныхъ скептиковъ, человѣкъ никогда не долженъ заботиться о самомъ себѣ. Онъ долженъ повиноваться долгу и болѣе ничего. Что ему за дѣло до личнаго блага, какъ возможнаго слѣдствія этого повиновенія? Онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что трудится для истины и правды, ибо онъ знаетъ, что трудъ его способствуетъ ихъ торжеству. Это одно должно быть двигателемъ его жизни и дѣятельности; всё-же остальное низко, эгоистично и не достойно его.

Вамъ всѣмъ, братія, приходилось слышать подобныя разсужденія, и вы знаете, что во имя этого ученія многіе не отступаютъ и передъ полнымъ отрицаніемъ хри-

стіанской вѣры въ будущую жизнь и произнесеніемъ приговора надъ христіанскимъ нравоученіемъ, отжившимъ уже, будто, свой вѣкъ. Утверждай они только то, что интересъ чисто личный заслуживаетъ всякаго порицанія, какъ своекорыстный разсчетъ; относи они свое осужденіе только къ тѣмъ, кто служитъ Богу лишь изъ-за разсчета на будущее вознагражденіе, тогда порицаніе ихъ, конечно, было-бы вполнѣ справедливо, и имъ оставалось бы вспомнить только то, что всё это высказано уже и евангеліемъ съ несравненно большею силою. Ибо, дѣйствительно, духъ своекорыстнаго разсчета никѣмъ не осуждался такъ строго, какъ Іисусомъ Христомъ. Но, если я служу Богу безъ всякаго разсчета, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что я долженъ относиться равнодушно къ своей собственной судьбѣ и во имя моего достоинства отвергать то самое Провидѣніе, по волѣ Котораго всё содѣйствуетъ моему благу? Конечно, нѣтъ, потому что это значило-бы искажать мою природу, значило-бы заглушать въ себѣ тотъ тайный голосъ, который говоритъ мнѣ, что и счастіе мое, и спасеніе въ полномъ и безусловномъ повиновеніи Богу.

Не довѣряю я и тому сверхчеловѣческому совершенству, которое подъ предлогомъ возвышенія нашего личнаго достоинства, лишаетъ насъ всякаго утѣшенія въ дни тяжкихъ испытаній. Мнѣ вспоминается по этому поводу, одно древнеиндійское повѣствованіе. Какая-то женщина, у которой мужъ погибъ во время кораблекрушенія, а домъ сгорѣлъ до тла во время пожара, сидѣла надъ развалинами родного очага и горько плакала. Въ это время подходитъ къ ней мудрецъ и говоритъ: „Ко-

го ты обвиняешь въ постигшемъ тебя несчастіи? вѣтеръ, или огонь? Если вѣтеръ, то неужели-же ты желала-бы, чтобы онъ не дулъ? Если-же огонь, то неужели ты хотѣла-бы, чтобы онъ не горѣлъ? Вѣдь, если-бы вѣтеръ не дулъ, моряки не возвращались бы никогда съ моря, а еслибъ огонь не горѣлъ, то у тебя не было-бы чѣмъ и грѣться". Таковы, братья, всѣ утѣшенія нашихъ мудрецовъ: они стараются утѣшить насъ въ личныхъ скорбяхъ отвлеченнымъ понятіемъ всеобщаго блага. Всё это, можетъ быть, философски и глубокомысленно, да что за нужда въ этой философіи, и не смѣшна-ли она? Нѣтъ, я благословляю Бога за то, что Онъ даетъ намъ иныя утѣшенія; за то, что Онъ не презираетъ нашихъ скорбей; за то, что Онъ печется о каждомъ изъ Своихъ созданій въ отдѣльности, внимая и слезамъ и вздохамъ.

Но, не довольствуясь вышеприведенными возраженіями, противники наши идутъ далѣе. „Возможно-ли допустить", говорятъ они, „чтобы Богъ заботился о каждомъ изъ Своихъ созданій въ отдѣльности, коль скоро вѣрно то, что Онъ управляетъ вселенною по неизмѣннымъ, не допускающимъ никакихъ исключеній законамъ? Можете-ли вы требовать того, чтобы эти самые законы измѣнились по вашему произволу, чтобы вы избѣжали общей участи? чтобы болѣзнь, или смерть миновала васъ изъ-за того только, что вы любите Бога, что вы молитесь Ему и именуете себя Его дѣтьми? Время чудесъ ужъ прошло теперь; ни ангелъ не спустится теперь съ Неба, чтобы питать васъ, какъ питалъ нѣкогда пророка Илію, ни чья бы то ни было рука не остановитъ солнце, чтобы продлить хоть на день вашу жизнь, ни чей голосъ не воз-

вратитъ вашему истощенному тѣлу утраченной жизни и молодости. Если Богъ правитъ міромъ, то правитъ или посредствомъ законовъ, которые не могутъ быть упразднены и въ которыхъ нѣтъ мѣста ни для исключенія изъ общаго правила, ни для особенныхъ отеческихъ заботъ, предметомъ которыхъ вы почитаете себя.

Я слышу это возраженіе, но тщетно стараюсь признать его сколько нибудь основательнымъ. Что Богъ есть Богъ порядка и что Онъ управляетъ посредствомъ законовъ, это мы допускаемъ также, какъ и вы. Но что-же вы хотите сказать этимъ, и какіе выводы намѣрены вы извлечь отсюда? Что Богъ не можетъ дѣйствовать особеннымъ образомъ, не можетъ отдавать какого-либо предпочтенія любящимъ Его? Но развѣ въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ законы и справедливы, и тверды, и незыблемы, не бываетъ того-же самаго? развѣ, государь, установившій и соблюдающій законы, не можетъ оказать особеннаго расположенія никому изъ своихъ подданныхъ? Развѣ онъ не въ правѣ утѣшать страждущихъ и поднимать нравственно падшихъ? Развѣ разъ водворенный имъ порядокъ и государственный строй лишаетъ его права и возможности проявлять свою любовь? А вотъ такую именно роль и отводятъ Богу. Вы можете теперь судить сами, каково то міровоззрѣніе, во имя котораго пытаются подорвать въ насъ вѣру въ Его участіе и попеченіе. Ужъ если вы не хотите навлечь на себя упрека въ непослѣдовательности сужденій, то идите далѣе: утверждайте ужъ прямо, что Богъ до того связанъ созданными имъ-же законами, что внѣ ихъ нѣтъ болѣе мѣста ни для Его могущества, ни для Его свободы, ни для Его люб-

ви; вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, отвергнуть и это могущество, и эту свободу, и эту любовь, и признать, что нѣтъ другого Бога, кромѣ управляющихъ нами законовъ, и вернуться, такимъ образомъ, къ фатализму язычниковъ. Если-же вы отступаете передъ подобными выводами, если сердце и умъ противятся имъ, а Богъ остается для васъ всё тѣмъ-же свободнымъ Богомъ и Владыкой вселенной, то по какому-же праву и на какомъ основаніи ограничиваете вы Его всемогущество и стараетесь лишить Его права устроять всё ко благу тѣхъ, которые любятъ Его.

Но, не преклоняясь и предъ этимъ доводомъ, противники наши переносятъ свои возраженія на другую почву, прибѣгаютъ къ свидѣтельству житейскаго опыта, ссылаются на факты и говорятъ намъ: „Къ чему говорить о Божественномъ участіи и Провидѣніи? Къ чему убаюкивать себя надеждой, что всё содѣйствуетъ вашему благу? Вѣдь сама дѣйствительность самымъ безжалостнымъ образомъ опровергаетъ ваше вѣрованіе. Вотъ вы молитесь, а скажите: чѣмъ лучше ваша жизнь, и чѣмъ безопаснѣе она жизни другихъ? Развѣ огорченія и неудачи постигаютъ васъ рѣже, чѣмъ насъ? Развѣ болѣзнь забываетъ о васъ? развѣ смерть рѣже посѣщаетъ ваши жилища? А когда вы хотите избѣгнуть угрожающихъ вамъ золъ, то развѣ вы не принуждены, подобно намъ, прибѣгать къ тѣмъ-же обычнымъ средствамъ, на которыя указываетъ намъ житейскій опытъ? Да что, впрочемъ, и говорить! Вы подобно намъ заблуждаетесь, подобно намъ страдаете, подобно намъ умираете, и воображаете при этомъ, что всѣ событія клонятся къ вашему благу.

Вотъ, братія, самое опасное, самое общепринятое возраженіе, противопоставляемое нашему вѣрованію. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать его изъ устъ, какъ невѣждъ, такъ и людей образованныхъ; да, сколько разъ, можетъ быть, и охлаждало оно ваши молитвы, и удерживало порывъ вашего сердца, взывавшаго къ помощи Божіей!

Прежде чѣмъ отвѣтить на это, считаю нужнымъ предпослать нѣсколько объясненій. Вся сила этого возраженія основывается на томъ фактѣ, что любящіе Бога страдаютъ столько-же, сколько и другіе, изъ чего заключаютъ, что смѣшно утверждать, будто всё содѣйствуетъ ихъ благу. Но дѣло тутъ очевидно въ томъ, что разсуждающіе такъ, смѣшиваютъ благо вѣрующихъ съ ихъ наружнымъ счастіемъ, чего евангеліе не дѣлаетъ никогда. Научитесь только различать эти понятія, и многое въ этомъ дѣлѣ будетъ яснѣе. Богъ считаетъ нашимъ благомъ то, чего мы, вообще, не склонны называть нашимъ счастіемъ. Мы ищемъ нашего счастья: въ успѣхѣ, въ здоровьѣ, въ славѣ, въ богатствѣ, въ привязанности людей, а можетъ быть, даже и въ удовольствіяхъ; для Бога-же благо наше заключается въ святости и спасеніи. Вотъ ты, братъ мой, мечталъ о власти, о богатствѣ, о вліяніи, о всеобщемъ уваженіи, и вотъ планы твои разрушаются, средства твои истощаются, положеніе твое колеблется, здоровье твое надламывается, а земное-будущее твое—разбивается навсегда. То-же самое и съ тобой, сестра моя: ты мечтала о рукоплесканіяхъ, о торжествѣ и упоеніи въ свѣтѣ, и вотъ въ удѣлъ тебѣ достается горькая дѣйствительность обманутаго чувства, погибшихъ мечтаній

и всякаго рода униженій, которыя создаетъ зависимое и стѣсненное положеніе. „Жестокій удѣлъ“, скажете вы, можетъ быть. Но повремените своимъ приговоромъ. По плану Божію тутъ-то именно и начинается ваше истинное и вѣчное благо. Только здѣсь вы научитесь смотрѣть на жизнь правильно; только здѣсь вы отрѣшитесь отъ всего своекорыстнаго и низкаго; только здѣсь вы научитесь распознавать истинную любовь и сладость жертвы; только здѣсь вы почувствуете всю призрачность свѣтскаго величія; только здѣсь вы обрѣтете вѣчную жизнь и, вопреки всѣмъ этимъ горькимъ разочарованіямъ, дойдете до сознанія, что, не смотря на кажущееся противорѣчіе, всё неуклонно содѣйствуетъ вашему благу.

Предпославъ эти предварительныя поясненія, важность которыхъ вы сознаете, я перехожу къ самому возраженію, которымъ хотятъ опровергнуть насъ. Противники христіанскаго міровоззрѣнія видимо рады тому, что несчастья постигаютъ вѣрующихъ такъ-же, какъ и невѣрующихъ, молящихся такъ-же, какъ и тѣхъ, которые не молятся. Они утверждаютъ, говоря словами Екклезіаста, что одна участь постигаетъ всѣхъ: праведнаго и нечестиваго, прославляющаго Бога и богохульствующаго.

Я отвѣчаю: повидимому это вѣрно, и я понимаю, почему это такъ. Я понимаю, почему Богъ не совмѣщаетъ пока счастья съ вѣрою и успѣха съ благочестіемъ; я понимаю это, потому что, если бы это было такъ, то Ему повиновались-бы изъ-за личнаго счастья и, такимъ образомъ, Богу служили-бы люди своекорыстные. Но я повторяю, что это кажется только тому, кто смотритъ на дѣло Божіе слишкомъ поверхностно.

Я обращаюсь прежде всего къ свидѣтельству исторіи. Вы, братья, вѣрите въ прогрессъ, вѣрите, что черезъ цѣлый рядъ вѣковъ тянется лучезарная стезя, по которой можно прослѣдить опредѣленный планъ Провидѣнія; вы вѣрите, что праведность возвышаетъ народы, и что тамъ, гдѣ было болѣе вѣры, нравственной силы и прямодушія, тамъ было болѣе и свободы, могущества, свѣта и истиннаго счастія.

Но, замѣтьте себѣ, если вы допускаете это, то тѣмъ самымъ уже вы отрицаете и неизбѣжность судьбы, на которую только-что ссылались: ибо допустить, что справедливости и истинѣ предстоитъ великое будущее, значитъ допустить, что вѣсы склонятся въ концѣ концовъ въ ихъ сторону, значитъ признать, что не всегда одно и тоже будетъ съ праведнымъ и нечестивымъ, значитъ согласиться съ тѣмъ, что первый возьметъ верхъ надъ послѣднимъ. Но если это вѣрно, а оспаривать этого вы не можете, то я утверждаю, что этотъ законъ, будучи вѣренъ по отношенію ко всему человѣчеству, вѣренъ по отношенію и къ отдѣльной личности, и что, если по плану Божію всё содѣйствуетъ торжеству добра во всемъ мірѣ, то по этому-же плану всё должно содѣйствовать торжеству добра и въ моей душѣ.

Обратимся теперь къ свидѣтельству самихъ вѣрующихъ, ибо вѣдь несомнѣнно, что и они имѣютъ право голоса въ рѣшеніи даннаго вопроса. Вы говорите, что они подвергаются бѣдствіямъ подобно другимъ, что они страдаютъ отъ тѣхъ-же самыхъ событій и невзгодъ, какъ и другіе. Но, спросите ихъ, и они вамъ скажутъ, что въ этихъ событіяхъ, составляющихъ внѣшнюю сторону

ихъ жизни, они научились познавать и различать до самыхъ мелкихъ подробностей тайное, тѣмъ не менѣе, дѣйствительное проявленіе воли Божественнаго руководителя, заставляющаго ихъ проходить школу жизни, не ими избранную; руководителя, заставляющаго ихъ чуждаться міра и самихъ себя, и путемъ противопоставленія естественнымъ склонностямъ, и путемъ непреодолимыхъ препятствій спасающаго ихъ отъ соблазна; они вамъ скажутъ, что по временамъ доказательства Божественнаго Промысла становились до того очевидными, до того осязательными, что невольно вызывали у нихъ слёзы умиленія и благодарности; они вамъ скажутъ, что даже и въ минуты самыхъ тяжкихъ испытаній они открывали чудныя доказательства Божественной благости... Да, эти люди, въ которыхъ вы видите, какъ и въ другихъ, лишь жалкую игрушку судьбы, скажутъ вамъ, что „случай“—пустое слово, и что въ путяхъ Божіихъ, которыми они шли, всё содѣйствовало ихъ благу

Вы думаете опровергнуть насъ тѣмъ, что испытанія, постигающія праведнаго и нечестиваго, совершенно тожественны, и что стало быть, смѣшно утверждать, что всё содѣйствуетъ благу перваго? Но замѣтьте себѣ разъ навсегда, что родъ вліянія того или другого событія на насъ находится въ прямой зависимости отъ двухъ причинъ: отъ свойства самаго событія и отъ склонности духа того, на котораго оно дѣйствуетъ. Даже въ томъ случаѣ, еслибы по внѣшности всё было тожественно въ судьбахъ любящихъ Бога и не любящихъ Его, намъ необходимо было-бы допустить, что при данномъ духовномъ настроеніи перваго всё, чтобы ни случилось съ

нимъ, способно содѣйствовать благу его. Такимъ, образомъ дѣйствіе событій на него обусловлено тѣмъ состояніемъ духа, въ которомъ онъ подвергается ихъ вліянію. Только одна душа его въ состояніи придать имъ надлежащій смыслъ и настоящее значеніе. На примѣрѣ вы лучше поймете мою мысль.

Посмотрите на тайныя, равно какъ и на явныя силы, наводящія на насъ порой такой страхъ сокрушительнымъ дѣйствіемъ своимъ. Въ растеніи, въ красивомъ цвѣткѣ кроется тонкій ядъ, отъ котораго можно заснуть непробуднымъ сномъ; въ воздухѣ таится ураганъ, сокрушающій всё на своемъ пути; паръ страшенъ намъ присущей ему силой расширенія; электричество, прорѣзывающее въ видѣ молніи тёмный небосклонъ, воспламеняетъ порой наши жилища. Поставьте вы лицомъ къ лицу съ этими силами человѣка тёмнаго, несвѣдущаго, дикаго, и онъ не найдетъ въ нихъ ничего, кромѣ источника страданій и смерти. Но вотъ является человѣкъ XIX вѣка и положеніе дѣла уже значительно измѣняется: онъ извлекаетъ ядъ изъ цвѣтка и приготовляетъ изъ него лѣкарство отъ своихъ болѣзней, почерпая такимъ образомъ жизнь въ томъ, что должно ему было-бы причинить смерть; онъ подставляетъ напору вѣтра мельничныя крылья, или корабельные паруса и заставляетъ этимъ служить себѣ страшную силу природы; онъ получаетъ съ помощью своихъ техническихъ приспособленій паръ, заставляетъ его подыматься, опускаться, вращаться въ сложномъ механизмѣ машинъ, вертѣть колеса, подымать молоты, ткать матеріи, молоть зерна, воздвигать съ удивительною быстротой цѣлыя зданія; онъ покоряетъ себѣ

даже молнію и по непримѣтной проволокѣ, проложенной въ глубинахъ океана, заставляетъ ее нести свою мысль на край свѣта; такимъ образомъ, всѣ эти стихійныя силы, направляемыя его геніемъ, содѣйствуютъ къ продолженію его жизни, къ ея украшенію, обогащенію и возвеличенію во всевозможныхъ отношеніяхъ.

Какъ видите, братія, во всемъ этомъ заключается хотя и слабое, но вѣрное изображеніе того способа, которымъ душа вѣрующаго можетъ обратить къ своему благу всѣ событія жизни, всѣ постигающія его несчастія. Вы говорите, что одна и та-же участь постигаетъ всѣхъ: вѣрующаго и невѣрующаго, молящагося и злочестиваго. Но, развѣ вы не видите, что предопредѣленіе судьбы человѣческой часто кажущееся, и что въ дѣйствительности одни и тѣ-же событія приводятъ насъ къ различнымъ, а часто даже и прямо противоположнымъ результатамъ: тѣхъ, которые отвращаются отъ Бога, къ ожесточенію и ропоту; тѣхъ-же, которые смиряются предъ Нимъ—къ праведности и вѣчной жизни.

Неудача-ли, горе-ли, недугъ-ли какой-нибудь, страданіе-ли самое жестокое постигаетъ христіанина, и вотъ вы видите, какъ подъ напоромъ ихъ онъ смиряется, молится, благословляетъ и въ томъ, что, при другихъ условіяхъ, могло-бы послужить ему въ погибель, открываетъ тайну дѣйствительнаго величія торжества духа и святости.

И дивно это торжество Духа Господня, въ тысячу разъ оно удивительнѣе всѣхъ побѣдъ, одерживаемыхъ человѣческимъ геніемъ, ибо, благодаря ему, все содѣйствуетъ благу любящихъ Бога!

Въ этомъ, братія, заключается тайна жизни, въ этомъ-же заключалась и тайна силы апостола Павла, который самъ былъ живымъ выраженіемъ оставленнаго намъ изрѣченія. Въ самомъ дѣлѣ, какая жизнь по внѣшности была непригляднѣе его жизни? Не кажется-ли вамъ, проповѣдники неумолимаго рока, безумцемъ этотъ апостолъ, когда онъ восклицаетъ, что все содѣйствуетъ его благу? „Да неужели все?“ скажете вы. Неужели и его слабости, и искушенія, и вся неровность его могучей натуры? Неужели и его неудачи, и бѣдность, и опасности, и кораблекрушеніе и плѣнъ? Неужели и постоянныя преслѣдованія, и покушенія на жизнь со стороны враговъ, и недовѣріе къ нему христіанъ, и непримиримая ненависть іудеевъ, и глумленія эллиновъ? Неужели и тяжесть переживаемаго имъ испытанія, и его скорби, и заботы, и огорченія, и слезы, и страхъ отовсюду угрожающей ему опасности? Неужели и темница въ Римѣ и отчужденіе отъ него всѣхъ въ послѣдніе часы, и, наконецъ, мученическая смерть? Да, всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы довести его до отчаянія, до сомнѣнія въ участіи Божіемъ въ его судьбахъ. Но вы видите, что этотъ великій апостолъ въ напастяхъ почерпаетъ жизнь и силу. Вы видите, какъ подъ тяжестью испытанія онъ становится еще болѣе смиреннымъ, еще болѣе милосерднымъ. Вы видите, что любовь его къ Богу и къ ближнему не только не изсякаетъ, но что, напротивъ того, только усиливается и углубляется, подобно потоку, которому силятся преградить путь, и который растетъ тѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе и непреодолимѣе, чѣмъ больше преградъ.

Не удивляйтесь этому! Вѣдь у подножія креста воспиталась его душа. Туда онъ приходилъ ежедневно почерпать мудрости и силы; тамъ научился онъ вѣчно помнить, что все содѣйствуетъ благу любящихъ Бога.

Итакъ, ищите, братія, вашу силу тамъ, гдѣ апостолъ обрѣлъ свою. Подъ гнетомъ постигающихъ васъ невзгодъ вы сомнѣваетесь въ томъ, что все содѣйствуетъ вашему благу, вы ропщете на Бога и сомнѣваетесь въ Его любви? Но, потерпите, настанетъ день, когда Богъ оправдаетъ свои пути, когда случая не будетъ уже болѣе, когда и самый рокъ исчезнетъ, какъ пустой бредъ больного; настанетъ день, и онъ уже близокъ, когда, осѣненные небеснымъ свѣтомъ и просвѣщенные Самимъ Богомъ, вы прославите Его и познаете, что все въ Его путяхъ клонилось къ вашему спасенію и вѣчному блаженству. Аминь.

Ученіе и жизнь.

„Святи ихъ во истину Твою; слово Твое истина есть“ (Іоаннъ XVII, 17).

Братія!

„Святи ихъ во истину Твою; слово Твое истина есть“. Въ этой молитвѣ, съ которою Іисусъ обращается къ Богу, прося за всѣхъ Своихъ учениковъ, меня всегда поражало одно: это та тѣсная, неразрывная связь, которую Спаситель намъ установилъ между истиной, т. е., Божественнымъ словомъ съ одной стороны, и святостью сердца съ другой. Объ этой-то связи я и хочу сегодня побесѣдовать съ вами. Я могъ-бы сдѣлать это, обратившись прежде всего къ жизненному опыту вѣрующихъ, и, напомнивъ имъ, сколько жизни, силы, назиданія и святости почерпнули они уже въ этихъ словахъ, которыя какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ Учителя, и есть ничто иное, какъ сама истина. Но какое-то особенное влеченіе къ предмету моей предстоящей бесѣды заставляетъ меня отказаться отъ этого и отдать предпочтеніе болѣе общей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе существенной сторонѣ вопроса, т. е., связи ученія и жизни, чтобы доказать, что христіанская нравственность не отдѣлима

отъ дѣлъ и истинъ, въ которыхъ, по моему, заключается вся сущность христіанства.

Этой темы я не выбиралъ; она была внушена мнѣ живымъ интересомъ, съ которымъ нельзя не отнестись къ ней въ наши дни. Всѣмъ намъ извѣстно, какъ распространено въ настоящее время то ученіе, которое стремится поставить нравственность внѣ всякой внутренней связи съ вѣрованіями, общими всѣмъ христіанскимъ Церквамъ, и которое утверждаетъ, что нравственность, какъ таковая, не зависитъ вообще ни отъ религіозныхъ догматовъ, ни даже отъ самаго бытія Божія и личныхъ свойствъ Его. Въ такія времена, какъ наши, когда подобныя мнѣнія провозглашаются смѣло и громогласно, когда они, всё болѣе и болѣе проникая въ народную массу, становятся своего рода общенародными догматами,—въ такія времена не озабочиваться ими было-бы безразсудно и даже преступно. Напрасно думаютъ, что излишне обсуждать подобные вопросы съ церковной каѳедры передъ слушателями, заранѣе убѣжденными въ томъ, что мы станемъ утверждать. Мы не должны забывать того, что всѣ мы, дѣти нашего времени, что всѣ мы подвержены зловреднымъ вліяніямъ его и, что, поэтому самому, всѣ нуждаемся въ оборонѣ противъ главнаго недуга его,—отрицанія и невѣрія. Сверхъ того, я не могу не упомянуть низкой склонности, свойственной многимъ изъ насъ. Я подразумѣваю здѣсь то равнодушіе, то нерадѣніе, съ которыми относятся многіе къ вопросамъ вѣроученія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ глазахъ тѣхъ, къ кому относится только-что сказанное, подобные вопросы имѣютъ лишь второстепенную важность. Если

они и требуютъ отъ насъ чего-нибудь, то развѣ того, чтобъ мы проповѣдывали прежде всего о нравственной сторонѣ христіанства, чтобы настаивали на практическомъ примѣненіи его въ жизни, чтобъ говорили о нашихъ обязанностяхъ и въ особенности о любви къ ближнему. По ихъ мнѣнію только та проповѣдь и достойна вниманія, которая всего менѣе занимается обсужденіемъ догматическихъ истинъ и сверхъестественной стороны откровенія. Недугъ, о которомъ я говорю, есть недугъ внутренній. Онъ угрожаетъ намъ всѣмъ и бороться съ нимъ съ церковной каѳедры далеко не такъ безполезно, какъ думаютъ многіе. Но, прежде, чѣмъ приступить къ самому вопросу, я считаю нужнымъ остановиться, такъ сказать, въ его преддверіи и спросить себя, нѣтъ-ли, въ самомъ, дѣлѣ какой законной причины для вышеупомянутаго стремленія, съ которымъ мы намѣреваемся вступить здѣсь въ борьбу? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется это желаніе разобщить нравственность и религію? Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что между людьми, раздѣляющими это мнѣніе, мы съ горестью насчитываемъ людей, предъ правдивостью и честностью которыхъ нельзя не преклониться? Что въ самомъ дѣлѣ наталкиваетъ ихъ на это заблужденіе? духъ-ли зла, или какое-нибудь пагубное недоразумѣніе? Предлагая себѣ этотъ вопросъ, я, положивши руку на сердце, какъ передъ Богомъ, долженъ сознаться, что если они теперь и отдѣляютъ религію отъ нравственности, то первый поводъ къ тому имъ данъ былъ тѣми христіанами, которые впервые совершили этотъ гибельный для нравственности и религіи разрывъ. Да, у нихъ нравственность неоднократно

приносилась въ жертву религіи. Правило, что „цѣль оправдываетъ средство“, господствовало въ теченіе многихъ вѣковъ то надменно, и жестоко, то робко и раболѣпно, хотя и открыто; то оно только подразумѣвалось и не высказывалось. Я сказалъ только, что первый поводъ къ этому пагубному разъединенію былъ поданъ въ средѣ нѣкоторой части христіанъ, а не евангеліемъ потому, что въ этомъ послѣднемъ ничто не поражаетъ меня такъ сильно, какъ неподкупная святость его, не входящая ни въ какія сдѣлки съ совѣстью и человѣческими страстями: святость, предъ которою не можетъ не преклониться всякое нормальное нравственное сознаніе. Но, скажите сами, слушающіе меня христіане, не была-ли у нѣкоторыхъ нравственность во всѣ эпохи самымъ оскорбительнымъ образомъ попираема во имя служенія Богу? Мало-ли притѣсненій прикрывалось именемъ Его? Развѣ еще не защищалась недавно именемъ библіи продажа человѣкомъ человѣка и жестокіе поступки, неизбѣжно связанные съ рабствомъ? Развѣ не было такой школы, извѣстной подъ именемъ школы казуистической, которой удавалось дѣлать нравственность удобоудовлетворимой, благочестіе удобоисполнимымъ, а грѣхъ дозволеннымъ законами или, въ крайнемъ случаѣ, только слегка наказуемымъ? Развѣ эта школа не руководила нѣкоторое время умомъ и сердцемъ тѣхъ, которые управляли судьбами народовъ? Развѣ церковная каѳедра не безмолствовала, не обезоруживалась неудачными нападеніями, могущества и ловкости, если они хоть нѣсколько содѣйствовали интересамъ Церкви. Развѣ храмъ благочестія не прикрывался, не защищался беззаконіями и преступ-

леніями, для которыхъ не было-бы пощады, если бы они совершались подъ знаменами свободомыслія? Не этимъ-ли наслѣдіемъ прошлаго, попрекаютъ насъ наши противники? Не этимъ-ли отчасти объясняется то, что они, подводя въ ослѣпленіи всѣхъ вѣрующихъ подъ одну категорію, съ надменностью говорятъ намъ теперь: „Вы, люди религіи, не хотѣли нравственности; хорошо-же! мы, люди нравственности не хотимъ теперь вашей религіи.

Но какъ бы то ни было, братія, обвинителямъ нашимъ не мѣшало-бы повременить нѣсколько своимъ приговоромъ. Они уличаютъ себя своими собственными словами. Почему, въ самомъ дѣлѣ, беззаконія, о которыхъ я только-что упомянулъ такъ возмущаютъ ихъ? Не потому-ли, что виновниками ихъ были христіане? Да, замѣтьте себѣ это, братія, если-бы эти беззаконія совершены были во имя какой-либо иной религіи, то онѣ, пожалуй, были-бы для нихъ еще объяснимы чѣмъ-нибудь. Но христіанамъ потворствовать и одобрять беззаконія!... Да, вы правы. Это, дѣйствительно, не сообразно ни съ чѣмъ. Но почему бы вамъ, слѣдуя этой мысли, не довести такой логики до конца? Вы признаете, значитъ, что евангеліе должно было принести совсѣмъ иные плоды; вы признаете, значитъ, что оправдывать зло и несправедливость именемъ евангелія мы не имѣемъ никакого права; вашъ тайный инстинктъ говоритъ вамъ, стало быть, что его толкуютъ превратно, и что, только въ силу такого искаженія, заставляютъ его служить подобнымъ низменнымъ цѣлямъ? Но почему-же вы, признавая это, отвергаете религію, которую сами-же ставите такъ высоко? Странная-же у васъ манера

разсуждать! „Христіане, говорите вы, вдвойнѣ виновны, дѣлая то, что христіанствомъ осуждается“. Исходя изъ этого принципа, который самъ по себѣ совершенно вѣренъ, вы кончаете тѣмъ, что обвиняете то самое христіанство, которое только-что оправдывали собственными устами. Но, какъ бы то ни было, братія, достовѣрно только то, что во имя нравственности требуютъ, чтобы мы отказались отъ нашихъ вѣрованій. Что-же намъ предпринять во избѣжаніе приговора, произносимаго надъ христіанами? Ужъ не превратить-ли намъ христіанскую кафедру, какъ мѣсто служенія истины, въ трибуну изобличенія и бичеванія общественныхъ пороковъ? Упаси насъ, Боже, отъ этого. Это значило-бы забыть свое назначеніе, значило-бы быть руководиму земными страстями, значило-бы воздавать зломъ за зло, и остаться въ концѣ концовъ ни съ чѣмъ. Нѣтъ, не то заповѣдалъ намъ Іисусъ Христосъ и Его апостолы. По ихъ постановленіямъ надлежитъ, чтобы христіанская совѣсть, подкрѣпляемая строгими ссылками на евангеліе, говорила съ такою непоколебимостью, чтобы не было возможности не внять ея голосу. По ихъ постановленіямъ надлежитъ, чтобы жизнь христіанъ, представляя полный контрастъ съ жизнью міра сего, увлекала къ подражанію ей другихъ. По ихъ постановленіямъ надлежитъ, чтобы Церковь, въ дѣлѣ охраненія нравственныхъ началъ, защиты истины, или помощи страждущему, занимала самое выдающееся передовое положеніе. Но спрашиваю васъ, это-ли зрѣлище представляетъ она намъ въ наши дни? Мнѣ хорошо извѣстно всё то, что дѣлается похвальнаго въ нѣдрахъ Церкви; мнѣ извѣстны

всѣ тѣ подвиги смиренія и милосердія, которые невидимо для міра совершаются каждый день у изголовья больного, или бѣднаго, въ больницахъ или въ пріютахъ осиротѣлыхъ дѣтей, и даже въ далекой хижинѣ миссіонера. И однако, обращаясь къ современному благочестію, можемъ ли мы сказать по совѣсти, что самая выдающаяся черта его есть нравственная святость? Гдѣ мужественный неподкупный голосъ совѣсти? Во Франціи, напримѣръ, о степени религіозности часто судятъ лишь по многословію большинства. Да это, впрочемъ, и естественно. Мнѣ нерѣдко приходится пробѣгать образцы литературы, распространяемой тамъ въ народной массѣ. Что сказать о ней? То, что всего болѣе поражаетъ меня въ массѣ всего написаннаго, это безжизненный, притворный характеръ, ребяческое предпочтеніе, отдаваемое всему легендарному, преобладаніе вреднаго мистицизма. Ничего здѣсь нѣтъ мужественнаго, сильнаго, ничего, что напоминало-бы языкъ библіи, ничего, что хватало-бы за сердце и преобразовывало-бы жизнь. Удивительно-ли послѣ этого, что значительная часть народа не туда идетъ искать нравственныхъ началъ, въ которыхъ нуждается для того, чтобы легче переносить бремя дня, чтобы зарабатывать честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ, чтобы воспитывать ихъ и научить трудиться и страдать. Меня положительно удивляетъ то, какъ христіане безъ ужаса могутъ смотрѣть на ту пропасть, которая, всё болѣе и болѣе расширяясь, разверзается между великосвѣтскою религіею и нравственною жизнью народа. Развѣ не въ этомъ состоитъ самая страшная опасность, которая только можетъ угрожать

Церкви и обществу? Да, братья, самая серьёзная опасность для религіи заключается не въ преслѣдованіяхъ, которымъ она подвергается со стороны дурныхъ страстей, не въ гоненіяхъ, не въ насиліи и жестокости, которыя иногда поднимаются противъ нея, не въ глумленіяхъ развращеннаго скептицизма. Напротивъ, въ этомъ ея честь, ея слава, ея жизнь! Нѣтъ, всего болѣе религія должна опасаться совѣсти, которая открыто смотря ей въ лицо, говоритъ ей: я не нуждаюсь въ тебѣ! Да, братья, когда честные люди оставляютъ религію, не находя въ ней нравственности, религія неминуемо гибнетъ. И если бы мнѣ самому пришлось выбирать между тѣмъ и другимъ, я поступилъ бы какъ они: я не преминулъ бы предпочесть того, кто исполняетъ заповѣди Божіи, тому, кто, только толкуетъ о нихъ. Я рѣшительно предпочелъ бы тѣхъ, которые отказываются признавать имя Бога, тѣмъ, которые пользуются Имъ для того лишь, чтобы обезславить Его. Но дѣло въ томъ, возможно-ли то разъединеніе нравственности и религіи, къ которому стремятся наши противники? Нѣтъ, братія, оно рѣшительно немыслимо. Отдѣлите нравственность, которою мы живемъ, отъ христіанскаго ученія, и неминуемо погибнете. Разрушьте наше вѣроученіе и вмѣстѣ съ нимъ вы разрушите и нравственность. Намъ часто говорятъ: „проповѣдуйте намъ чистую мораль, а догматы предоставьте ученымъ преніямъ; разумъ современнаго человѣка не удовлетворяется ими. Догматы раздѣляютъ, а нравственность соединяетъ насъ. Проповѣдуйте намъ нравственность безъ всякой примѣси догматовъ, и всѣ сердца обратятся къ вамъ“. И вы серьёзно вѣрите этому? Хорошо,

допустимъ это на минуту. Измѣняя своимъ убѣжденіямъ и совѣсти, я пожертвую на минуту тѣми древними догматами, которые въ вашихъ глазахъ ничто иное, какъ совершенно излишій придатокъ къ религіозному чувству; я пожертвую на время ученіемъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, объ искупленіи, о грядущемъ судѣ и, чтобы ужъ вполнѣ удовлетворить васъ и ученіемъ о живомъ и личномъ Богѣ. Вы думаете, что послѣ того, проповѣдуя одну лишь нравственность евангелія, я заслужу расположеніе современнаго поколѣнія? Ахъ, это значило бы имѣть ужъ слишкомъ наивное понятіе о человѣческомъ сердцѣ, а главное поддаться ни съ чѣмъ несообразному самообольщенію. Общенародная евангельская нравственность! Это у кого хотите вызоветъ улыбку. И вы думаете, что міръ такъ любитъ ее, такъ жаждетъ ея? Въ теоріи, пожалуй, что и да! Вѣдь, не даромъ-же у насъ теперь въ модѣ поклоняться всему возвышенному, и не безъ основанія-же увѣряютъ насъ, что нѣтъ въ настоящее время такого пошлаго ума, который не увѣрялъ-бы другихъ въ томъ, что восхищается имъ. Но попробуйте только отнестись посерьёзнѣе къ самому дѣлу этой нравственности, попробуйте послушать о грѣховности человѣка, о судѣ, о необходимости обращенія къ Богу, о смиреніи, покаяніи и причащеніи, и вы увидите, какъ придется вамъ по вкусу такая проповѣдь. Возьмемъ для примѣра хоть ту изъ евангельскихъ заповѣдей, которая болѣе всего располагаетъ къ себѣ, возьмемъ хоть проповѣдь о любви къ ближнему. Я говорю здѣсь не о томъ притворномъ слабонервномъ чувствѣ, которое такъ часто смѣшиваютъ съ любовью, а о

любви настоящей, о той любви, которою жилъ Самъ Христосъ, и о которой проповѣдывалъ Онъ, и словами, и дѣломъ спасая души; о той любви, которая безпокоитъ, докучаетъ намъ въ постоянномъ стараніи освободить насъ отъ всего себялюбиваго, и которая возстаетъ предъ нами кровавымъ упрекомъ въ образѣ распятаго на крестѣ милосердія. Какъ вы думаете, понравилась бы міру проповѣдь на тему подобной любви?

Съ своей стороны я нисколько не стѣсняюсь сказать, что подобная проповѣдь, если-бы она была мужественна и правдива, вызвала-бы въ душѣ моей цѣлую бурю. Общенародная христіанская мораль. Да когда-же она была популярна, въ какой періодъ исторіи христіанства? Возьмите для примѣра хоть первые дни вступленія ея въ міръ, вспомните первыхъ христіанъ. Неужели вы думаете, что однихъ только вѣрованій ихъ достаточно было для того, чтобы семь разъ поднимать противъ нихъ всѣ силы римской имперіи? Нѣтъ, не вѣрованія ихъ вызывали эти гоненія. Среди всеобщаго скептицизма, въ которомъ коснѣлъ тогдашній міръ, вѣрованія христіанъ еще могли бы быть терпимы въ нравственныхъ началахъ, среди всеобщаго нравственнаго растлѣнія и развращенности, для которыхъ нѣтъ даже названія,—вотъ чего не могъ снести тогдашній міръ, вотъ что заставило зарычать его подобно разъяренному звѣрю, у котораго оспариваютъ добычу. Общенародная христіанская нравственность. Да посмотрите вы на Того, Кто самъ былъ живою воплощенною Святостью и Милосердіемъ. Ужасно даже вымолвить, что никто не былъ такъ ненавидимъ міромъ, какъ Іисусъ Христосъ.

Итакъ, братья, смѣшно было-бы утверждать, что мы завоюемъ себѣ міръ, проповѣдуя ему одну лишь нравственность. При первомъ-же прямомъ и правдивомъ словѣ, произнесённомъ нами, вы увидѣли-бы, какъ всё, что ни есть отвратительнаго и отталкивающаго въ человѣческомъ сердцѣ, накинулось бы на насъ. Борьба возгорѣлась бы съ еще бо́льшею силою и ожесточеніемъ; каждый употреблялъ бы всѣ свои усилія на то, чтобы отнять у этого ученія всё, что стѣсняетъ, оскорбляетъ его; каждый урѣзывалъ бы его по своей мѣркѣ, и, вмѣсто того трогательнаго объединенія, о которомъ вы мечтаете, вы увидали-бы двадцать нравственныхъ ученій, спорящихъ на развалинахъ евангелія, вы увидали-бы людей, разногласіе которыхъ продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока они не скинули бы съ себя несноснаго, ненавистнаго ярма надоѣвшей имъ до́ смерти святости. Мы не выиграли бы, стало быть, ничего, если бы пожертвовали нашими вѣрованіями. Мало того, мы потеряли бы всё, потому что разъединеніе нравственности и ученія, о которомъ мы говоримъ, вещь рѣшительно невозможная.

Но что́ подразумѣвать намъ подъ нравственностью и въ чемъ она собственно заключается? Въ сознаніи того, какъ я долженъ жить, или въ сознаніи правилъ, которымъ должна быть подчинена вся моя жизнь и всѣ мои поступки? Но для этого вѣдь достаточно мнѣ одного инстинктивнаго чувства долга, свойственнаго каждому изъ насъ. Такимъ образомъ предо мной возстаютъ торжественно два вопроса: кому и чему я долженъ подчиняться? Неужели вы можете допустить хоть на минуту, что отвѣтъ, который я дамъ на этотъ вопросъ, не

будетъ находиться въ прямой зависимости отъ моего взгляда на жизнь и на мои отношенія къ ближнему и къ Богу? Предположимъ, напр., что я признаю сначала чисто философскую, а затѣмъ чисто религіозную систему. Съ точки зрѣнія первой единственный центръ и единственная цѣль, къ которымъ направлены всѣ личныя стремленія человѣка, онъ самъ, его собственное „я“. Самый высшій законъ, которому я долженъ буду здѣсь подчинять свою жизнь и дѣятельность, есть, стало быть, въ сущности эгоизмъ. Съ точки зрѣнія второй, т. е., религіи, личность моя стушевывается совершенно передъ личностью Бога и высшимъ закономъ жизни. Является послушаніе и любовь. Не очевидно-ли, что каждое изъ этихъ міровоззрѣній имѣетъ свое особое ученіе нравственности? Не очевидно-ли, что атеизмъ долженъ будетъ породить въ насъ другіе плоды, чѣмъ вѣра въ Бога, нашего Отца. Да, я знаю, братья, что по счастливой непослѣдовательности, даже самыя пагубныя ученія не всегда приносятъ свои плоды, и что добродѣтель иныхъ атеистовъ могла бы заставить покраснѣть не одного изъ христіанъ. Я знаю, что даже и въ средѣ язычниковъ, обожавшихъ безнравственныхъ, капризныхъ и жестокихъ боговъ, можно насчитать не мало высоконравственныхъ примѣровъ. Я знаю, что „презрѣннѣйшимъ божествамъ служили часто величайшіе люди“, и что священный голосъ совѣсти не разъ заставлялъ уважать и её на землѣ, не разъ заглаживалъ собой даже страшныя преступленія. Я знаю всё это; но развѣ я захожу ужъ слишкомъ далеко, если утверждаю, что случаи подобнаго рода составляли исключенія, и что въ концѣ концовъ нравственность древняго міра

всѣ-таки погрязала въ порокѣ, вслѣдствіе несовершенства самихъ религій древности. Да и не естественно-ли это въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, если я разъ признаю Бога, какъ Творца и Промыслителя, то ужъ очевидно, что странно было-бы требовать отъ меня нравственности, или хоть исполненія самой ничтожной обязанности безъ мысли о томъ Богѣ, которому принадлежитъ вся моя жизнь. Вотъ на это-то именно и пролило христіанство свой чудный свѣтъ. Отличительная и глубокая черта, характеризующая христіанство и состоитъ именно въ этомъ соединеніи нравственности съ ученіемъ до полнаго ихъ объединенія и неразрывности. И подобно тому, какъ вы не можете указать мнѣ такой части человѣческаго тѣла, изъ которой не вытекала бы кровь, если бы ее пронзили мечемъ, также точно вы не можете указать мнѣ и такого евангельскаго ученія, изъ котораго живой плодотворной струей не исходила бы нравственность. То, что меня болѣе всего поражаетъ въ св. Писаніи, есть практическій характеръ Его наставленій: въ немъ нѣтъ ничего метафизическаго. Вы не найдете въ немъ ни одного чисто—философскаго опредѣленія Бога; Богъ проявляется здѣсь только въ дѣлахъ Своихъ. По изрекаемымъ Имъ повелѣніямъ вы должны угадывать Его характеръ; Его законы даютъ вамъ возможность проникнуть въ Его существо и, повинуясь Ему, мы можемъ познать Его. Скажите же мнѣ, гдѣ начинается здѣсь нравственность и кончается вѣроученіе. Они такъ тѣсно, такъ неразрывно связаны здѣсь, что скорѣе возможно отдѣлить вѣтку отъ дерева, лучъ отъ солнца, и рѣку отъ источника, чѣмъ христіанскую нравственность отъ христіанскаго догмата.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Но чтобы дать вамъ сильнѣе почувствовать это, я представлю вамъ человѣка; пытающагося осуществить идеалъ христіанской нравственности безъ вѣры въ христіанскіе догматы. Представимъ себѣ, что вы отрѣшились отъ догмата, но на почвѣ морали, на почвѣ нравственности протягиваете намъ братскую руку и что ваша совѣсть вполнѣ соглашается съ нашими наставленіями. Ужъ не разъ вы удивлялись той глубокой внутренней связи, которая существуетъ между заповѣдями евангелія и требованіями вашего собственнаго сердца; не разъ трепетали вы отъ волненія передъ тѣмъ идеаломъ милосердія, къ которому призываетъ насъ Іисусъ Христосъ. Съ этой стороны вы еще хотите быть христіаниномъ, и ради этого вы пришли сюда сегодня. Представимъ себѣ теперь, что вы въ борьбѣ съ искушеніемъ. Въ минуту заблужденія ваше сердце готово уступить; преступная страсть васъ смущаетъ; образъ, носящійся предъ вашими глазами, манитъ васъ въ пропасть; взволнованные и колеблемые подъ вліяніемъ рокового обаянія, вы готовы пасть!.. Но вдругъ въ васъ заговариваетъ ваша совѣсть; вы вспоминаете о семейномъ очагѣ, о подругѣ вашей жизни, которой клялись предъ Богомъ. Васъ испугала вся чудовищность подобнаго преступленія, обаяніе разсѣевается и побѣжденный врагъ оставляетъ васъ на время въ покоѣ. Неужели вы думаете, что въ этой побѣдѣ вашей души надъ тѣломъ вами руководила одна лишь нравственность. Ошибаетесь, христіанинъ, не признающій вѣроученія! Сами того не сознавая, вы подчинились ему. Святость христіанскаго брака основана на Божественномъ его постановленіи, начертанномъ на первой страницѣ

откровенія и возстановленномъ во всемъ его лучезарномъ сіяніи Іисусомъ Христомъ. Представьте себѣ библію поруганою, а это постановленіе забытымъ, или изгнаннымъ изъ среды болѣе или менѣе прелюбодѣйныхъ преданій еврейскаго народа. Вы думаете, что нравственность ваша не пошатнулась бы отъ этого, и ваша совѣсть не испытала бы всѣ тѣ смущенія и угрызенія, которыя спасли васъ въ только что приведённомъ случаѣ? развѣ вы испытали бы ихъ, если бы родились въ религіи Будды или Магомета? развѣ краеугольный камень нашего семейнаго очага не покоится на откровеніи воли Божіей. И вы, человѣкъ долга, удивляетесь послѣ всего этого. что мы настаиваемъ на догматахъ и не терпимъ прикосновенія къ нимъ!

Возьмемъ другой примѣръ. Представимъ себѣ, что какой-либо бѣднякъ стучится въ вашу дверь. Несносный! онъ пришелъ совсѣмъ не во время: вы въ это время мечтали о счастливомъ предпріятіи, объ осуществленіи проекта, который вы давно лелѣяли или объ успѣхѣ въ свѣтѣ, объ увеличеніи вашего имущества, объ украшеніи вашаго жилища, объ удовольствіи. однимъ словомъ—о томъ, что дорого, вашему сердцу. Какой контрастъ между мечтой счастливаго себялюбія и этой мучительной для васъ дѣйствительностью нищеты въ рубищѣ! Раздраженный самимъ контрастомъ, вы готовы уже оттолкнуть его сурово отъ себя... Но вдругъ вамъ приходитъ на память одна изъ страницъ евангелія. Подъ рубищемъ этого несчастнаго вы узнаете величавую фигуру Христа, говорящаго вамъ: „Я былъ голоденъ и вы Мнѣ не дали ѣсть; былъ нагъ, и вы не одѣли Меня“. Ваша со-

вѣсть заговорила, сердце смягчилось, рука протянулась съ щедрымъ подаяніемъ, уста произносятъ ласковыя, ободрительныя слова—и вслѣдствіе этого передъ вами еще одна несчастная семья, спасенная отъ позора и, можетъ быть, отъ порока, еще одна благословенная страница въ вашей жизни, страница, которая когда-нибудь будетъ вашимъ утѣшеніемъ.

Братъ мой! Ты думаешь, что все это произошло лишь вслѣдствіе присущаго тебѣ сознанія нравственнаго долга? Ты ошибаешься. Въ этомъ движеніи твоей души выразилась вѣра. Развѣ эта идея о Христѣ, пребывающемъ въ Церкви и судящемъ міръ, не есть одно изъ христіанскихъ вѣрованій! Развѣ подобная идея была-бы возможна, если бы Христосъ былъ только мудрецомъ, подобно Сократу или Платону? Развѣ Его образъ могъ бы производить на насъ такое впечатлѣніе, если бы онъ передъ нападками современной критики потерялъ свой идеалъ чистоты и святости? И вы, не смотря на все это, можете еще удивляться тому, что мы защищаемъ наши догматы и не терпимъ, чтобы касались нашего Спасителя? „Нѣтъ“, отвѣчаете вы мнѣ; „въ наставленіяхъ вашихъ мы, кромѣ чисто внѣшней формы, не находимъ ничего. Мы и безъ этихъ догматовъ сумѣемъ узнать въ бѣднякѣ человѣка, и этого намъ достаточно, чтобы оказать ему помощь. Любовь не зависитъ ни отъ какихъ догматовъ. Намъ достаточно знать то, что люди братья, чтобы ихъ несчастья нашли отголосокъ въ нашихъ сердцахъ“. Да правда-ли это? Неужели, разсуждая такъ, вы серьезно вѣрите въ то, что счеты ваши съ нашими догматами уже покончены? Всѣ люди—братья. Вамъ

достаточно этого? Ужъ не считаете-ли вы прирожденной идеей этого понятія о человѣческомъ братствѣ? Горько-же вы въ этомъ ошибаетесь. Когда же вы, наконецъ, познаете дѣйствительный источникъ, изъ котораго вы черпаете эту идею? Развѣ думали о человѣческомъ братствѣ въ древнемъ мірѣ? Развѣ думали о немъ въ Римѣ, гдѣ въ эпоху самой утонченной цивилизаціи каждый вечеръ заставляли умирать на аренахъ цирка отъ 10 до 20 тысячъ плѣнниковъ для забавы народной толпы? Развѣ думали о немъ въ Греціи, гдѣ ученѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе изъ мудрецовъ смотрѣли на варваровъ съ такимъ презрѣніемъ, гдѣ новорожденныхъ, отвергнутыхъ отцами, бросали въ пропасть, гдѣ больной невольникъ, по ученію Платона, не стоилъ того, чтобы ухаживать за нимъ? Да, долго-ли стали бы думать о немъ въ наши дни, еслибы новѣйшія ученія о происхожденіи человѣка отъ животнаго, окрѣпли и принесли свои плоды? Долго-ли человѣкъ былъ-бы священнымъ предметомъ въ глазахъ тѣхъ, которые бы видѣли въ немъ одну лишь усовершенствованную обезьяну? Кто бы сталъ еще думать о томъ, что всѣ люди—братья, если-бы христіанская вѣра исчезла и ученіе о сотвореніи міра превратилось въ прахъ? И вы, люди нравственности, удивляетесь, что мы защищаемъ наши догматы и говоримъ безумцамъ издѣвающимся ради удовольствія надъ нашими вѣрованіями: „Берегитесь! Вы вырываете у насъ то, что составляетъ человѣческое достоинство, человѣческую гордость“. Я могъ бы увеличить число такихъ примѣровъ, но и этихъ достаточно. Вы сами теперь можете судить, возможно-ли отдѣлять христіан-

скую нравственность отъ христіанской религіи. Только что сказанное да послужитъ отвѣтомъ и на другое возраженіе, которое дѣлаютъ намъ столь-же часто.

Намъ указываютъ на людей, которые совершенно чужды нашимъ вѣрованіямъ и которые, между прочимъ, совершаютъ такіе подвиги самопожертвованія и милосердія, къ коимъ нельзя не отнестись съ уваженіемъ; намъ указываютъ на людей образцовой жизни и непоколебимой правдивости, и на основаніи этого дѣлаютъ заключеніе о безполезности нашихъ принциповъ и нашей вѣры. Съ своей стороны вѣрующіе смущенные и раздраженные этимъ возраженіемъ, нерѣдко стараются умалить эти подвиги и объяснить ихъ какимъ нибудь своекорыстнымъ мотивомъ. На это противники наши отвѣчаютъ тѣмъ-же, набрасываютъ, въ свою очередь, тѣнь на христіанскіе подвиги и, переводя отъ нападенія къ нападенію, отъ колкостей къ колкостямъ, обѣ стороны кончаютъ споръ оскорбленіями. Что-же касается меня, то я не одобряю подобной тактики; но тѣмъ не менѣе долженъ признаться, что не могу безъ глубокой скорби смотрѣть на прямодушныхъ, честныхъ и добродѣтельныхъ людей, отталкивающихъ тѣ вѣрованія, которыя они должны были бы благословлять. Въ этихъ душахъ, чуждающихся насъ, я все таки усматриваю божественную печать, наложенную на нихъ христіанствомъ, и говоримъ: „что бы вы ни дѣлали, а отречься отъ своего происхожденія вы не можете; кровь, текущая въ вашихъ жилахъ, есть наша кровь; вы съ нами питались духовнымъ молокомъ изъ груди общей нашей матери. И эти-то наши вѣрованія, проникшія незамѣтно

для васъ въ вашу внутреннюю жизнь, и дѣлаютъ васъ тѣмъ, что вы представляете собою теперь. Вы думаете избѣжать вліянія христіанства, подобно безумцу, который старается скрыться отъ солнца; онъ запирается въ своемъ домѣ, закладываетъ камнями окна и тамъ, во мракѣ, освѣщаемый одной лампой, думаетъ достигнуть своей цѣли, какъ будто солнце не находится въ воздухѣ, вдыхаемомъ имъ, и въ глубинѣ атмосферы, давшей ему жизнь, и въ пищѣ, которою онъ питается, и въ теплотѣ его тѣла, и въ крови, которая течетъ по всѣмъ фибрамъ его существа, и въ біеніи его сердца. И такъ, бѣдный резонеръ, напрасно ты работаешь, замкнутый въ толстыхъ стѣнахъ твоей діалектики, при скудномъ свѣтѣ человѣческой науки; напрасно ты думаешь скрыться отъ солнца христіанства, откуда вотъ уже 18 вѣковъ исходитъ къ намъ теплота и жизнь. Выйди изъ своей темницы, подними глаза къ небу, преклони колѣна, и, склонивъ голову, признай то горнее Свѣтило, которому ты обязанъ всѣмъ.

Вы понимаете теперь, братья, почему мы настаиваемъ такъ на необходимости проповѣдывать христіанское ученіе, и обширный личный опытъ всякаго вѣрующаго подтверждаетъ то, что я сказалъ. Всѣ великія религіозныя движенія, всѣ великія пробужденія христіанскаго духа въ церкви вызывались не столько проповѣдью о нравственности, сколько побѣдоноснымъ подтвержденіемъ самихъ истинъ вѣры: „Да оно и быть не можетъ иначе. Мораль сама по себѣ столько-же подавляетъ, сколько привлекаетъ насъ, Чѣмъ выше она, тѣмъ болѣе она способна привести насъ въ отчаяніе и уныніе. Прези-

рая идеалъ, человѣкъ, проникнутый сознаніемъ своей немощи, падаетъ духомъ, и отчаяніе охватываетъ его. Живымъ примѣромъ тому можетъ служить вамъ самая благородная школа древней морали,—стоицизмъ, удивлявшій весь міръ огромнымъ числомъ учениковъ, лишавшихъ себя жизни. Возьмите, напр., самое возвышенное проявленіе нравственности,—самопожертвованіе. Достаточно-ли одной только проповѣди о немъ, чтобы заставить меня отважиться на него? Если мое воображеніе и поражается имъ, то вѣдь всё существо мое отступаетъ съ содроганіемъ передъ подобнымъ требованіемъ нравственнаго закона. Если-же, вмѣсто того, чтобы принуждать меня къ самопожертвованію, вы укажете мнѣ на Господа, повелѣвающаго мнѣ пожертвовать собой; если вы убѣдите меня, что эта жертва найдетъ въ Его любви свое утвержденіе и награду; если наконецъ, вы покажете мнѣ это самопожертвованіе, выполненное Тѣмъ Самымъ, Кто его предписываетъ мнѣ, то развѣ вы не можете понять того, что тѣмъ самымъ уже вдохнете въ меня такую безграничную силу, какой не въ состояніи дать мнѣ никакое разсужденіе? Вотъ каково именно дѣйствіе христіанскаго вѣроученія, которое есть дерево, произрастающее плоды нравственной жизни и святости, безъ которыхъ міръ не можетъ обходиться. Представимъ себѣ, что апостолы стали-бы проповѣдывать міру одну лишь мораль. Что вы думаете? Удалось-ли бы имъ основать церковь? Спросите, у нашихъ миссіонеровъ: проповѣдью-ли нравственныхъ истинъ обращаютъ они сердца? Спросите, наконецъ, у всей Церкви, и она отвѣтитъ вамъ въ лицѣ своихъ величайшихъ представителей, что вся

сила ея въ тѣхъ ученіяхъ, которыя стараются отнять у насъ теперь. Какъ вы думаете? Который изъ двухъ проповѣдниковъ обратитъ наибольшее число душъ? Тотъ-ли, который проповѣдуетъ о томъ, что долженъ дѣлать человѣкъ для угожденія Богу, или тотъ, который проповѣдуетъ о томъ, что дѣлаетъ Богъ для спасенія человѣка? Если вы призадумались надъ отвѣтомъ, то представьте себѣ съ одной стороны Синай, гдѣ законъ нравственности впервые возсіялъ во всемъ своемъ блескѣ, а съ другой Голгофу, гдѣ Божественная любовь явилась міру во всемъ своемъ величіи. Спросите исторію, откуда снизошли міру жизнь и спасеніе, съ Голгофы, или съ Синая? Научимся-же изъ этого, братія, держаться безъ послабленія великихъ истинъ евангелія и запомнимъ разъ навсегда, что только одна Божественная истина освѣщаетъ нашу дѣятельность, и что внѣ ея можно, пожалуй, обладать и добродѣтелями, достойными уваженія, но что только она одна можетъ сообщить человѣческой душѣ постоянное стремленіе къ добру, что только одна она можетъ дать ей силу для дѣятельности и постоянства.

Будемъ-же ради самой нравственности отстаивать энергично наставленія вѣры. Мы проповѣдуемъ евангеліе не изъ желанія угодить нашему вѣку, а изъ повиновенія истинѣ. При томъ-же, если это и коробитъ мудрецовъ міра сего, то вѣдь мы знаемъ, что, проповѣдуя евангеліе, мы отвѣчаемъ на вѣчныя нужды человѣческой души. Братія! у каждаго вѣка взглядъ на вещи и жизнь узокъ и ограниченъ; каждая эпоха составляетъ неполное и неточное представленіе о человѣкѣ: сегодня его бого-

творятъ, завтра унижаютъ, или позорятъ. Современное просвѣщеніе создало въ насъ множество искусственныхъ, условныхъ понятій; мода дня искажаетъ нашу природу. Богъ евангелія не есть Богъ вѣка, Онъ есть Богъ всего человѣчества. Откровенныя ученія отвѣчаютъ на всѣ вѣковые и глубокіе запросы человѣческаго сердца. Вотъ почему, внѣ его, нравственность не находитъ себѣ ни жизни, ни обезпеченія.

Да, будемъ проповѣдывать христіанское ученіе. Но знаете ли, что собственно вредитъ нашей проповѣди? Къ сожалѣнію нашему, мы должны указать вамъ на то слабое вліяніе, которое оказываетъ ученіе на большинство лицъ, принявшихъ его. Не могу не признаться вамъ, что это часто смущало мою вѣру. Когда я разсматривалъ христіанство въ его величественномъ цѣломъ; когда я вижу эти величественныя истины откровенія, подобныя высокимъ горамъ, вершины которыхъ теряются въ глубинѣ небесъ; когда я пробѣгаю цѣлые вѣка чудной исторіи, которая, начавшись въ Эдемской колыбели, окончится повсемѣстнымъ водвореніемъ вѣчнаго царства праведности и милосердія на примиренной землѣ; когда я останавливаю взоры свои на Божественномъ образѣ Христа, на Его Божественной святости, на той любви, которая сіяла на Голгоѳѣ; когда я внимаю слову, исходящему изъ Его устъ, слову, полному Божественнаго значенія: тогда я вѣрую, боготворю и восклицаю: „евангеліе есть истина, истина и истина!“ Но что меня такъ часто смущаетъ, такъ это самая жизнь тѣхъ, которые называютъ себя христіанами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, что ученіе это истинно; когда тѣ, которые

уже приняли и исповѣдуютъ его лѣтъ 20 или 30, остаются такими-же, какими были прежде; когда они всё еще полны надменности и эгоизма; когда изъ ихъ устъ вырываются противъ ихъ братьевъ безжалостные приговоры? Какъ вѣрить этому, когда самыя убѣдительныя воззванія къ состраданію почти не трогаютъ ихъ, когда они жертвуютъ только тѣмъ, что самолюбіе, суетность или желаніе блеснуть уже сами отъ себя и для себя посвящаютъ міру? Какъ повѣрить этому, когда видишь, какъ тѣ, которые просятъ изобличающей проповѣди, которые желаютъ, чтобы имъ говорили о святости Бога, о грѣхѣ, о жизни, о грядущей смерти, сломя голову бросаются въ вихрь свѣтской суеты, приводя насъ въ смущеніе своимъ легкомысліемъ? Какъ вѣрить этому, когда неожиданныя паденія или вдругъ разоблачающаяся распущенность обнаруживаются передъ всѣми къ стыду Церкви и къ радости ея противниковъ. Какъ вѣрить этому, когда такъ часто грубость поступковъ, недостатокъ добросовѣстности и честности до такой степени замаскировываются наружной набожностью, что къ языку религіи прямодушные люди относятся съ инстинктивнымъ недовѣріемъ... Вотъ, братія, что порождаетъ скептиковъ, вотъ что ослабляетъ нашу проповѣдь, вотъ противъ чего безсильны всѣ наши апологіи, вотъ что губитъ души. Да наполнитъ насъ эта мысль спасительнымъ ужасомъ. Да смиримся мы, раскаемся и, ударяя себя въ грудь, запомнимъ навсегда, что если истина, въ которую мы вѣруемъ, не пересоздастъ наши сердца и не преобразуетъ нашу жизнь, то она же послужитъ намъ въ осужденіе въ день грядущаго суда.—Аминь.

Грѣхи другихъ.

„*Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ*“ (Гал. VI, 1).

Въ разсужденіяхъ относительно грѣха человѣкъ постоянно колеблется между двумя крайностями: между излишней строгостью и излишней снисходительностью. Въ IV вѣкѣ, въ эпоху гоненій, Церковь безусловно осуждала всѣхъ, отрекшихся отъ Іисуса Христа въ минуту слабости; позднѣе явилось отпущеніе грѣховъ и безпримѣрная распущенность нравовъ, которые позорили христіанство къ концу среднихъ вѣковъ. Въ XVI вѣкѣ кальвинизмъ сталъ примѣнять къ незначительнымъ проступкамъ жестокія наказанія драконовскихъ законовъ. То-же самое противорѣчіе поражаетъ меня и въ современномъ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ я вижу, какъ суровость легко переходитъ въ фарисейское исполненіе долга; у насъ-же напротивъ, большинство публики снисходитъ къ нравственному легкомыслію и даже къ развращенности, если послѣдняя умѣетъ скрываться подъ

привлекательной наружностью. Это естественно въ такую эпоху, когда въ преступленіи желаютъ видѣть болѣзнь, теряя всякое сознаніе святости. Эти двѣ крайности мы можемъ найти и въ нашемъ собственномъ воззрѣніи. Первую, когда изъ нашихъ устъ вырываются строгія безжалостныя осужденія какой-нибудь безобразной страсти, или порока, возмущающаго насъ; вторую, когда дѣло коснется тѣхъ ошибокъ, или проступковъ, къ которымъ склонно и наше собственное сердце. Является тогда нерѣшительное порицаніе, съ усиліемъ выходящее изъ нашего сердца, наполовину завоеваннаго зломъ.

Іисусъ Христосъ святъ, Его жизнь есть свѣтъ, при которомъ еще мрачнѣе становится тьма окружающая эту жизнь. Онъ осуществляетъ пророческія слова Симеона, что сокровенныя мысли будутъ открыты Имъ. Въ Его присутствіи легкомысленная и вольная самарянка начинаетъ сознавать всю грѣховность своей жизни и устрашается ею; богатый юноша, какъ типъ заслуженнаго самодовольствія, смущается въ глубинѣ своего сознанія, и удаляется печальный; несчастные бѣсноватые восклицаютъ: „что Тебѣ (въ) до насъ, Іисусъ Назорей?“ Самъ Петръ, въ одну изъ своихъ первыхъ встрѣчъ съ Нимъ, произноситъ такія слова: „Удались отъ меня, потому что я человѣкъ грѣшный“. Вотъ каково впечатлѣніе безпримѣрной святости, подъ вліяніемъ которой зло являлось во всемъ своемъ безобразіи, а человѣческія доородѣтели исчезали, какъ блескъ стекла предъ блескомъ чистаго алмаза. Нельзя сказать, чтобы Іисусъ былъ снисходителенъ ко злу; напротивъ, Онъ былъ, по словамъ Паскаля: „святъ, какъ Богъ, страшенъ демонамъ, и безъ вся-

каго грѣха". Нельзя сказать, чтобы Онъ унизилъ нравственный идеалъ; напротивъ, Онъ не желалъ другого закона, кромѣ совершенствованія. „Будьте совершенны, потому что совершенъ былъ Отецъ Небесный".

И однако, развѣ не у Христа находили самый легкій доступъ грѣшники и самое надежное убѣжище, люди, наиболѣе порочные, униженные, презираемые? Приходили къ Нему всѣ, исключая лицемѣровъ, приходили побѣжденные влеченіемъ, которому не могли противостоять. Обыкновенно жизнь запятнанная страшится вида жизни святой. Она избѣгаетъ ея, какъ больной глазъ избѣгаетъ свѣта, который его раздражаетъ. Поговорите о нравственномъ идеалѣ падшему существу, предположивъ даже, что онъ васъ выслушаетъ. Какое дѣйствіе произведете вы на него? Дѣйствіе мрачнаго, глубокаго отчаянія, подобнаго тому, которое испытываетъ человѣкъ, видящій въ кошмарѣ, какъ на его пути встаетъ стѣна ужасающей высоты и отнимаетъ у него всякую надежду на бѣгство отъ опасности. Такимъ образомъ проповѣдь о святости примутъ лишь наименѣе падшія души. Прочіе-же грѣшники обыкновенно раздражаются, отталкиваютъ слово, осуждающее ихъ поведеніе. Они прибѣгнутъ къ фарисейству, или заглушатъ вашъ голосъ шумными взрывами циничеcкой веселости, и оставятъ васъ безъ всякой надежды повліять на нихъ. О, вы, извѣдавшіе эти печальные опыты! Не удивительно-ли для васъ это несравнимое ни съ чѣмъ влеченіе, которое Іисусъ Христосъ оказывалъ на наиболѣе испорченныхъ людей? Въ то время, какъ повсюду въ мірѣ мы встрѣчаемъ или строптивое упорство, или насмѣшливую снисходительность, же-

лающую какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ васъ, у Христа напротивъ, проявляется дивный контрастъ святости, соединённой съ могучею силою привлекать къ Себѣ души самыя порочныя и преступныя. Братія! углубимся въ эту тайну и мы увидимъ, что весь секретъ ея—въ любви Его. Да, если обращаются къ ней всѣ эти ненавистные мытари и отверженцы, всѣ эти алчущіе и жаждущіе, то это потому, что они никогда еще не чувствовали на себѣ ничьей любви въ такой степени; потому что въ самомъ порицаніи и взорѣ Его было что-то такое, что ихъ не обманывало; потому что въ Іисусѣ Христѣ, какъ въ Самомъ Богѣ, любовь и святость сливались въ небесную гармонію, а у насъ они или совершенно отсутствуютъ, или появляются врозь, да и то въ незначительныхъ дозахъ.

Я долженъ былъ привести примѣръ Божественнаго Учителя, прежде чѣмъ перейти къ увѣщанію Его апостола, приглашающаго насъ обращать падшихъ. „Если впадетъ человѣкъ въ какое прегрѣшеніе“, говоритъ апостолъ Павелъ, „исправляйте токового въ духѣ кротости“. Разсмотримъ прежде всего впечатлѣніе, производимое на насъ паденіями нашихъ братьевъ, и увидимъ потомъ, что нужно дѣлать для ихъ обращенія.

Предъ вами свѣтское общество, составленное не изъ тѣхъ необразованныхъ, грубыхъ и лишенныхъ съ дѣтства всякаго нравственнаго вліянія людей, которые встрѣчаются тысячами на улицахъ. Здѣсь всѣ люди, получившіе блистательное воспитаніе, способные понимать и восхищаться всѣмъ прекраснымъ, доступные иногда самымъ великодушнымъ порывамъ... Въ этотъ-то избранный кружокъ вдругъ приносится вѣсть... Это—сообще-

ніе, которое, какъ говорятъ, каждый долженъ хранить про себя... О чемъ-же идетъ дѣло? Объ проступкѣ, паденіи, позорѣ, который открывается вскорѣ .. Замѣчаете-ли вы дѣйствіе, произведенное имъ? Замѣчаете-ли вы взгляды, блистающіе злобной радостью? Слышите-ли вы, какъ дотолѣ вялый разговоръ оживляется, перерываясь бурными взрывами, подобно пламени, раздуваемому со стороны? Слышите-ли вы эти многочисленные вопросы? Наблюдаете-ли вы, съ какимъ живымъ интересомъ собираются малѣйшія подробности объ упомянутомъ паденіи; слѣдите-ли вы за выраженіемъ лицъ, показывающихъ что знаютъ болѣе, чѣмъ желаютъ сказать; за вѣроломными намеками, прикрывающимися ложнымъ сболѣзнованіемъ? Правда-ли всё это? Преувеличиваю-ли я, утверждая, что легкомысліе и безчинства другихъ суть любимая пища для разговоровъ во всѣхъ сословіяхъ общества, и что, если отнять изъ этихъ разговоровъ клевету, то вы отнимите всю ихъ прелесть, и что, будто бы ничто не воодушевляетъ такъ бесѣды, какъ злословіе? Намъ говорятъ, братія, что человѣкъ добръ. Да, я знаю хорошо, что всѣ заботятся о сохраненіи приличій, и что мы, французы, менѣе всего нуждаемся въ этомъ напоминаніи. Но кто не знаетъ, что есть ученое состязаніе словомъ, въ которомъ пріобрѣтаютъ удивительную сноровку? Кто не знаетъ, что существуетъ тонкое искусство изящно метать отравленную стрѣлу, искусство смертельно ранить улыбкой, и намекать на всё, не утверждая ничего?

„Но,“ скажутъ мнѣ безъ сомнѣнія: „вы намъ говорите о свѣтскомъ обществѣ, а обращаете всё къ христіанско-

му обществу?“ Дѣйствительно, братія, я ,забылъ, что среди насъ ничего подобнаго не встрѣчается, что погрѣшности другихъ не причиняютъ намъ радости, что когда объ нихъ узнаютъ, то опечаленныя сердца наполняются скорбнымъ сожалѣніемъ, что никогда ихъ не пересуживаютъ, не разбираютъ, не преувеличиваютъ, и что отвратительное злорадство клеветы намъ столь-же чуждо, какъ духи зла чужды ангеламъ... оставимъ-же жестокую иронію! Эти миряне, о которыхъ я говорю, часто называются учениками Іисуса Христа; люди, краснѣющіе при вѣсти о проступкѣ, суть вѣрующіе, которые исповѣдуютъ, что вся религія сводится къ милосердію. Пусть другіе оказываются къ этому неспособными, я-же чувствую въ моемъ сердцѣ ужасную радость, доставляемую мнѣ открытіемъ чужого прегрѣшенія, вслѣдствіе чего не нахожу ничего преувеличеннаго въ тѣхъ сильныхъ выраженіяхъ, которыми Писаніе обрисовываетъ глубину нашего паденія и злобу нашего сердца.

Что-же слѣдуетъ изъ того, что это отвратительное злорадство прячется подъ набожными словами? Ахъ! я предпочелъ бы этому въ тысячу разъ лучше легкомысленное, насмѣшливое, ѣдкое злословіе невѣрующаго и свѣтскаго человѣка; по крайней мѣрѣ естественно, что не признавая святости, не разсчитывая и самъ достигнуть ея, онъ отказывается вѣрить въ эту святость и въ другихъ... Я понимаю, что каждая погрѣшность, открываемая имъ въ другихъ радуетъ его, и паденіе людей воздержныхъ является для него поводомъ къ личному торжеству... Я понимаю, что онъ старается поймать въ проступкѣ жизнь, святость которой его оскорбляетъ. Это

есть свойство падшихъ существъ, которыя при видѣ паденія другихъ говорятъ, пародируя слова Писанія: „Посмотрите! онъ сталъ подобенъ одному изъ насъ!“

Но какъ объяснить, что испытываютъ тѣ, которые слышатъ, какъ въ кружкѣ людей набожныхъ жадно подмѣчаются ошибки другихъ, распространяются и преувеличиваются; которые видятъ, какъ набожное злословіе наноситъ заочно свои тайные удары, говоря о славѣ Божіей и корыстолюбіи ближняго; когда, подъ предлогомъ христіанской среды, спѣшатъ установить судилище, чтобы рѣшить съ жестокою поспѣшностью приговоръ, который останется, быть можетъ, безъ апелляціи... И это случалось... были люди, которые видя это вблизи, отвращались отъ религіи, приставали къ положительному невѣрію.

Еслибы вы меня спросили, почему часто замѣчается, что въ той средѣ, гдѣ жизнь религіозная наиболѣе сильна, безжалостная строгость достигаетъ самыхъ ужасающихъ размѣровъ, то я вамъ отвѣтилъ-бы, что отдѣляя святость отъ любви, ее искажаютъ и портятъ, подобно тому, какъ отдѣливъ отъ вдыхаемаго нами воздуха одинъ изъ элементовъ, составляющихъ его, мы получили бы только ядъ.

Христіанинъ, напр., по тому самому, что его совѣсть просвѣщена евангеліемъ, умѣетъ различать зло подъ самой искусной маской и можетъ, если не будетъ остерегаться, находить даже въ этихъ розыскахъ тайное удовольствіе, опасности, котораго онъ не подозрѣваетъ! Онъ будетъ стараться въ подтвержденіе своего вѣрованія указывать повсюду на грызущаго другихъ чер-

вя самолюбія, омрачающаго всякія человѣческія добродѣтели, и если не будетъ наблюдать за собой, можетъ радоваться, встрѣчая его. Ему будетъ казаться, что это служитъ доказательствомъ его вѣры и доводомъ въ подтвержденіе того, чего онъ является представителемъ. Это служитъ первой причиной, которая разовьетъ въ немъ духъ осужденія.

Къ ней присоединяется другая причина. Христіанинъ, борющійся за то, что онъ вѣрно называетъ истиною, окруженъ противниками своей вѣры... Громадное искушеніе состоитъ въ томъ, чтобы не замѣчать ихъ проступковъ, не указывать на ихъ непослѣдовательность, а если можно, и на ихъ паденія. Я взываю къ вашей опытности. Въ эпоху борьбы и горячихъ словопреній, гдѣ находятся наша добросовѣстность и наше милосердіе, когда всё направляется къ тому, чтобы навлечь на людей, борющихся съ нами, часто ложную и легкомысленно распространяемую огласку? Гдѣ уваженіе, которое апостолъ Павелъ завѣщалъ намъ переносить даже на нашихъ противниковъ? Не достовѣрно-ли, что если бы мы узнали, какъ одинъ изъ нихъ впалъ въ заблужденіе, результатомъ чего явилась огласка, эта новость была бы принята нами съ наслажденіемъ и повсюду повторяема съ безграничною радостью? Какимъ же духомъ мы тогда воодушевляемся? Гдѣ то милосердіе, которое ликуетъ при видѣ истины, а не при видѣ несправедливости?

Пойдемъ далѣе въ этомъ печальномъ изслѣдованіи. Насъ радуютъ ошибки не только нашихъ противниковъ, но часто, надо признаться, и нашихъ ближнихъ. Что-же находится въ нашемъ сердцѣ, и какія мрачныя страсти

дѣйствуютъ тамъ? Какъ! паденіе одного изъ близкихъ намъ лицъ можетъ быть для насъ предметомъ тайной радости? Развѣ мы также предпочитаемъ не вѣрить въ добро? Развѣ мы надѣемся возвыситься, унижая другихъ? Развѣ мы разсчитываемъ, что ихъ паденіе обнаружитъ и провозгласитъ наше превосходство? Развѣ мы намѣреваемся очиститься ошибками другихъ, подобно человѣку, моющемуся грязью? О невообразимое ничтожество! Радоваться тому, что душа преступна. Радоваться этому и называться христіаниномъ! Радоваться этому и слѣдовать за Іисусомъ Христомъ! Братія, подмѣтивъ въ другихъ, или въ самихъ себѣ проблескъ этой зловѣщей радости, можно устрашиться того, что скрываетъ сердце человѣка. Послѣ этого становятся понятными ужасныя слова, которыя примѣняются къ человѣческой природѣ, „достойной“, по словамъ апостола Павла, „быть ненавидимой и ненавидящей другъ друга“.

Одинъ изъ нашихъ ближнихъ палъ!.. Итакъ, если вы дѣйствительно проникнуты духомъ Христа, то позвольте мнѣ выразить впечатлѣніе, которое произведетъ это паденіе на вашу душу.

Онъ палъ. Но вы, осуждающіе его, развѣ никогда не падали сами? Будетъ ли вамъ пріятно, когда враждебный голосъ начнетъ разсказывать ваше предосудительное прошлое, и развѣ васъ не успокоивала та мысль, что забвеніе похоронило его навсегда?

Ваша жизнь, вы скажете, была свободна отъ большихъ погрѣшностей. Согласенъ. Но себѣ-ли вы обязаны этимъ? Если вамъ недоставало случаевъ для паденія, то не стремилось-ли ваше сердце къ нимъ тысячу разъ,

не жаждало-ли и не домогалось-ли ихъ? Покажите-ка намъ, если осмѣлитесь, исторію вашей внутренней жизни! Разскажите намъ о тѣхъ тайныхъ мысляхъ, которыхъ никто и не подозрѣвалъ, о тѣхъ страстныхъ связяхъ, которыми вы тайно наслаждались, о тѣхъ постыдныхъ вожделѣніяхъ, глухихъ страстяхъ, недостойныхъ желаніяхъ и успѣхахъ самолюбія, которыя вы лелѣяли и осуществляли, по заранѣе обдуманному плану, въ ущербъ смиренію и къ скорби другихъ... Всего этого не видѣлъ ни одинъ человѣческій взглядъ. И въ то время, какъ эта бездна грѣха бродила въ вашей головѣ и душѣ, ваша внѣшняя жизнь была всегда благоустроена, всѣми признаваема и уважаема. Предположимъ теперь, что въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда страсть зажгла ваше сердце и обольстила вашу совѣсть, явилось искушеніе, дѣйствительное, живое, со всѣми своими прелестями и очарованіемъ, что сталось бы съ вами? Куда дѣвалась бы гордость безпорочной жизни и безпозорнаго прошлаго? Предположимъ, что это первое паденіе обратило на себя взглядъ человѣка, который по недостатку терпимости осудилъ-бы и изобличилъ васъ, какъ вы осуждали ближняго, что сталось бы съ вами? Богъ васъ пощадилъ въ Своемъ милосердіи. Тысячи обстоятельствъ отвращали ваше паденіе, но будьте увѣрены, что предоставленные своимъ инстинктамъ вы погибли-бы, и что высшая причина вашего спасенія заключается не въ васъ самихъ.

Вашъ ближній палъ! Но знаете-ли вы его исторію? Знаете-ли вы, какія заблужденія окружали его, какія обольщенія обуревали, какія искушенія застилали ему

свѣтъ, загромождали ему путь? знаете-ли вы, что въ роковой часъ паденія ему недоставало братской руки, могущей его поддержать и спасти, и что эта рука могла быть вашей?

Вашъ ближній палъ!.. Но зналъ-ли онъ то, что знаете вы? Было-ли у него прошлое, полное благословеній и чистыхъ вліяній, могущихъ его предохранить? Извѣдалъ-ли онъ, подобно вамъ, отъ своей колыбели молитвы слезы, предостереженіе матери - христіанки? Было-ли ему открыто евангеліе съ самаго начала? Видѣлъ-ли онъ на своемъ пути крестъ, простиравшій къ нему надежду спасенія? Слышалъ-ли онъ многочисленныя предостереженія, въ которыхъ никогда не нуждались вы? Итакъ въ глазахъ Бога, взвѣшивающаго всё на Своихъ вѣсахъ, кто изъ васъ виновнѣе? Кому Онъ далъ больше талантовъ? Къ кому Онъ будетъ требовательнѣе?

Вотъ, братія, первое впечатлѣніе, которое должно производить на насъ паденіе одного изъ нашихъ ближнихъ; оно должно являться скорбнымъ обращеніемъ къ самому себѣ, искреннимъ смиреніемъ предъ Богомъ.

Первое побужденіе влечетъ другое: это дѣйствительное и глубокое состраданіе къ тому, кого постигло зло.

Читая прекрасныя главы, въ которыхъ евангеліе разсказываетъ намъ о рожденіи Спасителя, и въ особенности о дивномъ гимнѣ, которымъ ангелы оглашали равнины Виѳлеема, вы никогда не размышляли, сколько трогательнаго въ томъ фактѣ, что ангелы, т. е., существа, остающіяся чистыми, первые радуются и благословляютъ Бога за спасеніе падшаго человѣчества? Такимъ образомъ, чѣмъ ближе къ Богу и чѣмъ святѣе лю-

бовь, изъявляемая Ему, тѣмъ болѣе способны къ состраданію и милосердію. И зачѣмъ ссылаться на ангеловъ, когда Тотъ, Кому поклоняются сами ангелы, Кого Писаніе называетъ Святымъ и Праведнымъ, представляется намъ всюду безконечно сострадательнымъ и милосердымъ къ павшимъ существамъ!

И если тѣ, которые остаются чистыми, и Тотъ, Кто, былъ самою святостью, тронуты виновностью нашихъ ближнихъ, что-же чувствуемъ мы къ нимъ, мы, которые всѣ виновны въ различныхъ степеняхъ, и причастны ихъ заблужденіямъ? Они пали! Одно это слово намъ напоминаетъ о настоящей ихъ слабости, и слабости, тѣмъ болѣе грозной, что она будетъ увеличиваться для будущности. Однако, если въ эту даже минуту для нихъ возможно возвращеніе къ Богу, то нашъ гнѣвъ не можетъ способствовать этому, а лишь ожесточить ихъ. И знаемъ-ли мы, что въ мучительной болѣзни ихъ сердце не ищетъ другого сердца, способнаго понять ихъ и принять первыя признанія раскаянія? Что сдѣлаютъ они, если, не находя его нигдѣ, увидятъ только, какъ встаютъ со всѣхъ сторонъ предъ нами ледяныя стѣны нашей неумолимой строгости.

Человѣкъ нуждается въ другомъ человѣкѣ, чтобы открыть свое сердце. „Исповѣдайте другъ другу свои согрѣшенія“, сказалъ апостолъ Іаковъ. Что-же дѣлаемъ мы изъ этой заповѣди? Намъ говорятъ, что достаточно исповѣдываться Богу чрезъ таинство покаянія. Чтобы быть прощенну—да, безъ сомнѣнія; но, кромѣ сего вы увидите, что въ сущности человѣка заключается тайная, но настоятельная потребность быть прямо на виду у

человѣка. Свѣтъ видитъ только наружную и поверхностную сторону нашей жизни, сторону подъ которой она представляется въ благопріятномъ видѣ. Но бываютъ минуты, когда требуется, чтобы открылась дѣйствительность, объявилась сущность этой жизни, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ изъ подобныхъ намъ зналъ все то, что скрываетъ въ насъ нужда и искушенія. На это насъ толкаетъ не откровенность, но глубокая потребность быть понятымъ, облегченнымъ, утѣшеннымъ, и развѣ мы не знаемъ, сколько благотворнаго и спасительнаго въ подобныхъ признаніяхъ? Развѣ мы не знаемъ, что нѣкоторыя искушенія, окружающія насъ, неопредѣленныя и смутныя, теряютъ свою силу и прелесть отъ одной только передачи ихъ словами? Развѣ мы не знаемъ, сколько можетъ дать намъ силы и утѣшенія выслушивающее, понимающее насъ благовоспитанное сердце? И если кто нуждается въ сочувствіи, такъ это павшій. Найдетъ-ли онъ его у васъ, братія? Найдетъ-ли онъ милосердіе, готовое выслушать его на столько, чтобы хранить его признаніе? Найдетъ-ли онъ то серьезное вниманіе, котораго никто не чуждается, и которое одно лишь заслуживаетъ довѣрія? Первое искушеніе часто имѣетъ рѣшительныя послѣдствія. Униженіе, служащее его продолженіемъ, можетъ превратиться въ исправленіе, или выродиться въ горечь, а потомъ въ возмущеніе. Можетъ быть, отъ насъ самихъ зависитъ этотъ грозный выборъ.

Открыть, наше сердце павшему, значитъ много, но однако этого не достаточно. Наше призваніе, братія, должно стремиться къ тому, чтобы обратить его.

Однако сочувствія недостаточно. Бываетъ даже со-

чувствіе, которое, въ сущности, есть слабость. Существуетъ особый родъ мягкаго, слабодушнаго сожалѣнія о грѣхѣ, который служитъ недостойнымъ извращеніемъ евангельскаго милосердія. Если мы не желаемъ святости безъ любви, то еще менѣе желаемъ любви безъ святости. Нынѣ предпочтительно видятъ въ преступникѣ бѣдную жертву несчастной природы, наслѣдственное злополучіе, или стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Это преступное снисхожденіе, достойное того времени, которое даетъ падшей женщинѣ почетное мѣсто въ театрѣ или романѣ, стараются объяснить снисхожденіемъ евангелія къ человѣческимъ слабостямъ, которое дало ему такой успѣхъ уже съ самаго начала. Ложная чувствительность, являющаяся пародіей на истинную любовь! Крича о фарисействѣ, разбивая пьедесталъ, гдѣ господствовали христіанскія добродѣтели, стремятся выстроить изъ его остатковъ алтарь возстановленному пороку.

Братья! не перестанемъ-же противиться со всей нашей энергіей этой богохульственной пародіи на самое святое ученіе, которое когда-нибудь было; вспомнимъ, что если Іисусъ Христосъ прощаетъ, то Онъ-же и говоритъ: „Впредь не грѣши". Вспомнимъ, что Онъ возвышаетъ и преобразовываетъ всѣхъ тѣхъ, которымъ оказалъ милосердіе, и что милосердіе, не способствующее обращенію, не достойно Его.

„*Если человѣкъ впадетъ въ согрѣшеніе, исправляйте его*", говоритъ апостолъ. Наши старыя преданія говорятъ: „*Вразумляйте его!*" Прекрасное, трогательное выраженіе! Оно намъ напоминаетъ Того, о Которомъ

Писаніе говоритъ, что Онъ „*и трости сокрушенныя не преломитъ*“; сокрушенной-же тростью является надломленная душа, объятая грѣхомъ; ее слѣдуетъ вразумлять осторожно до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ состояніи снова стремиться къ Небесамъ.

Это дѣло—трудное и высокое, потому что есть дѣло Божіе. Да, но оно исполняется людьми, потому что Ему угодно было сдѣлать насъ Своимъ орудіемъ. Если вы спросите у меня: „какъ опредѣлить его ходъ?“ Что я могу сказать? Все зависитъ здѣсь отъ характеровъ, и каждый нуждается быть изслѣдованнымъ и понятымъ. Скажу вамъ только: „Исполняйте дѣло Іисуса Христа въ духѣ Іисуса Христа, т. е., любите вашихъ ближнихъ любовью безъ слабости и святостью безъ гордости. Не льстите, такъ какъ Іисусъ Христосъ никому не льстилъ; показывайте павшимъ путь узкій и тернистый, говоря имъ, если понадобится о тяжести креста и отверженіи, требуемыхъ Богомъ. Все это является не тою легкою религіей, которая когда-нибудь овладѣетъ сердцами, и не тою низменною нравственностью, которою удовольствуются души: однѣ тѣ много получатъ, которые много спрашиваютъ и много понесутъ въ жизни.

Здѣсь, братья, мнѣ представляется одно разсужденіе. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ о подобномъ же дѣлѣ, дѣлѣ прекрасномъ, давно забытомъ. Я говорю о поднятіи матеріальнаго и нравственнаго уровня такихъ низшихъ классовъ, среди какихъ жилъ Іисусъ Христосъ въ Палестинѣ. Въ продолженіе столькихъ вѣковъ почти никому и въ голову не приходило позаботиться объ этихъ меньшихъ братьяхъ нашихъ о Хри-

стѣ, опасаться которыхъ насъ учили раньше, чѣмъ любить ихъ. Нынѣ, наконецъ, повидимому, наступило время удовлетворенія и ихъ. Множество лицъ, которыя по своему состоянію, или образованію причисляются къ высшимъ классамъ общества, начинаютъ понимать, что по отношенію къ братьямъ своимъ низшихъ классовъ они имѣютъ обязанности, настоятельныя и священныя. Я не говорю здѣсь о тѣхъ, которыя потворствуютъ имъ, возбуждая умы ихъ и, воспламеняя страсти демократическимъ фанатизмомъ,—о тѣхъ низкихъ льстецахъ, которые, угодничая народу, думаютъ только, какъ-бы самихъ себя выдвинуть впередъ. Нѣтъ! Несмотря на этихъ людей, позорящихъ самые прекрасные принципы, нынѣ дѣло поднятія рабочаго народонаселенія повсюду провозглашается, и вездѣ понимаютъ, что и ихъ духъ, подобно ихъ плоти, нуждается въ пищѣ, свѣтѣ и здоровіи. Благородное попеченіе! Къ нему должно стремиться наше горячее сочувствіе! И когда я читаю сочиненія человѣка великодушнаго, посвятившаго себя всецѣло этой задачѣ, я поражаюсь его выводами, что лучшее средство къ благосостоянію находится въ рукахъ самаго работника, и что всѣ успѣхи, всѣ улучшенія, всѣ перемѣны сдѣлаютъ очень немного безъ нравственной воли индивидуума.

Великое заключеніе! Мысль чисто христіанская! Такъ какъ она доказываетъ, что въ концѣ концовъ душа ведетъ тѣло, и что народъ не есть стадо, которое улучшается при перемѣнѣ пастбища. Вы желаете поднять народъ? Дайте ему болѣе легкія условія существованія, откройте ему мастерскія и удобныя жилища, утверди-

те за нимъ законный покой, выстройте ему школы... Все это много значитъ, но вы не сдѣлаете ничего, если нравственная воля индивидуума, т. е., душа, не приметъ высшаго настроенія. Прежде всего нужно дѣйствовать на его душу, а изъ этого я вывожу слѣдствіе, что Церковь нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, имѣетъ основанія проявить свое высшее призваніе,—поднимать и спасать души. Предоставьте положительнымъ умамъ нашего вѣка насмѣхаться надъ тѣмъ, что они называютъ безполезными догматами нашей вѣры, не ведущей ни къ чему; оставьте унылыхъ и малодушныхъ въ вѣрѣ повторять, что для вліянія на нашъ вѣкъ, сама Церковь должна рабски поддаваться вліянію филантропіи и стать полезной, чтобы быть принятой. Нѣтъ и нѣтъ! Нынѣ, какъ и въ продолженіе восемнадцати вѣковъ, въ жизни души заключается спасеніе народовъ; дѣйствуя на душу, Іисусъ Христосъ измѣнилъ міръ, преобразовавъ общества и государства. Возвышая, подобно Ему, души, мы получимъ тѣ-же результаты. Часъ христіанства кончается всегда благовѣстомъ, и крестъ, которымъ гнушаются, какъ безполезнымъ, спасаетъ даже гнушающихся имъ. „*Ищите прежде всего Царствія Божія, остальное приложится вамъ*“.

Итакъ, должно обращать падшія души, но не забудемъ также, что ихъ не обращаютъ ни малою, ни совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ, которое избавляло-бы насъ отъ личнаго старанія и самоотверженія, отъ личной любви. Напрасно вы мечтали-бы объ общихъ мѣрахъ Церкви, или какой-бы ни было организаціи, могущей спасти человѣчество разомъ. Напрасно вы стали-

бы бросать груды золота на такъ называемыя дѣла христіанскія. Все это не поможетъ ничему, если каждый, съ занимаемаго имъ мѣста не будетъ дѣйствовать на окружающихъ его, и не озаритъ каждаго изъ нихъ тѣмъ могуществомъ любви, котораго ничто не замѣнитъ. Трудитесь въ той скромной средѣ, въ которой вы поставлены Провидѣніемъ, дѣйствуйте на души, довѣряющіяся вамъ, и если, по недостатку вѣры, васъ охлаждаетъ мысль о незначительности вашихъ усилій въ массѣ человѣчества, взгляните на Іисуса, спасающаго сначала Іоанна, потомъ Симона, потомъ Магдалину, Закхея,— т. е., существъ неизвѣстныхъ, о которыхъ никто не думалъ до Него, ихъ возлюбившаго и обратившаго, и черезъ возсоздавшаго человѣческую совѣсть, все претерпѣвшаго и искупившаго міръ.

Обратить падшую душу! Знаете-ли вы, что это значитъ? Не спрашивайте у міра, который пренебрегаетъ этимъ, но слушайте ангеловъ съ Неба, радующихся грѣшнику. Іисусъ Христосъ меня привлекаетъ и восхищаетъ во всѣхъ дѣлахъ Своего служенія и жизни. Никогда Онъ меня не трогалъ болѣе, какъ подъ видомъ добраго пастыря, несущаго свою потерянную овцу, усталаго, измученнаго и не знающаго отдыха до тѣхъ поръ, пока заблудшая овца не будетъ возвращена въ стадо (Іоан. X).

Изслѣдуйте, если хотите, Его жизнь и скажите намъ, если осмѣлитесь, что Онъ не былъ ниспосланъ Богомъ. Я-же вѣрю моему сердцу и въ этой любви, склонившейся къ падшему человѣчеству, узнаю присутствіе и посредничество Бога. И гдѣ-же Ему быть, какъ не здѣсь?

Итакъ, для исполненія этого благого дѣла Онъ васъ призываетъ въ свою очередь. О, братья! павшія души здѣсь возлѣ васъ: онѣ страдаютъ, плачутъ, стонутъ, или, что еще печальнѣе, ожесточаются и богохульствуютъ. Останетесь-ли вы безчувственными, когда можете своею любовью спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, и привести съ собою къ дому Отца; когда вы можете на землѣ раздѣлить радость ангеловъ въ ожиданіи, пока вступите вы, окруженные всѣми спасенными вами, въ вѣчныя селенія.

Еще одно слово. Братія! Развѣ вы никогда не спрашивали себя съ испугомъ, не погубили-ли вы какую-нибудь душу? Развѣ вы знаете, каковы были неизбѣжныя послѣдствія вашей прежней легкомысленности; развѣ знаете, сколько грѣшниковъ толкнули вы на дурной путь? Что сдѣлали вы изъ тѣхъ, которыхъ Богъ довѣрилъ вашему великодушію и попеченію? Что сдѣлали вы во времена вашего невѣрія, скептицизма и прочихъ заблужденій? Увы! что сдѣлали вы изъ нихъ съ того времени, какъ называетесь христіаниномъ? Знаете-ли вы, каковы были въ одинъ изъ роковыхъ дней послѣдствія рѣзкаго и презрительнаго слова, легкомысленнаго сужденія, вожделѣннаго взгляда, примѣра суетности? Знаете-ли вы, куда вѣтеръ разнесъ эти сѣмена смерти, и по какому роковому вліянію чужая душа была отвѣтственна за ваше собственное заблужденіе? Знаете-ли вы, что изъ толпы тѣхъ несчастныхъ, которыхъ Богъ въ послѣдній день отвергнетъ отъ лицезрѣнія Своего, быть, можетъ не одинъ можетъ обратиться къ вамъ съ горестнымъ воплемъ: „Ты, ты погубилъ меня!“ Я этого не

знаю, вы, быть можетъ, сами не знаете этого, одинъ Богъ знаетъ всё.

Но, если ваша совѣсть шевелится, и вы слышите недовольство собою, крикъ, исходящій изъ неумолимаго прошлаго, внимайте себѣ: есть еще время дѣйствовать и спасать заблудшихъ ближнихъ нашихъ: Божественное слово говоритъ вамъ: „*Братья! Если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути, спасетъ душу свою отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ*“.

Юродство и сила.

„*Слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ сила Божія*“ (I. Кор. 1, 18).

Юродство и сила! Эти два понятія апостолъ Павелъ выводитъ изъ проповѣди о крестѣ. Я намѣренъ, братья, разсмотрѣть ихъ послѣдовательно одно за другимъ, чтобы показать потомъ ту внутреннюю и глубокую связь, которая соединяетъ ихъ. Это же составитъ и планъ нашихъ размышленій.

Проповѣдь креста есть юродство. Прошу васъ замѣтить, братья, что это говоритъ намъ не врагъ евангелія, но апостолъ. Христіанство предупредило, чтобы „міръ“ для своей потѣхи не бросилъ ему раньше этого упрека въ юродствѣ. Оно овладѣло этимъ выраженіемъ раньше чѣмъ оно могло быть произнесено съ другой стороны. Пусть намъ не говорятъ, что это слово есть только извѣстный способъ выраженія, случайно вырвавшагося изъ устъ апостола. Евангеліе избѣгаетъ всякихъ преувеличеній и яркихъ образовъ, тѣмъ болѣе, что также самая мысль кроется въ основѣ всего ученія Іисуса Христа. Іисусъ объявлялъ, что міръ обзоветъ Его ученіе безуміемъ, что Его проповѣдь несовмѣстима съ мірскими взглядами и привязанностями, а потому и пред-

сказалъ Своимъ ученикамъ препятствія, ненависть и презрѣніе.

Отсюда возникнулъ столь странный способъ привлеченія къ себѣ людей, что онъ могъ-бы показаться дѣйствительно безумнымъ, если-бы не являлся по Божественному внушенію. Обыкновенно для достиженія цѣли, человѣкъ обѣщаетъ себѣ и своимъ ученикамъ успѣхъ. Всякій генералъ знаетъ, что для побѣды нужно предвѣщать солдатамъ побѣду. Въ умственномъ отношеніи то-же самое: философъ, или представитель иной школы, старается доказать, что его ученіе отвѣчаетъ на всѣ запросы вѣка, и удовлетворяетъ всѣмъ его стремленіямъ; онъ открываетъ понятія уже зрѣлыя, установившіяся, чтобы онѣ были доступны для его приверженцевъ, становящихся подъ его знамя.

Сколько разъ мы сами, уступая этому влеченію, предвѣщали близкое торжество нашихъ вѣрованій! Только одинъ Іисусъ Христосъ прямо говорилъ Своимъ ученикамъ: „Вы будете судимы, оклеветаны, ненавидимы во имя Мое". Не выходя изъ предѣловъ этого предсказанія и апостолъ Павелъ такъ смѣло говоритъ о юродствѣ креста.

Крестъ въ особенности долженъ былъ заслужить этотъ упрекъ, это истолкованіе, потому что являлся средоточіемъ христіанства. Въ немъ находился центръ тяжести этого небывалаго ученія; въ немъ-то и бросалось въ глаза всѣ странное и противное человѣческой мудрости, человѣческой природѣ. Проповѣдываніе креста должно было казаться юродствомъ; оно было имъ, братья, и апостолъ не сказалъ о немъ ничего лишняго.

И, смотря съ внѣшней точки зрѣнія, смерть Христа, какою она намъ представляется евангелистами, эта позорная и возмущающая смерть, казалась страннымъ средствомъ достиженія успѣха... Только впослѣдствіи крестъ сталъ однимъ изъ самыхъ побѣдныхъ знаковъ. Теперь онъ высится надъ всѣми христіанскими націями и подобно тому, какъ самыя высокія и великолѣпныя гробницы возносятъ его повсюду къ верху, такъ и въ дѣлѣ религіи онъ сдѣлался памятникомъ и выраженіемъ самой высокой любви и жертвы. Его окружаетъ такое обаяніе, отъ него исходитъ такое сіяніе, что наши умиленные глаза и сердца не созерцаютъ ничего болѣе величественнаго. Но вспомнимъ, братья, что прежде крестъ былъ простымъ орудіемъ казни и не имѣлъ другого обаянія, которымъ обладаютъ и понынѣ висѣлицы и эшафоты. Крестъ не былъ казнью даже и для людей свободныхъ; особенное безчестіе связывалось съ этимъ позорнымъ орудіемъ, на которомъ наказывали только рабовъ. Теперь я спрашиваю васъ: торжествовать побѣду посредствомъ такого знака не значитъ-ли поднимать противъ себя всѣ препятствія и всеобщія антипатіи? Что должны были думать объ этомъ и евреи, порабощенные своими мечтами о побѣдоносномъ Мессіи, и греки, привыкшіе къ обожанію величія и красоты своихъ поэтическихъ боговъ, и римляне, гордившіеся только побѣдоносной своей силой? Понятно, что всѣ ихъ издѣвательства должны были направиться противъ Распятаго, и, дѣйствительно, всѣ сильные умы язычества направили противъ Его креста свои язвительныя выходки.

Намъ скажутъ, быть можетъ: крестъ восторжество-

валъ потому, что видъ мученика всегда имѣетъ таинственную силу возбуждать въ сердцахъ состраданіе. Но тѣ, которые разсуждаютъ такимъ образомъ, забываютъ, что только со временъ христіанства и подъ сѣнью креста научились сочувствовать чужому горю и сострадать всякому угнетённому. До христіанства же побѣжденные оставались всегда неправыми, что было и естественно, такъ какъ вѣра въ предопредѣленіе или судьбу, была дѣйствительнымъ богомъ древняго міра. Впослѣдствіи я понимаю впечатлѣніе, производимое величавымъ мученичествомъ, спокойной свѣтлой, торжествующей смертью. Но почему-же евангелисты и апостолы, желая привлечь другихъ ко Христу, изображали въ своихъ повѣствованіяхъ смерть Его со всѣми оттѣнками тревоги и боязни. Для чего намъ описывать зловѣщую Геѳсиманскую сцену, кровавый потъ, руку, задрожавшую отъ прикосновенія къ таинственной чашѣ, страхъ и горькую скорбь Христа? Для чего изображать на крестѣ этотъ раздирающій сердце взоръ къ загражденному Небу? Для какой цѣли заставлять насъ слышать слова: „Боже мой, Боже мой, зачѣмъ Ты Меня оставилъ?“ Развѣ это зрѣлище было способно внушить душамъ довѣріе и міръ? Развѣ такими картинами привлекаются и увлекаются люди? Это настолько противно нашей природѣ, что она цѣпенѣетъ отъ ужаса, а разумъ человѣческій или безмолствуетъ, или противодѣйствуетъ всѣми зависящими отъ него средствами. Къ моему изумленію такъ и случилось въ прошломъ вѣкѣ. Одинъ изъ философовъ, Ж. Ж. Руссо, сохранившій среди множества заблужденій вѣру въ Бога и въ евангеліе, написалъ объ Іисусѣ Христѣ ту

знаменитую страницу, на которой въ нѣсколькихъ строкахъ выразилъ то, чего другіе писатели не выразили въ нѣсколькихъ томахъ; ту страницу, на которую всѣ ссылались, какъ на авторитетъ, и на которой Руссо, сравнивая Христа съ разными великими людьми и учеными, сказалъ: „Да, если Сократъ жилъ и умеръ, какъ мудрецъ, то Іисусъ Христосъ жилъ и умеръ, какъ Богъ". Дорисовывая эту смерть болѣе изъ своего воображенія, чѣмъ изъ евангелія, Руссо изображаетъ ее тихой, Божественной и побѣдной. Когда Вольтеръ прочелъ эту славную страницу, онъ написалъ на поляхъ книги: „Вы забываете Его кровавый потъ!" Это замѣчаніе породила и продиктовала ненависть, которую питалъ Вольтеръ къ Іисусу Христу, какъ атеистъ; хотя ненависть была здѣсь на лицо, но Вольтеръ не ошибался: смерть Христа была мучительной и тревожной смертью. Евангеліе признало это и перенесло эту тревожную смерть на общечеловѣческую совѣсть, чтобы возвратить ей миръ. Но это не убѣдительно для разсудка; Вольтеръ считалъ безумiемъ и такую смерть и такой способъ проповѣди.

Но это не всё, братья. Мы разсматривали только наружный видъ смерти. Нужно-ли мнѣ говорить, что Павелъ видѣлъ въ ней нѣчто другое? Онъ видѣлъ въ ней залогъ примиренія людей съ Богомъ, видѣлъ возстановленіе ихъ, видѣлъ жертву, приносимую Божественному правосудію новымъ Адамомъ, новаго человѣчества. Для него крестная казнь не была простымъ мученіемъ; это была огромная драма, центръ Божественныхъ откровеній, предметъ умиленія для ангеловъ и избранныхъ людей всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. И потому-то, изъ всѣхъ

наставленій апостольскихъ—ученіе объ этой смерти наиболѣе колеблетъ и приводитъ въ негодованіе человѣческій умъ, не признающій права Божественной святости и не поддающійся ей.

Нынѣ, какъ мы говорили, настало время, когда крестъ, даже съ внѣшней точки зрѣнія сдѣлался побѣднымъ символомъ; терновый вѣнецъ имѣетъ несравнимое ни съ чѣмъ величіе, и не понимать его обаянія можетъ только тотъ, у кого нѣтъ ни возвышенности души, ни даже поэтическаго чувства и воображенія. Когда-же, вѣрные апостольскимъ ученіямъ, мы утверждаемъ, что смерть Христа есть жертва, приносимая Самому Богу; когда мы говоримъ, что Христосъ былъ пригвожденъ, какъ представитель человѣчества; когда мы объясняемъ тоску невыразимаго горя, причиняемаго Ему тяжестью нашихъ грѣховъ, которыми Онъ былъ обремененъ: тогда мы видимъ изумленіе и улыбку невѣрія, и слово „юродство“ является въ самой смягченной формѣ на устахъ земныхъ мудрецовъ. Свѣтъ, скажутъ мнѣ, сдѣлался христіанскимъ. О! я боюсь забыть это. Да, свѣтъ принялъ только личину христіанства и, усвоивъ себѣ его языкъ, такъ мало усвоилъ его сущность, что только удивляетъ и оскорбляетъ истинное христіанство. Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, то представьте себѣ апостола Павла возвратившимся въ земную жизнь и проповѣдующимъ распятаго Христа среди нашей націи, въ Парижѣ, этихъ Аѳинахъ, новѣйшаго времени. Развѣ вы сомнѣваетесь въ томъ, что его Богъ былъ-бы неизвѣстенъ множеству душъ? Какъ-бы его встрѣтили наши мыслители, писатели, критики и всѣ тѣ, которые претендуютъ быть истинными

истолкователями вѣка и заправилами умовъ? Что бы они подумали о суровомъ чужеземцѣ, который ничего не желаетъ знать, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ Іисуса Христа распятаго? Что бы подумали они объ его удивительномъ ученіи? Ахъ, братья, если мы не будучи апостоломъ Павломъ и не имѣя ни исключительности, ни энтузіазма великаго апостола, не избѣгаемъ мірского осмѣиванія, хотя и въ вѣжливой формѣ, при исполненіи своей обязанности выяснять слово Божіе, примирять и облегчать тяжелое для людей бремя креста, то какъ-же отнеслись бы здѣсь къ апостолу, который ради спасенія душъ не принималъ совѣтовъ своей плоти и крови, который презиралъ людское мнѣніе и одобреніе, объявляя истину безъ умолчанія и послабленія? Не сомнѣвайтесь въ томъ, что апостолъ Павелъ сказалъ-бы современнымъ французамъ то-же, что говорилъ Коринѳянамъ въ своемъ Посланіи, и что проповѣдываніе креста стало-бы нынѣ въ его устахъ такимъ-же юродствомъ, какъ и тогда.

Однако, братья, это юродство есть сила и самая могущественная изъ всего, что проявлялось въ свѣтѣ. Апостолъ Павелъ зналъ это по опыту; крестъ покорилъ его, не являя, конечно, этимъ лишь посредственной побѣды надъ подчиненіемъ гордой, неукротимой, страстной души фарисея Савла изъ Тарса; этотъ крестъ не только побѣдилъ его, но сдѣлался самымъ вѣрнымъ оружіемъ побѣды въ его рукахъ, и въ Посланіяхъ къ Колоссянамъ онъ любилъ величественнымъ языкомъ указывать на всѣхъ великихъ міра сего, приведенныхъ къ подножію этого креста покорепными.

Могутъ возразить, что апостолъ Павелъ слишкомъ много приписывалъ кресту. Но предположите, что апостолы отправились завоевывать для Бога міръ безъ креста. Вообразите, что они преподаютъ самое разумное ученіе, проповѣдуютъ и примѣняютъ на дѣлѣ самую чистую нравственность. Пойдемте далѣе. Представьте ихъ творящими чудесныя дѣла, исцѣляющими больныхъ, питающими голодныя массы, воскресающими мертвыхъ. Достаточно-ли этого для успѣха? Нѣтъ, говорю я вамъ, съ полной увѣренностью, потому что наше предположеніе, перенесённое на апостоловъ, уже было осуществлено Богочеловѣкомъ, Который не былъ апостоломъ, но былъ Учителемъ ихъ, преподавъ міру самое совершенное ученіе, самую возвышенную нравственность. Онъ осуществилъ Свое ученіе и явилъ въ Себѣ святость, предъ которою мы преклоняемся... Онъ творилъ дѣла, не виданныя никогда міромъ, и этотъ Богочеловѣкъ къ концу тридцати съ половиной лѣтъ Своего служенія, могъ едва разсчитывать на горсть нерѣшительныхъ, боязливыхъ учениковъ.

Что-же нужно было, чтобы Онъ обратилъ міръ? Нужна была смерть. „*Истинно говорю вамъ, что если пшеничное зерно не упадетъ въ землю, то не принесетъ плода*“. Нуженъ былъ крестъ. „*Когда Я вознесусь отъ земли, Я привлеку къ Себѣ всѣхъ людей*“.—Если бы Іисусъ Самъ говорилъ безъ креста, то что безъ него сдѣлали-бы апостолы? Крестъ былъ дѣйствительною силой, преобразившій міръ. Намъ возразятъ, что евангельской нравственности было достаточно для обращенія сердецъ. Нравственность! Кто-же не знаетъ, что и въ язычествѣ

во времена первоначальной Церкви она бросала свой наиболѣе чистый свѣтъ? Нравственность! Никогда и ни у кого она не являлась болѣе возвышенной и краснорѣчивой, чѣмъ у Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелія. и, не взирая на это, никогда она не была такою слабою, неспособной подчинить своимъ принципамъ кого-бы то ни было, включая даже проповѣдниковъ ея. Но въ то время, когда разсуждали въ своихъ школахъ философы ея, не измѣнивъ къ лучшему ни одного сердца, водрузился крестъ, сіяющій и благословенный. Онъ проникъ самыя мрачныя подполья. самыя печальныя трущобы древняго общества и тамъ изъ бѣдняковъ и рабовъ воздвигнулъ тысячи душъ, геройски умиравшихъ за истину, за правду, и возвѣщавшихъ въ циркѣ и на казняхъ прощеніе и надежду на безсмертіе. Вотъ что сдѣлалъ крестъ, и что могъ сдѣлать только онъ одинъ. Сочтите съ тѣхъ поръ всѣ его побѣды и скажите, сколькихъ грѣшниковъ онъ изъялъ изъ грязи, тревожныхъ душъ изъ отчаянія, и это изъ вѣка въ вѣкъ, потому что всѣ тучи, подымавшіяся вокругъ него невѣріемъ людей, могли скрывать его блескъ, но не уничтожить... Спросите у вашихъ проповѣдниковъ, что они сдѣлали бы безъ креста, и какими рѣчами, разсужденіями о нравственности они замѣнили бы простой разсказъ о крестной смерти Іисуса Христа? И развѣ могли-бы существовать миссіонеры безъ креста? развѣ подвергаютъ свою жизнь опасности, чтобы проповѣдывать одну нравственность? развѣ единобожіе думало когда-нибудь проповѣдывать евангеліе? Что я говорю? Спросите себя самихъ, потому что, если вы серьёзно христіанинъ, то вы стали имъ только по-

средствомъ креста. До созерцанія его вамъ могли быть доступны чистыя и нѣжныя религіозныя волненія; вы могли чувствовать прелесть истины; но чтобы сдѣлать изъ васъ новое твореніе, вложить въ васъ новыя мысли, новыя привязанности и новыя надежды, для этого нуженъ былъ крестъ.

Чтобы судить о его силѣ, нужно его видѣть въ борьбѣ съ человѣческой душой во дни наибольшихъ испытаній. Вотъ, напр., одна изъ скорбей, для которой нѣтъ имени, и которая выражается возмущеніемъ и богохульствомъ. Вооруженный крестомъ, я не боюсь приступить къ нимъ, потому что на этомъ крестѣ есть слѣды скорби болѣе великой, глубокой и удручающей, но въ ней словно трепещетъ нѣжное сочувствіе Христа къ человѣческому горю. Съ крестомъ я могу приблизиться и къ преступной совѣсти, разрываемой угрызеніями и дрожащей передъ ожидающимъ ее судомъ Божіимъ, потому что съ высоты этого креста нисходитъ прощеніе отъ любви, соединенной со святостью. Со времени перваго грѣшника обращеннаго крестомъ, со времени раскаявшагося разбойника, сочтите спасенныя имъ души, утѣшенныя имъ разбитыя сердца, смягченныя имъ мученія и тоска. Дѣйствительно, крестъ есть самая великая сила, существующая на свѣтѣ, единственная непоколебимая сила въ мірѣ, высящаяся среди крушеній и обломковъ пережитыхъ ею восемнадцать вѣковъ; единственная сила, которая и теперь завоевываетъ міръ и осѣняетъ души. Тотъ не христіанинъ, кто не привѣтствуетъ ея, не надѣется на тотъ день, когда она поработитъ вселенную, и не вѣритъ въ ея торжество. Для насъ вопросъ заключается только во времени.

Итакъ, братья, и нынѣ слово апостола Павла остается истиннымъ, и крестъ есть одновременно юродство и сила. Какъ согласить эти два понятія? Если крестъ есть юродство для міра, какъ-же случилось, что только крестомъ и могъ быть побѣжденъ этотъ міръ? Намъ предстоитъ еще доказать это.

Паскаль сказалъ въ несравненныхъ своихъ строкахъ: „Есть только три вида силы: матеріальная, интеллектуальная и нравственная". Чтобы поработить людей, нужно прибѣгнуть къ одному изъ этихъ трехъ средствъ. Какое-же изъ нихъ будетъ достойно Бога, если Онъ благоволитъ обратить къ себѣ человѣческую душу?

Прежде всего обратимся къ матеріальной силѣ. Въ ней заключается та особенность, что она непреодолима и неизбѣжна. Богъ, братія, могъ бы поработить себѣ людей этою силою. Этого-же, кажется, требуютъ отъ Него всѣ тѣ, которые удивляются, что онъ допускаетъ въ мірѣ возмущеніе, несправедливость и грѣхъ, когда Ему было бы такъ легко раздавить ихъ однимъ словомъ. Богъ могъ бы ихъ уничтожить и разгромить нашу гордость, развернувъ небеса и стеревъ ихъ съ лица земли въ новомъ потопѣ. Слово, сказавшее: „Да будетъ свѣтъ!" могло бы повелѣть жизни заглохнуть на этой непримѣтной планетѣ, гдѣ разцвѣтаетъ наша гордость. Но евангельскій Богъ не восхотѣлъ этой побѣды, не желая насиловать своихъ рабовъ, которымъ далъ свободу воли.

Но кромѣ матеріальной силы есть сила интелектуальная. Она также неизбѣжна въ своемъ неизбѣжномъ логическомъ заключеніи и очевидности. Выясните мнѣ логическую или математическую аксіому и я, будучи свя-

занъ законами мышленія такъ-же, какъ и законами необходимости, управляющими веществомъ, подчиняюсь этой аксіомѣ, признавая ее. Богъ, братья, могъ бы поработить людей этою силою. Онъ могъ бы намъ открыть неопровержимыя доказательства религіозной истины, и путь, ведущій къ ней. Этого требуютъ отъ Него мудрецы. Но и этого Онъ не сдѣлалъ. Почему-же? Прежде всего потому, что интеллектуальныя основанія только убѣдятъ, но не затронутъ сердца; Богъ-же прежде всего хочетъ быть любимымъ, а потомъ уже—познаваемымъ. Во вторыхъ потому, что если-бы Богъ открывалъ Себя разуму, то однимъ мудрецамъ было-бы доступно спасеніе. Но справедливо-ли было-бы это? или, скорѣе, какая чудовищная несправедливость была-бы это! Итакъ огромное большинство нашихъ ближнихъ, осужденное роковымъ образомъ на вѣчное незнаніе, было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ осуждено и на вѣчное незнаніе Бога. Богъ не восхотѣлъ такой побѣды и мы должны благодарить Его за это.

Остается, братья, третій видъ силы,—сила нравственная, подъ которой я разумѣю силу, вліяющую на наше сердце и на нашу совѣсть.

Здѣсь господство свободы и центръ заслуги. Въ то время, какъ сила матеріальная и умственная тяготѣетъ надъ нами роковымъ образомъ, здѣсь, въ области нравственной, мы можемъ познавать истину или отрицать ее завѣдомо и хулить Святого Духа, вѣрить или не вѣрить: ибо вѣра не есть интеллектуальное, но волевое отношеніе души съ Богомъ. Замѣтьте также, что только здѣсь мы вполнѣ отвѣтственны предъ Богомъ. Нельзя

съ меня взыскивать, если я уступаю матеріальному принужденію и мнѣ недостаетъ физической силы, чтобы ей упорствовать; нельзя взыскивать съ меня тѣмъ болѣе, если мой разсудокъ слишкомъ слабъ, чтобы понять цѣнность такого-то, или другого доказательства; но имѣютъ право требовать, чтобы я повиновался нравственной истинѣ по крайнему моему разумѣнію; поэтому я отвѣчаю за состояніе моего сердца и моей совѣсти. Итакъ, если все это справедливо, я понимаю силу креста; потому что крестъ, братья, есть наивеличайшая нравственная сила, существующая въ мірѣ. Она есть сила Божія, такъ какъ лучше всякаго ученія открываетъ намъ Бога въ Его любви и святости, если въ ней видятъ то, что видѣлъ апостолъ Павелъ.

Вамъ говорили о любви Божіей, и вы пробовали ей вѣрить, но развѣ это такъ легко? Вамъ проповѣдывали о Богѣ, Творцѣ природы, указывая на удивительную премудрость и трогательную доброту, господствующую во всѣхъ Его твореніяхъ. Вы ихъ иногда чувствовали и ваше сердце стремилось къ Нему. Я не буду отрицать этихъ сердечныхъ движеній. Какъ смотрѣть въ весенній день на природу, украшенную ликованіемъ и красотою, безъ того, чтобы въ тайникѣ души не поднялся гимнъ благодарности къ Творцу вселенной? Какъ не повѣрить тогда, что цѣлая природа воспѣваетъ любовь Божію? Да, но когда въ подобный же день вамъ придется слѣдовать медленными шагами за гробомъ, заключающимъ въ себѣ останки существа, наиболѣе любимаго вами; когда вы услышите, какъ въ такой день падаетъ земля на гробъ вашего дитяти, между тѣмъ

какъ въ природѣ тысячи голосовъ на тысячу ладовъ воспѣваютъ жизнь и надежду, и солнце все заливаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ,—много-ли откроетъ вамъ природа о любви Божіей? Откроетъ-ли она ее всѣмъ стонущимъ бѣднякамъ, больнымъ и голоднымъ? Не чувствуете ли вы, сколько жестокаго и насмѣшливаго заключается въ одномъ этомъ представленіи?

Вамъ говорили о любви Божіей, показывая въ исторіи и въ вашей собственной жизни явные проблески Его отеческаго Провидѣнія. Сохрани меня, Боже, отрицать это; сколько разъ проявлялись они въ блестящемъ торжествѣ правоты, въ благоденствіи соединенной семьи, въ мирномъ счастіи, вѣнчающемъ благородное существованіе. Да, но что скажетъ вашему сердцу это ученіе о Провидѣніи, когда испытаніе разражается надъ вами грозными ударами, когда одно несчастье вызываетъ другое, когда ваши молитвы остаются безъ отвѣта, когда вашъ очагъ пустѣетъ, здоровье исчезаетъ, а рядомъ съ вами существо безъ вѣры и любви живетъ только для себя самаго, видитъ свои желанія исполненными, и не видитъ предѣловъ своему благополучію? Что скажетъ вамъ это ученіе, когда надъ вами издѣваются жестоко и незаслуженно, а ваше право попираютъ ногами? Легко-ли тогда вѣрить въ любовь Божію?

Но если, сквозь мракъ, окружающій меня, я могъ бы проникнуть къ самому Богу, если бы я услышалъ біеніе Его сердца; почувствовалъ бы, что въ Немъ кроется неизмѣримая любовь и сочувствіе, что каждое изъ Его твореній можетъ быть предметомъ ихъ, и никто изъ нихъ не изъятъ; что ни одна птица не появляется на

землѣ безъ Его соизволенія, что наши слезы и вздохи сочтены; какая сила, братія, заключается въ подобной мысли и какое утѣшеніе! Но кто можетъ знать Бога? Онъ—Богъ сильный и неизвѣданный, ни чей глазъ Его не видѣлъ, никто не можетъ Его видѣть... и мы-бы Его никогда не познали, если-бы Его единородный Сынъ, не далъ намъ возможности познать Его. Но вотъ явилось новое откровеніе, предъ которымъ всякій свѣтъ, извѣданный нами дотолѣ, блѣднѣлъ и исчезалъ. На землѣ явилось Существо, свидѣтельствующее, что созерцая Его, видятъ Отца, и что Оно есть видимое откровеніе сокровеннаго Бога. Въ Немъ таилась любовь, какую земля никогда не созерцала, любовь освѣщающая, открывающая и распространяющая въ нѣдрахъ человѣчества такой блескъ, что міръ съ тѣхъ поръ живетъ Его свѣтомъ. Эта любовь нисходитъ до жертвы, жертвы самой таинственной, до скорбей, которымъ нѣтъ названія; вотъ она, наконецъ, отдается лицезрѣнію міра на крестѣ Голгофы... Вы требовали видѣть Бога; итакъ гдѣ-же Ему быть, какъ не здѣсь, и какое откровеніе Своей любви могъ дать Онъ вамъ, если бы этого не было достаточно? Какія дѣла, какія чудеса, какія явленія заставили бы васъ вникнуть въ сущность, если не видъ креста?

И если-бы вы могли, не умирая, созерцать крестъ Христовъ, Его неизреченныя совершенства, Его вѣчность, всемогущество, если-бы вы могли прослѣдить за всѣми Его твореніями въ тысячахъ міровъ, разсѣянныхъ Его рукою въ пространствѣ, что открыли бы вы тамъ величественнѣе любви, объявившейся намъ въ Его Сынѣ?

Избраніе такого средства для обращенія къ Себѣ людей есть высшій идеалъ любви. Я доказывалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, что Богъ не желалъ убѣждать насъ ни силою матеріальнаго принужденія, ни силою логической или математической очевидности, а предоставилъ намъ свободу выбора, чтобы мы добровольно признавали верховный авторитетъ Бога. Не эта-ли свобода закончилась крестомъ и возобновляетъ его ежедневно? Не она-ли добивается всего лучшаго и возвышеннаго, что скрывается въ основѣ человѣческой природы? Но признавая вліяніе креста, не остаетесь-ли вы подъ вліяніемъ своекорыстія и рабскаго страха за свои выгоды? Не вдохновляетесь-ли вы, напротивъ, самымъ чистымъ двигателемъ: благодарностью, не довольствующеюся холоднымъ признаніемъ тягостнаго долга, но считающею себя въ долгу и послѣ многократной уплаты его. Это свойство не памяти, но вполнѣ благороднаго сердца, не полагающаго предѣловъ своему усердію и безповоротно предающемуся на волю Божію. И вотъ, чтобы возвратить къ Себѣ свое заблудшее твореніе, Богъ не прибѣгалъ ко всемогуществу; чтобы создать себѣ народъ со свободной волей, Богъ не прибѣгалъ къ чудесамъ.

Итакъ, апостолъ Павелъ вѣрно сказалъ, что крестъ есть сила Божія, потому что на немъ проявилась любовь самымъ яснымъ и необыкновеннымъ образомъ. Вотъ почему, братія, въ любовь Божію вѣрятъ только со времени появленія ея на Голгофѣ. Вотъ почему не признаютъ ея тамъ, гдѣ не былъ водруженъ крестъ; почему безъ креста апостолы не могли-бы отправиться на

проповѣдь этой любви; почему безъ креста не было-бы миссіонеровъ; почему, наконецъ, отвергающіе крестъ, но болтающіе о любви Божіей подобны дикарямъ, которые рубятъ дерево только для того, чтобы собрать съ него плоды для себя. Въ этой-же любви заключается вѣчная сила креста... Думаете-ли вы, что человѣкъ, познавъ Бога въ доказательствѣ этой громадной любви откажется отъ нея когда-нибудь? Думаете-ли вы, что этотъ очагъ Божеской теплоты и жизни онъ промѣняетъ на ледяныя отвлеченности религіи по разуму? Нѣтъ, я спокоенъ въ этомъ отношеніи. Не смотря на всѣ потрясенія крестъ продолжаетъ стоять, потому что водруженъ въ сердце человѣчества на такой глубинѣ, что никто не можетъ вырвать его оттуда.

Но всё-ли я сказалъ, братія, сказалъ-ли я то, что слѣдовало сказать прежде всего? Развѣ крестъ, обращаясь къ нашему сердцу, не обращается также къ нашей совѣсти? Развѣ открывая намъ любовь Божію онъ не открываетъ Его святости, которая также способствуетъ силѣ Божіей?

Я предположилъ, что апостолы отправились обращать міръ безъ креста... Итакъ, представьте ихъ еще проповѣдующими прощеніе Божіе. Спрашиваю я васъ, были-бы они услышаны безъ этого. И благовѣстіе ихъ было-ли бы принято? Но, скажутъ мнѣ, вѣровали-же въ прощеніе до креста. Не воспѣвалъ-ли Давидъ блаженства и мира прощенной души? Я не отрицаю этого. Да, безъ сомнѣнія, Богъ во всякое время Своимъ прямымъ и личнымъ посредничествомъ могъ явить Свое прощеніе раскаявшемуся грѣшнику; но этотъ-же самый Богъ

желалъ въ то-же время, что-бы въ Его храмѣ весь народъ и самъ Давидъ ежегодно присутствовали на кровавомъ праздникѣ очищенія отъ грѣховъ. И кто осмѣлился бы сказать, что это былъ пустой обычай, и что каяться можно было и безъ кровавой жертвы, когда Самъ Богъ её узаконилъ? Но истинно-непорочныя души знали, что кровь тельцовъ и козловъ не могла очистить, и что Давидъ сопоставлялъ съ этими жертвоприношеніями принесеніе въ жертву сокрушеннаго и смиреннаго сердца. Нѣтъ ни одного безвозмезднаго дѣла, потому что оскорбленная грѣхомъ святость Божія требовала удовлетворенія, потому что только послѣ совершенія, этого удовлетворенія на крестѣ, могло быть проповѣдано милосердіе. Это есть не произвольное условіе: его требовала совѣсть всего міра, заставлявшая повсюду струиться кровь на жертвенникахъ. Что-бы прощеніе могло быть проповѣдано и принято, надлежало, чтобы человѣчество прежде предложило Богу искупительную жертву и, такимъ образомъ, были и признаны и объявлены вѣчныя права Его святости. Вотъ что Христосъ, новый Адамъ, добровольно сдѣлалъ для людей. Вотъ единственно-возможное объясненіе Его несказанныхъ страданій и тоски въ Геѳсиманіи и на Голгоѳѣ. Вотъ единственный фактъ, который вразумляетъ насъ, почему видъ этой тревожной и мучительной смерти сталъ здѣсь, на землѣ, неизсякаемымъ источникомъ мира. Вотъ почему человѣческая совѣсть трепещетъ отъ глубокаго сочувствія къ Жертвѣ Голгоѳы, и почему мы чувствомъ, что Іисусъ на крестѣ страдаетъ за насъ, что это дѣло есть наше дѣло, что тамъ таинственно свершилось наше спасе-

ніе. Уничтожьте это вѣрованіе, и что сталось-бы съ вѣрою апостоловъ Петра, Павла и Іоанна? Кто не видитъ, что если крестъ не является средоточіемъ Божественныхъ откровеній и не проповѣдуетъ намъ искупленія, то онъ можетъ быть отвергнутъ и забытъ нами!

Я указалъ на то, что дѣлаетъ сила креста; указалъ, что она отвѣчаетъ самымъ глубокимъ образомъ нуждамъ нашей души, и что только она одна свидѣтельствуетъ намъ во всей полнотѣ о любви и святости Божіей. Чѣмъ-же объяснить, что умиротворяя человѣческую душу, она подымаетъ въ мірѣ вѣчное сопротивленіе? Чѣмъ объяснить, что она является юродствомъ, а не силой Божіей?

Братія, это потому, что свѣтъ не признаетъ важнымъ ни святость Божію, ни любовь. Я не колеблясь, говорю, что человѣческая душа, когда она взволнована въ своихъ тайникахъ, когда она понимаетъ всё, требуемое закономъ Божіимъ и внушаемое Его любовью, горячо стоитъ за крестъ, находя въ немъ нужный отвѣтъ на свои неизбѣжные запросы. Вотъ почему крестъ вѣченъ. Но гдѣ тѣ, которые углубляются такимъ образомъ въ самихъ себя? Гдѣ тѣ, которые въ наши дни мужественно провозглашаютъ святость Божію? Развѣ значитъ впадать въ пустыя разсужденія, если открыто протестовать, что нынѣ чувство святости исчезаетъ? Найдете-ли вы страннымъ, что нынѣ принимаютъ законъ Божій, нисколько не просвѣщаясь имъ, милосердіе безъ удовлетворенія, евангеліе безъ искупительной жертвы? Найдете-ли вы страннымъ, что смѣшиваютъ прощеніе грѣховъ съ какою-то любовью, отталкивая ту святую любовь Божію, которая дается съ тѣмъ, чтобы и грѣш-

никъ принесши исповѣданіе грѣховъ своихъ въ таинствѣ покаянія, въ свою очередь, отдавался Богу. Найдете-ли вы страннымъ, что принимаютъ отъ евангелія всё, исключая его юродства, которое составляетъ также его силу.

Для массы людей крестъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ во времена апостола Павла: юродствомъ; намъ нужно это знать, братья, чтобы мы не были этимъ удивлены, или потрясены. Это юродство міръ не можетъ изъять изъ обращенія у насъ. Онъ употребитъ для этого всѣ обольщенія, угрозы и насмѣшки, дѣлая изъ евангелія: ученіе разума, мечъ безъ острія, безвкусную соль, религію, никогда не оскорбляющую и никого не обращающую. Пусть энтузіазмъ не заблуждается, надѣясь убѣдить насъ, въ чемъ ему нужно! Ужасная вещь быть въ разладѣ съ остальными людьми, нападать прямо на излюбленныя идеи поколѣній, къ которымъ принадлежишь

Такая роль удобна для ума недовольныхъ мизантроповъ и чудаковъ, для которыхъ всякая странность, всякій скандалъ есть благополучное событіе, и которые-бы охотно прибавили къ юродству евангелія позоръ собственныхъ дикихъ взглядовъ и незаконныхъ домогательствъ. Но тотъ, кто не рисуясь, хочетъ быть скромнымъ свидѣтелемъ невѣдомой истины, кто, много любя, долженъ, по своей благонамѣренности, сливаться съ сердцами, привязанность которыхъ ему дороже всего, тотъ меня пойметъ и скажетъ, легка-ли эта роль? Сопротивленіе свѣту, это скрытое, терпѣливое свидѣтельство истины люди переносятъ менѣе всего; колебать мнѣніе, проповѣдывать евагельское юродство, это зна-

читъ быть призваннымъ къ состраданію, а не къ этому-ли призываетъ васъ крестъ? Итакъ, будемъ страдать, потому что это обязательно, счастливые тѣмъ, что, такимъ образомъ, будемъ продолжать страданія Христа; счастливые тѣмъ, что по мнѣнію апостола Павла, называется быть причастными Его страданіямъ.

Но если мы должны быть здѣсь на землѣ свидѣтелями евангельскаго юродства, то, по крайней мѣрѣ, покажемъ, братья, что это юродство есть сила Божія. Гдѣ-же лучше видѣть это, какъ не въ дѣйствіи, какое она окажетъ на нашу жизнь? Если вы хотите защищать крестъ, то докажите намъ прежде всего, что онъ васъ обратилъ, освятилъ, внушилъ вамъ духъ отреченія и посильной жертвы. Знаете-ли вы, что причиняетъ наибольшее зло евангелію? Это не нападки его противниковъ, но робость и трусливость вѣрующихъ.

Увы! какъ вѣрить, что евангеліе есть сила, когда слушающіе его десять, двадцать, тридцать лѣтъ таковы-же нынѣ, какъ были прежде; когда они отступаютъ чаще, нежели приближаются, когда ихъ жизнь ничѣмъ не отличается отъ жизни остальныхъ людей, когда міръ увлекаетъ ихъ, поглощаетъ и завладѣваетъ ими болѣе, чѣмъ когда-нибудь?

Какъ вѣрить, что евангеліе есть сила, когда оно у своихъ исповѣдниковъ тщетно требуетъ тѣхъ жертвъ времени, средствъ, и усердія, которыя завтра-же и безъ всякихъ требованій достанутся свѣтскому тщеславію и мірской славѣ во всѣхъ ихъ разновидностяхъ?

Какъ вѣрить, что евангеліе есть сила, когда оно оставляетъ у слушателей сердца сухими, лишенными любви?

Братія! есть ересь, которую никакое бдительное усердіе не можетъ настичь; никакое исповѣданіе вѣры не можетъ разсѣять; ересь тонкая и опасная, проникающая въ нѣдра наиболѣе просвѣщенныхъ религіозныхъ обществъ; ересь, распространяющая повсюду свой холодный ядъ, и заставляющая проникать смерть подъ наружными признаками жизни; ересь, опровергающая заранѣе всѣ оправданія истины, ослабляющая всѣ проповѣди, парализующая всѣ усилія и дѣлающая безполезнымъ самый крестъ. Это сухость сердца. Быть христіаниномъ и не любить!.. Говорить о силѣ евангелія и не чувствовать ее въ своемъ сердцѣ, не проявлять ее въ своей жизни!.. Не значитъ-ли это отрицать ее? Господи! у подножія этого креста, гдѣ Ты намъ явилъ свою любовь, помоги намъ любить болѣе и перемѣной образа жизни доказывать силу того Божественнаго юродства, свидѣтелями коего мы призваны быть!

Истины моральныя и истины откровенныя.

„*Если я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите,—какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ?*“ (Іоан. III, 12).

Одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ фарисеевъ, Никодимъ, пришелъ ночью къ Іисусу Христу, съ искреннимъ желаніемъ послушать Его и поучиться у Него. Впечатлѣніе, произведенное на него личностью Христа, было таково, что онъ пришелъ, не взирая на предубѣжденіе и злобу всей синагоги противъ Христа. Вопросъ, предложенный Никодимомъ Іисусу Христу, равно, какъ и отвѣтъ Христа, показываютъ, что по взглядамъ Никодима, религія была только знаніемъ и наукой, въ которой онъ хотѣлъ совершенствоваться. Но съ первыхъ-же словъ Христосъ разсѣеваетъ это заблужденіе, говоря Никодиму о необходимости внутренняго преобразованія, о нравственномъ перерожденіи, о новомъ духовномъ рожденіи, безъ котораго нельзя войти въ Царствіе Божіе. Никодимъ не понимаетъ этого, и Іисусъ Христосъ произноситъ слова, которыя относятся къ уче-

нымъ всѣхъ временъ и всѣхъ школъ: „Ты учитель Израилевъ, и этого-ли не знаешь?“ (Іоан. III, 10). Съ этого-же приходится и намъ начать, братья, иначе все дальнѣйшее откровеніе Божественной истины будетъ намъ непонятно. Побуждаемый этою мыслью, Іисусъ Христосъ произнесъ глубокія слова: „Если Я сказалъ вамъ о земномъ и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ?“ И на эти-то слова я желаю обратить нынѣ ваше вниманіе. По собственному объясненію Самого Іисуса Христа, Его ученіе заключаетъ въ себѣ двѣ части: одну, относящуюся къ земному, другую—къ небесному. Что-же нужно понимать подъ именемъ *земного*?

Ясно, что здѣсь идетъ дѣло не о тѣхъ изслѣдованіяхъ природы, которыми увлекались философы древности. Іисусъ Христосъ снизшелъ не для научныхъ преобразованій на землю, но для преобразованій въ другой области. Еще менѣе здѣсь идетъ дѣло о вопросахъ политическихъ, или соціальныхъ, о наукѣ права, или законовѣдѣніи, которому еврейскіе казуисты предавались съ особеннымъ рвеніемъ. Наименованіе „земного“ придается здѣсь тому, что мы называемъ нравственностью, или человѣческими обязанностями, разсматриваемыми съ точки зрѣнія естественной совѣсти или справедливости. Въ ученіи Христа возможно отдѣлить понятіе о нравственности отъ религіи, хотя въ сущности Онъ ихъ соединилъ ближе, чѣмъ кто-нибудь. Но можно, съ другой стороны, разсматривать проповѣдуемую Имъ религію прежде всего въ ея практическихъ примѣненіяхъ. въ томъ взглядѣ, который она имѣетъ на наши обя-

занности, и въ томъ направленіи, которое она даетъ всей нашей дѣятельности. Все это можно назвать земной стороной религіи, въ отличіе отъ небесной, въ отличіе того, что Христосъ открываетъ намъ о Богѣ, Его свойствахъ, предвѣчныхъ планахъ Его промыслительной дѣятельности, и пр. Эти два вида, подъ которыми намъ представляется ученіе Христово, не одинаково вліяли на различныя христіанскія поколѣнія. Были времена, когда особенно дѣйствовало на людей откровеніе Божественной любви и дѣло искупленія, изложенное въ евангеліи и посланіяхъ апостольскихъ вообще, а въ особенности въ Посланіяхъ апостола Павла. Были и другія времена, напримѣръ, почти весь XVIII-й вѣкъ, когда, утолившись религіозными преніями, люди привязывались болѣе къ практической сторонѣ евангелія, именно къ той, которая имѣла наибольшее отношеніе къ земному и человѣческому. Это разногласіе и теперь можно наблюдать на людяхъ съ различными характерами: однихъ привлекаетъ въ евангеліи то, что менѣе трогаетъ другихъ.

Итакъ, чтобы евангеліе было правильно понято, оно должно быть обозрѣваемо со всѣхъ сторонъ и изучаемо въ цѣлости. Я желалъ бы доказать Вамъ нынѣ, что Іисусъ Христосъ, какъ представитель нравственнаго закона, есть высшій авторитетъ, который долженъ управлять нашею совѣстью, и что тотъ, кто ввѣряетъ себя такому руководительству, неизбѣжно придетъ къ познанію въ Немъ провозвѣстника истинной и совершеннѣйшей религіи, къ признанію въ Немъ Сына Божія.

Я сказалъ, что нравственное ученіе Іисуса Христа

дѣйствуетъ на каждую человѣческую совѣсть, а теперь представляю вамъ нѣкоторыя особыя черты Его. Въ ученіи Христа нѣтъ и тѣни колебанія, сомнѣнія или смущенія, въ немъ не чувствуется ни ухищреній пытливаго ума, ни крайностей фанатизма. Оно является словомъ, снисходящимъ свыше, обладающимъ непонятною властью и неотразимымъ убѣжденіемъ, посредствомъ котораго оно просвѣтило и доселѣ просвѣщаетъ міръ и господствуетъ надъ вѣками. Найдете-ли вы гдѣ-нибудь болѣе ясный и твердый образъ выраженія идеи о высшемъ значеніи правды и справедливости?

Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда правосудіе подвергалось самымъ возмутительнымъ искаженіямъ. То были времена Тиверія, и уже однимъ этимъ словомъ сказано все. И вотъ, въ то время Іисусъ Христосъ утверждалъ, что ни одна іота нравственнаго закона не пройдетъ и не утратится; что нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось-бы явнымъ, что каждый человѣкъ даетъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, что никакая обманчивая внѣшность не воспрепятствуетъ добру и злу обнаружиться въ ихъ послѣдствіяхъ. Въ самой простотѣ, съ которой утверждается этотъ утонченный и небывалый, всеобъемлющій законъ, заключается умиротворяющее вліяніе на душу. Евангельская мысль о верховномъ судилищѣ наводитъ страхъ, является авторитетомъ, чуждымъ всякой напыщенности, и выраженіемъ идеала правой совѣсти. Такъ-же точно Іисусъ Христосъ изображаетъ въ Своихъ рѣчахъ, притчахъ, поученіяхъ и вѣчное правосудіе, соединенное съ понятіемъ о возмездіи.

То, что я сказалъ о правосудіи, примѣнимо и къ святости. Христосъ изъясняетъ и область того, что *должно быть*. Вы знаете, съ какою Онъ энергіею боролся противъ ученія, измѣрявшаго святость исключительно одними обрядами, обычаями и наружными дѣяніями. По Его ученію, святость должна быть преимущественно *внутреннею*, и потому всё вниманіе должно обращать на эту двигающую силу, которая придаетъ дѣяніямъ настоящую цѣну и характеризуетъ ихъ добромъ или зломъ. Одно наружное и формальное исполненіе различныхъ предписаній закона не имѣетъ значенія въ глазахъ Господа, Который смотритъ главнымъ образомъ на намѣреніе. У того народа, въ средѣ котораго Онъ родился, и въ ту эпоху, когда казуистика наводняла собою всё, когда ученые серьезно спорили, въ какомъ часу и въ какомъ мѣстѣ должна быть совершена молитва, чтобы считаться дѣйствительною, какимъ способомъ должна быть приготовлена извѣстная пища, какое прикосновеніе оскверняло человѣка, сколько дней было нужно, чтобы очистить его, какое разстояніе позволялось пройти въ день субботній,—Іисусъ Христосъ постоянно возвращался къ той мысли, что въ добрыхъ и злыхъ дѣлахъ отвѣтственно сердце, и что только оно должно быть чисто передъ Богомъ. Онъ вмѣняетъ въ грѣхъ не одинъ только фактъ, но и порочную мысль, усматривая прелюбодѣяніе во взглядѣ и убійство въ чувствѣ ненависти. Онъ доказываетъ, что закономъ предписанная милостыня, молитва и показное воздержаніе не значатъ ничего, если онѣ не служатъ выраженіемъ внутренней святости. Такимъ образомъ въ корнѣ подрывалось вся-

кое фарисейство и лицемѣріе, какъ грѣхъ противъ второй заповѣди.

Но если только намѣреніе составляетъ нравственную цѣну дѣянія, то изъ этого можетъ возникнуть опасное заблужденіе, а именно: всякое преступленіе, совершенное со святымъ намѣреніемъ, покажется святымъ и, такимъ образомъ, хорошая цѣль можетъ освящать дурныя дѣла. Въ этотъ-то опасный софизмъ впадали казуисты всѣхъ временъ, начиная съ софистовъ, осмѣивавшихъ Сократа, до іерусалимскихъ фарисеевъ и нынѣшнихъ іезуитовъ. Но вы знаете, какой свѣтъ разливаетъ Христосъ на эти темныя изреченія. Фарисеи Его времени учили, напримѣръ, что всякій даръ, принесенный въ храмъ (даръ такой назывался по-еврейски *„корванъ"*), избавлялъ жертвователей отъ ихъ семейныхъ, обязанностей поставляя служеніе Богу выше всякихъ естественныхъ привязанностей, и вы помните, съ какой энергіей Іисусъ Христосъ боролся противъ подобнаго искаженія и пустословія. То-же самое въ Его субботнемъ поученіи, гдѣ Онъ строго различалъ насущныя человѣческія нужды отъ той святости, которая думаетъ угождать Богу на счетъ ближняго.

Святость, предписываемая Христомъ, не противорѣчитъ природѣ, и вслѣдствіе этого, Его ученіе является глубоко гуманнымъ и справедливымъ. Онъ желаетъ соотвѣтствія и подчиненія плотскаго начала духовному. Онъ освящаетъ природу, не искажая ее; Онъ хочетъ, чтобы Его ученики были *солью земли и свѣтомъ міра*, ясно показывая этимъ ихъ назначеніе. Онъ простираетъ Свои руки на маленькихъ дѣтей, приведенныхъ къ Нему.

Никто болѣе Іисуса Христа не проповѣдывалъ о необходимости страдать ради правды и жертвовать собою ради истины. *Сберегшіе душу свою потеряютъ ее; а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее.* (Мѳ. X, 39). Это одно изъ изреченій, наиболѣе Ему близкихъ, и можно сказать не преувеличивая, что евангеліе обладаетъ наибольшей суммою жертвъ и лишеній, какую только міръ видѣлъ. Я говорю здѣсь не только о страданіяхъ тѣлесныхъ и всевозможныхъ лишеніяхъ ради Господа, но также о томъ принесеніи Ему въ жертву эгоизма, гордости и тщеславія, которое нерѣдко бываетъ героичнѣе самой смерти, если не брать во вниманіе того воодушевленія, съ какимъ христіане охотно шли на мученія за Христа. Можно было-бы подумать, что евангеліе ставитъ въ ничто значеніе индивидуума, и, однако, гдѣ человѣчество было болѣе уважаемо, какъ не въ этой книгѣ, которую можно было-бы назвать эпопеей буіихъ міра сего. Нигдѣ достоинство человѣка не становилось такъ высоко, какъ именно здѣсь. Евангеліе не придаетъ никакого значенія искусственному и ложному величію, которое тогда, какъ и во всѣ времена, ослѣпляло и обольщало людей; оно не говоритъ ни слово о всёмъ томъ, что занимало и занимаетъ свѣтскихъ людей, но за то, какое попеченіе и какой горячій интересъ проявляетъ оно къ тѣмъ ничтожнымъ, приниженнымъ и жалкимъ людямъ, о которыхъ никто не заботится. Какъ велико является тамъ значеніе человѣка и его жизни, облеченное въ нравственное величіе, дотолѣ ему певѣдомое! И не только въ притчахъ Христовыхъ, но и въ отношеніяхъ Его къ послѣднему изъ лю-

дей, къ самымъ ничтожнымъ паріямъ человѣчества, я замѣчаю эту черту. Знаки замѣчательной нѣжности Христа къ людямъ изумляютъ и трогаютъ каждаго, заставляя чувствовать, что никогда и нигдѣ человѣчество не было такъ любимо и уважаемо.

Если мы будемъ теперь разсматривать ученіе Христа по отношенію къ самымъ людямъ и къ тѣмъ мотивамъ правды и милосердія, которые должны ихъ соединять, то мы придемъ къ тѣмъ-же заключеніямъ. Іисусъ Христосъ сдѣлалъ изъ любви высшій знакъ человѣчества; Онъ поставилъ нравственный міръ на его правильную настоящую ось и освятилъ въ исторіи новое право, *новый* порядокъ.

И если-бы Онъ поучалъ только словами, но, что необычайно, Онъ исполнялъ всё то, чему училъ; нѣтъ ни одного повелѣнія, котораго Онъ не осуществилъ-бы Самъ въ Своей жизни. У всѣхъ людей, даже наилучшихъ, между теоріей и практикой есть противорѣчія, тѣмъ болѣе оскорбительныя, чѣмъ выше ихъ идеалъ, такъ что и отъ наиболѣе святыхъ людей вы слышите смиренныя признанія въ ихъ несостоятельности и слабости. Въ Іисусѣ-же Христѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этой двойственности; чему Онъ наставлялъ, то и исполнялъ Самъ. Его жизнь была подвергнута самому тяжкому испытанію, какое только могли придумать силы ада и человѣческая злоба. И вотъ въ Немъ не открыли не только что никакого проступка, или ошибки, но даже слабости или колебанія. Пусть-же намъ не говорятъ, что эта святая Личность могла быть выдумана: чтобы Ее выдумать нужно было видѣть и созерцать Ее. Гдѣ-

же есть еще подобное невѣдомое величіе, которое можно было-бы наблюдать или созерцать? Только именно въ евангеліи, въ этихъ простыхъ и безъискусственныхъ сказаніяхъ четырехъ евангелистовъ-очевидцевъ, мы находимъ то живое Существо, всѣ слова и дѣянія Котораго носятъ на себѣ всѣ признаки дѣйствительности, что-бы ни говорила враждебная критика; находимъ ту Личность, Которая осуществляетъ Собою совершенство, господствующее во всѣ времена и во всѣхъ народахъ; Которая существуетъ, не смотря на всѣ хитрыя нападки; которая возстаетъ передъ нами, какъ идеалъ правды, непорочности, милосердія. Вотъ дѣянія, которыхъ никто не можетъ отрицать! Ихъ достаточно, чтобы признать и доказать то, что Христосъ, какъ проповѣдникъ и образецъ нравственнаго закона, имѣетъ право на высшій авторитетъ для нашей совѣсти; или, употребляя выраженіе взятаго мною текста, что Онъ имѣетъ право на полное довѣріе, когда говоритъ намъ о земномъ.

Я сказалъ, что это заключеніе обязательно для всѣхъ насъ; но я не говорю, что всѣ его принимаютъ, и былъ-бы очень наивнымъ, если-бы сталъ утверждать это. Часто говорили, что евангельская нравственность легко можетъ соединить всѣхъ людей, какъ-бы ни были различны ихъ убѣжденія и доктрины. Я желалъ-бы этому вѣрить, но нигдѣ нѣтъ меньше правды, чѣмъ въ этомъ. Проповѣдь нравственности возбуждаетъ во всѣхъ совершенно другого рода ненависть, чѣмъ проповѣдь чуждой доктрины. Доктрина вызываетъ только умственныя противорѣчія, а нравственность возбуждаетъ тайныя, глубокія и невысказанныя противорѣчія сердца. Сосчитайте

всё то, что добровольно соединяется противъ нея въ человѣческихъ сердцахъ! Прежде всего легкомысліе, которое, поклонялсь только земному величію, никогда не придаетъ нравственности истиннаго значенія и никогда не смотритъ серьёзно на обязанности; потомъ сопротивленіе, которое каждая изъ заповѣдей встрѣчаетъ въ нашихъ привычкахъ, въ нашей косности и лѣности, въ нашей изпѣженной плоти; затѣмъ софизмы, которыми оправдываемся мы, отыскивая въ нихъ уменьшающее вину обстоятельство и извиняя себя тѣмъ, что мы не осудили-бы за это и другихъ. Такимъ образомъ нужно быть слѣпымъ, чтобы вѣрить, что законъ, предписывающій и самую безусловную истину, и непорочность, и смиреніе, и самопожертвованіе, былъ-бы добровольно принятъ существами, склонными и къ извращенію, и ко лжи, и къ гордости, и къ эгоизму. Мы можемъ себѣ представить, какъ различны были и будутъ слушатели нравственнаго ученія Іисуса Христа. Тамъ встрѣтятся легкомысленныя души, не отдающія ему ни одной серьёзной минуты; будутъ энтузіасты на часъ, которые восхищаясь имъ въ теоріи, покинутъ его въ часъ жертвы; будутъ нечестивые, которые закроютъ глаза, обращенные къ свѣту и правдѣ, и проклянутъ истину, осуждающую всю ихъ жизнь. Но съ другой стороны будутъ люди, до которыхъ это ученіе достигнетъ, возбудитъ и побѣдитъ ихъ; люди, которые примутъ его со всѣмъ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ тяжелаго для нихъ, и которые найдутъ глубокую связь между внѣшнимъ закономъ и внутреннимъ закономъ своей совѣсти. Эти люди послѣдуютъ за Іисусомъ Христомъ, какъ за про-

повѣдникомъ нравственнаго закона, видя въ Немъ провозвѣстника религіозной истины, ибо недовѣріе по отношенію къ первому, т. е., ученію нравственности ведетъ недовѣріе и по отношенію ко второму, т. е., ученію религіозному.

Такимъ образомъ мы приходимъ ко второй части моего текста. Іисусъ Христосъ, Который по вашему первому выводу имѣетъ право на довѣріе, какъ проповѣдникъ нравственнаго закона, возвѣщаетъ такимъ-же образомъ вѣру, какъ Представитель религіозный. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ Его разсматривать.

Іисусъ Христосъ не только учитель нравственности и вслѣдствіе этого Онъ говоритъ не только о земномъ, но признаетъ Себя пришедшимъ свыше. „Никто, говоритъ Онъ, не восходилъ на Небо, какъ только сшедшій съ Небесъ Сынъ Человѣческій, сущій на Небесахъ“. Онъ съ увѣренностью говоритъ о вещахъ, вполнѣ превосходящихъ наше человѣческое міровоззрѣніе. Онъ намъ открываетъ Бога, говоря о Немъ, какъ Сынъ говоритъ о Своемъ Отцѣ, изъясняя намъ управленіе Божіе, Его Промыслъ о всѣхъ твореніяхъ и Его благія намѣренія для спасенія человѣчества. Онъ возвѣщаетъ впередъ о Своей смерти и прямо объявляетъ намъ яснымъ образомъ, что принесетъ Себя въ жертву для спасенія людей. Даже въ той бесѣдѣ, изъ которой я заимствовалъ предметъ нашей бесѣды. Онъ обнаруживаетъ въ нѣсколькихъ удивительныхъ словахъ весь планъ искупленія: „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“. Онъ знаетъ, что эта

смерть привлечетъ къ Нему всѣхъ людей, и одинаково возвѣщаетъ Свое воскресеніе и Свою побѣду. Онъ, какъ живое свидѣтельство Бога, говоритъ о Своей личности и открываетъ Себя Своимъ ученикамъ, чтобы они признавали Его за Того, въ Кого нужно вѣрить, Кого нужно любить превыше всего, и въ Комъ міръ долженъ искать спасеніе; Онъ возвѣщаетъ о будущемъ судѣ, описывая его, каковъ онъ будетъ.

Эта высшая сторона Христова ученія ставитъ насъ въ другое положеніе и затрудняетъ болѣе, чѣмъ Его нравственное ученіе. Когда дѣло касалось нравственныхъ наставленій, мы могли о нихъ разсуждать, потому что находили въ собственной совѣсти вѣрный критерій для оцѣнки истины. Каждая заповѣдь нагорной проповѣди, каждая притча находила въ насъ самихъ внутреннiй оттискъ. Этого внутренняго свидѣтельства было для насъ достаточно, чтобы признать истину словъ Христа. При этомъ дознано: чѣмъ чище была наша совѣсть, тѣмъ доступнѣе было и сердце наше для чистыхъ привязанностей, тѣмъ болѣе утверждалось въ насъ христіанское убѣжденіе.

Здѣсь-же, напротивъ, все представляется иначе. Мы слушаемъ высшія объясненія, которыя намъ невозможно провѣрить. Ничто не подтверждаетъ ихъ съ перваго взгляда и не даетъ имъ наглядной достовѣрности. Мы идемъ къ словамъ Христа лишь путемъ *вѣры*. До сихъ поръ мы шли по твердой почвѣ опыта, теперь-же насъ призываетъ Христосъ въ глубокое море съ безконечнымъ горизонтомъ. Но здѣсь представляется намъ два вопроса: Имѣемъ-ли мы право на совершеніе этого акта вѣры, и можемъ-ли мы довѣриться Іисусу Христу?

На первый вопросъ отвѣтить удобно. Если мы будемъ систематически уклоняться отъ вѣры, которая только и даетъ доступъ къ религіозной истинѣ, то какой другой путь останется намъ для достиженія ея? На всѣ вопросы, относящіеся къ нашему происхожденію и предназначенію, къ горю, злу, прощенію, отношенію къ Богу и къ будущей жизни, наука не отвѣчаетъ намъ ничего, и никогда она не сознавалась въ этомъ такъ откровенно, какъ нынѣ. Мнѣ было-бы легко передать ея многочисленныя и рѣшительныя признанія по этому поводу. Я не разбираю здѣсь того взгляда, съ которымъ она принимается за эти задачи; но говоря откровенно, мнѣ кажется, она могла-бы съ помощью простыхъ естественныхъ средствъ проникнуть въ эти вопросы глубже, чѣмъ она это дѣлаетъ. Я просто признаю тотъ фактъ, что чистая наука совершенно неспособна успокоить угрызенія совѣсти, придать сердцу любовь, достойную его, утѣшить насъ въ горѣ, или принести намъ какую-нибудь увѣренность относительно загробной жизни. Такое безсиліе, такъ явно выраженное даже въ тотъ вѣкъ, когда наука одерживала самыя блестящія побѣды, есть явленіе, поражающее всякій здравый разумъ.

Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ? Отказаться поднять завѣсу нашей будущности и довольствоваться настоящей жизнью, подобно наслаждающимся эпикурейцамъ или стоикамъ, повинующимся закону долга, ничего не знающимъ, кромѣ этого, не смѣющимъ ничего утверждать и надѣяться на Бога, или на то великое неизвѣстное, которое насъ ожидаетъ? Пробовали и это тысячи разъ, но никогда ничего не выходило. Человѣчество религіозно

по своему существу. Позитивизмъ можетъ нравиться одному или двумъ поколѣніямъ, но никогда не будетъ доктриною всего человѣчества.

И здѣсь Іисусъ Христосъ является намъ съ увѣренностью, принадлежащею только Ему. Онъ является истиннымъ посланникомъ, пришедшимъ отъ Бога, и на всѣ темные пункты нашего существованія разливаетъ свѣтъ; Онъ не ищетъ, не разсуждаетъ, не разбираетъ, Онъ утверждаетъ, и когда евреи упрекали Его за Его свидѣтельство о Самомъ Себѣ, т. е., за то, что Онъ утверждалъ безъ доказательствъ, то Онъ отвѣчалъ имъ такими словами: „свидѣтельство Мое истинно, потому что Я знаю, откуда пришелъ и куда иду". (Іоаннъ VIII 14).

И вотъ получившееся слѣдствіе: нѣкоторые люди не повѣрили этой увѣренности Іисуса, другіе повѣрили Его свидѣтельству, и это вѣрованіе стало достояніемъ наиболѣе просвѣщенной и лучшей части человѣчества. Мы сами христіане, и все то, что намъ извѣстно о Богѣ, Провидѣніи, прощеніи и вѣчной жизни, мы получили отъ Іисуса Христа. Мы повѣрили Іисусу Христу, говорившему о небесномъ; повѣрили Ему, какъ Учредителю религіозной истины. Но имѣли-ли мы на это основаніе? Достоинъ-ли Іисусъ Христосъ быть свидѣтелемъ вѣры?

Во-первыхъ, я замѣчу, что самая увѣренность, съ которой являются Его утвержденія, имѣетъ въ себѣ что-то такое, что насъ невольно заставляетъ размышлять. Никто никогда не говорилъ съ такой увѣренностью, какъ Онъ. Никто никогда не сказалъ: „Я отъ высшихъ, вы отъ нисшихъ; Я знаю откуда пришелъ и куда иду; Я есмь путь, истина, жизнь; Я есмь свѣтъ міра; всякій, ви-

дѣвшій Меня, видѣлъ Отца". Никто не дозволялъ себѣ такихъ утвержденій, и никто не имѣетъ права уменьшать ихъ значенія. Они являютъ собою или страшное заблужденіе, или внушительное сообщеніе. Нужно выбирать между этими двумя объясненіями; третьяго нѣтъ, что сознаетъ и антихристіанская критика.

Не станемъ жаловаться на фальшивыя ея объясненія, какъ-бы горьки ни были они нашему сердцу. Мы имѣемъ все для достиженія того, чтобы видѣть, какъ разсѣвается всякая двусмысленность и клевета.

Мы вѣримъ тому, что подтвердилъ Іисусъ Христосъ, или, говоря словами моего текста, мы вѣримъ въ Него, когда Онъ говоритъ намъ о небесномъ, потому что Онъ всегда говорилъ истину, разсуждая о земномъ. Мы вѣримъ по предубѣжденію. Но этого предубѣжденія намъ достаточно. Хотя намъ скажутъ: вотъ человѣкъ, который увлекъ за собою человѣчество въ самыя фантастическія иллюзіи, но мы вѣримъ, что этотъ человѣкъ—Богочеловѣкъ Христосъ во всѣхъ Своихъ объясненіяхъ, относящихся къ предметамъ, могущимъ подвергнуться нашему контролю, сказалъ совершенную правду. Онъ не раздѣлялъ ни одного изъ предразсудковъ и нравственныхъ заблужденій Своего времени и Своего народа, изобразивъ человѣчество такимъ, какъ оно есть, и давъ справедливости, долгу и милосердію вѣчный образецъ въ Себѣ. Не было пункта, въ которомъ Его ученіе могло быть отвергнуто, или опровергнуто. Слушая Его, мы чувствуемъ, что выражаемая Имъ истина господствуетъ надъ нами и является намъ идеаломъ, который насъ обязываетъ, привлекаетъ и вмѣстѣ осуждаетъ. Съ продол-

женіемъ вѣковъ, могущество Его слова непреодолимо возрастаетъ и увлекаетъ милліоны лучшихъ людей.

Этого одного соображенія было-бы достаточно для доказательства того, что мы не легкомысленно принимаемъ то, что намъ говоритъ Іисусъ Христосъ о мірѣ невидимомъ, превышающемъ насъ. Подумайте объ этомъ! Всякое человѣческое общество покоится на взаимномъ довѣріи. Число истинъ, получаемыхъ нами, по свидѣтельству всѣхъ знающихъ, огромно; если-бы мы провѣряли, то едва-ли сдѣлали-бы шагъ впередъ, и работа человѣчества должна была-бы повторяться въ каждомъ индивидуумѣ. Когда-же наше довѣріе было уже оправдано, тогда мы повѣрили и Тому, Чье слово было воплощеніемъ нравственной истины. Если-же мы не повѣримъ Ему, то Кому-же мы будемъ вѣровать!

Но здѣсь мы касаемся спорнаго пункта вопроса. Мы вѣримъ религіознымъ истинамъ, объявленнымъ Іисусомъ Христомъ, не потому только, что признаемъ Его истиннымъ представителемъ нравственнаго закона, но потому, что Онъ заслуживаетъ нашего довѣрія; не потому только, что Онъ въ нашихъ глазахъ святъ и справедливъ, но потому, въ особенности, что эти религіозныя истины дополняютъ и заканчиваютъ нравственныя истины. А эти истины столь обязательны для нашей совѣсти, что принимая однѣ, мы по неизбѣжному заключенію, принимаемъ и другія. Нѣтъ такой нравственной евангельской истины, которая въ продолженіе извѣстнаго времени не перешла-бы на ступень религіозной истины. Вотъ почему мы не можемъ принять отдѣльно отъ нравственности теоріи ея. Это потому, что, въ глазахъ всякаго хри-

стіанина, нравственность и доктрина ея тѣсно и неразрывно соединены; потому что всякая теорія идетъ вслѣдъ за практикой; На что была-бы пригодна доктрина, если-бы она не выясняла отношеній, существующихъ между Богомъ и человѣкомъ! Чѣмъ являлась-бы нравственность, если-бы она не была практическимъ слѣдствіемъ этихъ отношеній! Если я только что долженъ былъ отличать Іисуса Христа, какъ учредителя религіозной истины, то вы всѣ догадывались, что это раздѣленіе было во времени, искусственное, несоотвѣтствующее цѣлой недѣлимой личности Іисуса Христа.

Возьмите дѣйствительно главныя черты нравственнаго ученія Христа. Онъ склоняетъ Своихъ учениковъ къ миру внутреннему, къ спокойствію и той побѣдоносной кротости, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ безропотной покорностью буддиста, ни съ насильственною твердостью стоика. Но возможенъ-ли этотъ внутренній миръ безъ вѣры въ праведнаго и всезнающаго Бога, соизволеніемъ Котораго только и живетъ все въ мірѣ. Іисусъ Христосъ утверждаетъ, что подъ кажущимся безпорядкомъ вещей сокрытъ наилучшій порядокъ; что ни одна іота нравственнаго закона не можетъ быть безнаказанно отвергнута; что человѣкъ пожнетъ то, что посѣялъ. Но эти утвержденія возбудятъ только дерзкую критику и глумленіе, если мы не будемъ вѣрить въ Бога, Который освятилъ данный Имъ законъ, и будемъ судить міръ со всѣмъ правосудіемъ. Онъ возвѣстилъ душамъ, наиболѣе павшимъ, о возможности исправленія, о полномъ возстановленіи, о радостномъ и чистомъ будущемъ. Но какъ все это можетъ осуществиться, если права Божественнаго право-

судія не будутъ признаны, а искупленіе принято и усвоено. Онъ возвѣстилъ торжество царства Божія въ правосудіи и истинѣ не только какъ идеалъ, къ которому человѣчество, можетъ быть, черезъ 20 или 50 вѣковъ вернется. но и какъ дѣйствительность, свидѣтелемъ коей является каждая совѣсть. Но это не предполагаетъ-ли жизни будущей и возмездія за всѣ добрыя и злыя дѣла? Онъ учитъ принимать несчастіе за освящающее испытаніе. Не имѣло-ли бы это смыслъ, если бы любовь Божія не являлась убѣжищемъ для нашихъ разбитыхъ и огорченныхъ міромъ сердецъ! Вотъ какія основанія побуждаютъ меня сказать, что Христосъ, законодатель нравственности, ведетъ ко Христу-Искупителю и Спасителю, нагорная проповѣдь Котораго призываетъ и заставляетъ предчувствовать крестъ Голгоы; что все держится евангеліемъ, и что человѣкъ не можетъ разлучить того, что Богъ соединилъ. Братья! вы часто повторяли съ искренностью и вмѣстѣ съ боязнью: „Господи, умножь нашу вѣру!" Вы часто спрашивали у насъ, какимъ образомъ можно укрѣпить вѣру. Одинъ заблуждавшійся геній, до конца жизни остававшійся колеблющимся въ вѣрѣ, написалъ эти глубокіе слова: „Если ты хочешь вѣрить въ Бога, смотри на все такимъ образомъ, какъ будто-бы ты вѣчно нуждался въ Его существованіи". Эти слова Руссо были какъ бы поясненіемъ къ этому поученію Учителя надъ учителями:

„*Если кто-нибудь захочетъ творить волю Божію, онъ узнаетъ, что Мое ученіе есть отъ Бога*". Вѣрите-ли во Христа, законодателя нравственности? Вѣрите-ли вы въ царствіе Божіе? Если Іисусъ Христосъ вашъ Учитель,

если вы знаете, что Онъ вамъ говоритъ истину, когда касается земного, то послушайте Его и повѣрьте Ему, когда Онъ вамъ возвѣщаетъ и о небесномъ. Слѣдуя за Нимъ на гору блаженства, гдѣ Онъ далъ міру карту царства Небеснаго, послѣдуйте за Нимъ и на Голгоѳу, гдѣ Онъ основалъ это царство силою Своей искупительной жертвы, и скажите Ему, подобно Петру: „*Господи, Ты имѣешь силу вѣчной жизни*“. Прибавьте подобно Ему: „*Мы повѣрили и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго*“. Аминь.

Собираніе милостыни во времена апостоловъ.

„*При сборѣ-же для святыхъ поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ Галатійскихъ: Въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть откладаетъ у себя и сберегаетъ сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ когда я приду. Когда-же приду, то отправлю въ Іерусалимъ съ письмами вашихъ выборныхъ для доставленія вашего подаянія нуждающимся, а если понадобится, то и самъ отправлюсь съ ними*“ (1 Кор. XVI, 1—4).

Существуютъ нѣкоторыя Посланія апостола Павла, которыя являются прежде всего какъ бы договорами ученія. Апостолъ доказываетъ въ нихъ главную истину, связываетъ съ этой истиной всё развитіе своей мысли и, долго пробывъ на этой высотѣ, переходитъ къ практическимъ наставленіямъ, которыми оканчивается всё написанное имъ. Самымъ поражающимъ въ его посланіяхъ является вѣрная постановка мыслей и послѣдовательное ихъ развитіе.

Посланія къ Коринѳянамъ носятъ совершенно другой характеръ: они въ высшей степени отрывочны; въ нихъ разсматриваются самые разнообразные предметы; чисто мѣстныя событія сталкиваются съ преніями объ ученіи; наставленія общаго характера смѣшиваются съ личными воззрѣніями Павла. Апостолъ едва успѣваетъ отвѣчать на множество вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые обращаются къ нему новопросвѣщенными, а нѣкоторые поднимаетъ онъ самъ, усматривая въ нихъ неотложную надобность.

Не заключайте изъ этого, братіе, что эти посланія представляютъ для насъ наименѣе интереса; именно этотъ характеръ и придаетъ имъ особую цѣнность и несравненную важность. Онѣ насъ переносятъ во времена апостоловъ и посвящаютъ въ самыя живыя заботы и нужды христіанъ той эпохи. Всякая въ нихъ подробность, которая могла-бы показаться намъ незначительной, носитъ отпечатокъ исторической истины и несомнѣнной достовѣрности. Мы становимся здѣсь на твердую почву, сталкиваемся съ фактами, которыхъ не могло поддѣлать послѣ никакое искусство. Мы получаемъ полную исторію и можемъ вѣрно судить по свойствамъ природы и по доказательствамъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что они косвенные, судить о томъ, каковы были вѣрованія и жизнь христіанъ спустя двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Іисуса Христа. Кромѣ того, религіозное наставленіе, вытекающее изъ этихъ свидѣтельствъ, заключаетъ въ себѣ что-то поразительное. Вмѣсто отвлеченностей мы находимъ тамъ повсюду факты и дѣйствующихъ людей. Павелъ является намъ здѣсь не только въ обязательномъ

апостольскомъ служеніи, но и въ частной жизни, коротко знакомящей насъ съ нимъ—мы можемъ изучать его во внутреннихъ изліяніяхъ при блескѣ того свѣта, который показалъ ничтожество столькихъ незаслуженныхъ величій. Здѣсь представляется превосходный случай видѣть дѣйствіе, производимое христіанской вѣрой на окружающихъ; можемъ судить о деревѣ по его плодамъ.

Среди вопросовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ приступаетъ апостолъ, я выбралъ одинъ для нашего нынѣшняго обсужденія. Онъ относится къ собиранію милостыни, которое производилъ Павелъ между греческими Церквами въ пользу іерусалимскихъ христіанъ. Я желалъ бы разсмотрѣть поближе этотъ предметъ, казавшійся сначала такимъ мѣстнымъ и спеціальнымъ; я желалъ бы указать вамъ на заключающееся въ немъ наставленіе которое, можетъ быть, примѣнено ко всѣмъ временамъ и народамъ.

Церковь іерусалимская подвергалась великимъ матеріальнымъ страданіямъ и гоненіямъ. Казалось, не долго суждено было облегчать ея скорби порыву милосердія, освѣтившему ея рожденіе тѣмъ чистымъ ореоломъ, о которомъ въ книгѣ Дѣяній сохранилась для насъ трогательная картина.

Къ тому-же, это гоненіе носило странный характеръ упорства. Вмѣсто того, чтобы разразиться, какъ въ другихъ странахъ лишь, народными возстаніями, или временными притѣсненіями, оно сплотило противъ новообращенныхъ молчаливый безостановочный союзъ. Изгоняемые изъ синагогъ, встрѣчаемые какъ нечестивцы, они видѣли, какъ замыкались предъ ними всѣ двери,

они находили всюду лишь недовѣріе, ненависть и проклятіе; они были стѣсняемы даже въ жизненныхъ средствахъ, въ самой работѣ; отдаленные отъ нѣдръ язычества, они еще болѣе были стѣснены среди своего собственнаго народа. Это наложеніе запрещенія повело къ различнымъ лишеніямъ и для большинства прямымъ слѣдствіемъ этого явилась нужда. Къ тому-же извѣстно, почему полное милосердіе первыхъ дней недолго продолжалось въ нѣдрахъ христіанской общины. Корыстолюбіе, къ которому израильскій характеръ имѣлъ много склонности, скоро проникло туда, какъ видно изъ Посланія Іакова, и принесло горькіе плоды. Въ этомъ заключалось великое бѣдствіе поразившее сердце апостола Павла.

Эта чрезмѣрная скорбь іерусалимской Церкви явилась для большинства вѣрующихъ предметомъ соблазна. Человѣкъ всегда былъ расположенъ видѣть въ матеріальномъ благоденствіи явный признакъ благословенія Божія; напротивъ печаль и нужда казались ему знаками гнѣва Божія. Вѣрующій бѣднякъ падаетъ въ глазахъ большинства людей. Какъ-же объясняли, что Богъ, повидимому, покинулъ ту Церковь, которая была матерью всѣхъ другихъ, и на которую были обращены взгляды всѣхъ? Какъ могли понять, что даже это гоненіе служило Божественному дѣлу? Мы увидимъ сейчасъ, до какой степени оно было для нея полезно, но скажемъ прежде о рѣшеніи, которое оно внушило Павлу.

Можно сказать безъ преувеличенія: не было въ ту эпоху въ Іерусалимѣ имени, которое было-бы ненавидимо болѣе, чѣмъ имя Павла. Его прежніе единовѣрцы,

имѣли къ нему ту ненависть, какую имѣютъ къ вѣроотступнику. Его, прежняго гонителя христіанъ, видѣли смиреннымъ и ревностнымъ ученикомъ Іисуса Христа, всюду возвѣщавшимъ, что обрядовый Моисевъ законъ отмѣненъ. Особенно раздражались евреи тѣмъ, что онъ сдѣлался апостоломъ язычниковъ, и открыто училъ, что Царство Божіе должно быть основано среди нихъ. Конечно сопротивленіе было естественно, и Павелъ долженъ былъ ожидать его, но что явилось для него предметомъ горестнаго удивленія, такъ это то, что онъ видѣлъ, какъ подобныя же чувства проникали въ христіанскую іерусалимскую общину. Ставши христіанами, іудеи не легко отказывались отъ прежнихъ своихъ вѣрованій и преданій. Тѣ изъ нихъ, которые по принципу открыто признавали духовный и всемірный характеръ новаго христіанскаго ученія, оставались въ сущности вѣрными древнимъ Моисеевымъ предписаніямъ. Другіе же, не рѣшаясь оскорбить своихъ соотечественниковъ, изъ солидарности съ ними, или изъ ложнаго стыда не признавали равными новообращенныхъ язычниковъ. Предубѣжденіе по этому поводу было такъ упорно, что самъ Петръ уступилъ ему, воспользовавшись въ антіохійской Церкви малодушнымъ скрытничествомъ, за что Павелъ долженъ былъ лично укорять его (Гал. II, 11—14). Если Петръ колебался въ такой средѣ, какъ Антіохія, гдѣ новообращенные язычники были многочисленны, то съ какою силою должны были обнаружиться еврейскія предубѣжденія въ сердцѣ христіанской Церкви, въ самомъ Іерусалимѣ, т. е., въ колыбели древней теократіи. Большинство членовъ Церкви размышляли о мирной сдѣлкѣ

между ветхимъ и новымъ завѣтомъ; они отказывались признавать, чтобы язычники могли войти въ Царствіе Божіе, не подчиняясь предписаніямъ Моисеевымъ. Они питали относительно Павла раздраженіе, все увеличивавшееся по мѣрѣ того, какъ они слышали объ успѣхахъ этого вѣроотступника; непріязнь нѣкоторыхъ изъ нихъ достигла такой степени, что они видѣли въ немъ мятежника, презирающаго преданія ихъ отцовъ и отказывали ему въ званіи апостола, ссылаясь на то, что онъ не былъ однимъ изъ двѣнадцати подлинныхъ свидѣтелей служенія Христа. Они раскидывали сѣти Павлу, посылали по его слѣдамъ соглядатаевъ, тревожили своими упорными коварными нападками его великую душу и вырывали изъ нея иногда тѣ крики горести, которые сохранились въ его посланіяхъ. Мы не знаемъ до какой степени духъ, оживлявшій этихъ людей былъ распространенъ въ іерусалимской Церкви, но если подумать, что рядомъ съ фанатиками прошлаго были боязливые приверженцы внѣшнихъ уступокъ, наконецъ всѣ тѣ, для которыхъ образъ дѣйствія Павла казался жестокимъ и несвоевременнымъ, то можно спросить себя, не насчитывалъ-ли великій апостолъ среди іерусалимскихъ христіанъ болѣе противниковъ, чѣмъ друзей.

И, однако, для этой Церкви Павелъ отправляется собирать пожертвованія новообращенныхъ язычниковъ, съ большими трудностями переправляясь съ мѣста на мѣсто. Выполненіе такой задачи было-бы тягостно для всякаго, а для него было въ особенности. Мы, дѣйствительно, знаемъ, что онъ безкорыстенъ до совѣстливости, и считалъ для себя дѣломъ высокопонимаемой чести, не полу-

чать отъ большинства греческихъ Церквей ничего для своего собственнаго содержанія, чтобы его достоинство оставалось внѣ всякаго упрека и подозрѣнія въ своекорыстіи. Ради сохраненія своей независимости, онъ старался содержать себя трудами своихъ рукъ, хотя энергично подтверждалъ обязанность христіанъ содержать своихъ пастырей. „*Сами знаете*, говорилъ онъ старшинамъ Ефеса, *что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ, послужили руки мои сіи*“. (Дѣян.. XX, 34). Онъ старался не быть обязаннымъ никому, сводя свои обязательства къ одной истинѣ, которой служилъ. Въ заботѣ о другихъ онъ отказывается отъ своихъ вкусовъ отъ своей природной гордости. Въ заботѣ о другихъ онъ дѣлается искательнымъ, онъ проситъ и умоляетъ. Среди тягостей апостольскаго служенія духовное бремя душъ было какъ бы недостаточно тяжело для него, онъ защищаетъ положеніе тѣхъ, которые матеріально страдаютъ, и стремленіемъ дивнаго милосердія отвѣчаетъ на ту непріязнь, которую питали къ нему іерусалимскіе, христіане.

Остановимся же на нѣсколько минутъ передъ великимъ зрѣлищемъ той безостановочной дѣятельности, которая не отступаетъ ни передъ чѣмъ, которая неразрывно соединяетъ жизнь съ ученіемъ, практику съ принципомъ милосердія. Павелъ является здѣсь истиннымъ ученикомъ Того, Который исцѣлялъ тѣла, спасая души, и насыщалъ вещественнымъ хлѣбомъ массы, которымъ приносилъ пищу вѣчную.

Итакъ нашимъ дѣломъ будетъ проповѣдывать объ евангеліи Христа и апостола, о томъ евангеліи, которое есть

вмѣстѣ истина и жизнь; которое есть наставленіе и сила; которое спасаетъ душу и тѣло; которое старается всё обратить и освятить своею незримою благодатью. Подобно Христу и Павлу надлежитъ принести этому міру спасеніе духовное, не забывая и тѣлесныхъ нуждъ, памятуя, что то и другое находится въ связи, и что большая опасность и безуміе заключаются въ желаніи разъединить то, что Богъ соединилъ. Построимъ церкви, больницы и пріюты, воздвигнемъ школу въ одно время со святилищемъ, будемъ бороться съ невѣжествомъ и нуждою, какъ мы боремся съ грѣхомъ. Освобождая души, объявимъ войну всякому рабству. Я говорю не о рабствѣ только негровъ, которое уничтожила христіанская цивилизація въ нашемъ вѣкѣ, я говорю еще о рабствѣ другого рода, о рабствѣ, тяготѣющемъ надъ женщиной и ребенкомъ, которое зовется организованнымъ развратомъ и пагубнымъ смѣшеніемъ половъ на фабрикахъ. Къ чему служитъ то, что Церковь одѣваетъ въ бѣлыя одежды своихъ кающихся дочерей, если она не охраняетъ ихъ чистоты; къ чему служитъ то, что христіанскіе цивилизованные народы приносятъ въ правой рукѣ евангеліе такъ называемымъ варварамъ, если лѣвой рукой предлагаютъ имъ водку и опіумъ? Къ чему служитъ проповѣдь о нравственномъ обращеніи и святыхъ семейныхъ радостяхъ для тѣхъ, которыхъ мы оставляемъ въ матеріальномъ уничтоженіи и оскудѣніи, влекущемъ ихъ поневолѣ къ озлобленію и грѣху. Съ другой стороны, къ чему послужили бы милліоны, брошенные въ бездну нужды, если мы не обращаемъ сердецъ и желаній, просвѣщая, очищая, спасая души, наставляя каждаго человѣка, что

послѣ Бога онъ долженъ быть первымъ виновникомъ своего спасенія? Ради этого дѣла и исполненія этого двойного назначенія, опредѣленнаго намъ Богомъ, испросимъ у Него усердія, ничего не страшащагося, и настойчивости, ничѣмъ не утомляющейся.

Теперь перенесемъ наши взгляды на то дѣло, которое совершено апостоломъ Павломъ. Невозможно не поражаться исходящимъ изъ него благословеніемъ.

Я не преувеличиваю нисколько, утверждая, что собираніе милостыни, введённое у грековъ въ пользу іерусалимскихъ іудеевъ, отмѣчаетъ новую эру въ нравственной исторіи человѣчества. До того времени міръ не видалъ ничего подобнаго. Часто видѣли, какъ іудеи приходили на помощь своимъ соотечественникамъ, о чемъ съ большою похвалою отзывался историкъ Іосифъ Флавій. Разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, по Азіи, Македоніи, Греціи, Италіи, Африкѣ, богатые или бѣдные, усердствующіе въ своемъ благочестіи, или даже оскудѣвшіе въ вѣрѣ, вслѣдствіе языческихъ вліяній, іудеи помнили о святомъ градѣ и храмѣ, и отлагали свои сбереженія для храма, или для нуждающихся въ Іерусалимѣ. Въ ихъ сердцахъ жило воспоминаніе о далекомъ отечествѣ: вернуться въ него было ихъ завѣтною мечтою. „Если я забуду тебя, Іерусалимъ, пусть прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей, если я не буду помнить тебя“. (Пс. 136,6). Таково было настроеніе и желаніе всѣхъ разсѣянныхъ іудеевъ.

Но чего никогда не было и, казалось, по природѣ вещей, никогда не должно было и случиться, такъ это то, чтобы узы привязанности и нѣжнаго сочувствія могли

соединить евреевъ съ другими чуждыми народами земнаго шара. Если между ними и просвѣщенными націями древняго міра и происходилъ какой-то обмѣнъ, то это былъ лишь обмѣнъ ненависти и презрѣнія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть сатирическихъ писателей Рима. Іудеи являлись для нихъ племенемъ чуждымъ и презрѣннымъ; національныя особенности его изучались только съ смѣшной стороны. На западѣ они никогда не пользовались тѣмъ расположеніемъ и уваженіемъ, которое восточные народы имъ оказывали прежде, призывая ихъ на высокія должности. Римляне же, казалось, питали къ нимъ особое отвращеніе. Іудеи отвѣчали имъ тою инстинктивною ненавистью, которая превратилась въ ожесточеніе къ притѣснявшихъ ихъ римлянахъ—побѣдителямъ. Достаточно было видѣть во время осады Іерусалима то отвратительное бѣшенство, которымъ были одушевлены эти два народа. Никогда Римъ не встрѣчалъ подобнаго сопротивленія, что особенно поражало римскаго полководца Тита. Неслыханныя жестокости отмѣтили эту борьбу; въ одинъ день до пятисотъ евреевъ были распяты на крестахъ, такъ что недоставало дерева для крестовъ, по словамъ Іосифа, историка. Менѣе свирѣпые греки относились къ евреямъ съ одинаковой антипатіей, выражавшейся въ тѣхъ насмѣшкахъ, къ коимъ греки были по своей природѣ такъ склонны.

Представьте-же себѣ, сколько необычайнаго заключается въ томъ фактѣ, что греки и римляне приняли такое участіе въ бѣдныхъ Іерусалима, что обрекли себя на лишенія, изъ-за желанія пособить имъ! И дѣлающіе это не были учениками платоническихъ или стоическихъ фи-

лософовъ, которые въ знаменитыхъ школахъ того времени разсуждали о человѣколюбіи. Но эти разсужденія не трогали ничьего сердца, и римскій народъ, который еще за двѣсти лѣтъ до Христа восхищался нѣкоторыми великодушными стихами Теренція, тѣмъ не менѣе оставался спокойнымъ и безчувственнымъ зрителемъ истязанія и убійства въ амфитеатрахъ. Къ тому-же ученики апостола Павла происходили большею частью изъ простого народа, и не знали философовъ даже по имени (I Кор. I, 26). Однако, только среди этихъ смиренныхъ и мудрствующихъ бѣдняковъ и рабовъ возростаетъ и расцвѣтаетъ новая добродѣтель,—братство. Не смотря на разстояніе, они думаютъ объ евреяхъ, пораженныхъ нуждою, входятъ въ ихъ положеніе; всѣ ихъ предубѣжденія исчезаютъ, ихъ симпатія не остается только на словахъ, но выражается дѣяніями. Какъ же не спросить себя, что произвело подобный нравственный переворотъ? Не есть ли это просто отвлеченное новое ученіе о человѣколюбіи? Но эти отвлеченности, хотя-бы и были доступны для простаковъ, но онѣ не могли бы оказать на нихъ столь могущественнаго вліянія, чтобы преобразовать до такой степени ихъ сердце, ихъ природу. Здѣсь есть нѣчто болѣе вліятельное: благочестивый энтузіазмъ овладѣлъ ихъ сердцами; любовь Божія, явившаяся на землю съ Іисусомъ Христомъ, проникла въ нихъ, обновила всю ихъ жизнь и смягчила, переродила ихъ чувства; лишь при сіяніи этого свѣточа будутъ они впредь видѣть людей. Въ тѣхъ-же, которые до того времени были чужеземцами и варварами, они стали признавать безсмертныя души, созданныя по образу и подобію Божію, и искупленныя кровью Его Сына

на крестѣ. Отеческое попеченіе Бога о людяхъ заставило ихъ понять человѣческое братство, и если великая идея о человѣколюбіи становится для нихъ на землѣ благословенной дѣйствительностью, то это потому, что они поклоняются Единому Богу въ небесахъ и Отцу всѣхъ, Который надъ всѣми и черезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ (Ефес. IV. 6).

Дѣйствительно, признакъ истинной религіи заключается въ томъ, что соединяя человѣка съ Богомъ, она соединяетъ въ то-же время и человѣка съ человѣкомъ. Подобно тому, какъ магнитъ не только притягиваетъ къ себѣ желѣзныя опилки, но и сообщаетъ имъ свойство, въ свою очередь притягивать другія сосѣднія опилки, точно также и любовь путемъ взаимодѣйствія души съ Богомъ возрождаетъ людей и сообщаетъ имъ способность привлекать къ себѣ другихъ и организовать изъ нихъ тѣсно соединённое этою любовью общество. Такъ выражается въ поступкахъ двойной законъ любви, составляющій краткое изложеніе закона о любви къ Богу и къ ближнему.

Вотъ, братья, то, чѣмъ мы обязаны евангелію, что составляетъ одну изъ его величайшихъ заслугъ, и за что должно вѣчно благословлять его, хотя бы оно ничего другого не принесло на землю. Не будемъ же забывать этого; не потерпимъ, чтобы воздавали хвалу какой либо стоической философіи за то, что было дѣломъ Божіимъ. Будемъ знать также, что только евангеліе утвердило святую основу благовоспитанности, называемую человѣческой семьей; что только евангеліе можетъ сохранять ее и предоставлять ей торжество. Если вы сомнѣваетесь въ

этомъ, посмотрите, какія новыя соціальныя теоріи возникаютъ тотчасъ же въ мірѣ, какъ только начинаетъ ослабѣвать христіанская вѣра: презрѣніе и угнетеніе низшихъ племенъ, „борьба за существованіе“, перенесённая изъ царства животнаго въ среду человѣческую, криводушное оправданіе торжества грубой силы. Все неизбѣжно превратится во всемірное право, если перестанутъ признавать, что люди суть творенія Бога живого, и что душа каждаго изъ нихъ достаточно велика, чтобы быть искупленною кровью Іисуса Христа. Подобно тому, какъ хищные звѣри выходятъ изъ берлогъ лишь только солнце скроется за горизонтомъ, точно также вслѣдъ за тѣмъ, какъ солнце христіанства скроется отъ земнородныхъ, всплывутъ эти доктрины насилія и хищничества въ средѣ людей. Наши увѣренія не разрушатъ ихъ. Въ этой области заблужденій возможно бороться только истиною, и лучшее средство для проповѣдыванія ея, служитъ воплощеніе ея въ поступкахъ. Когда ради подаванія помощи несчастнымъ, находящимся вблизи или вдали отъ насъ, мы дѣйствительно принимаемся за дѣло, когда бѣдняки и богачи соединяются для одной цѣли, когда наши работники и даже дѣти посвящаютъ на нее свои слабыя средства, когда за морями, въ глухой Африкѣ на эти собранныя полушки воздвигается школа или миссіонерскій постъ, тогда смиренныя старанія открываютъ человѣческому братству самую широкую будущность, приготовляя ему болѣе великую судьбу, чѣмъ всѣ человѣколюбивыя теоріи, на которыя нашъ вѣкъ является столь щедрымъ.

Обратимся къ моему тексту; мы видѣли въ немъ всту-

шленіе въ міръ новаго и чуднагоо велѣнія добродѣтели. Мы видѣли, какъ Богъ извлекаетъ добро изъ зла, и всё подчиняетъ Своей волѣ. Откуда произошло братство, укоренившееся на землѣ? Изъ скорби іерусалимскихъ христіанъ, явившейся вслѣдствіе гоненія. На этихъ кровавыхъ нивахъ произросла великолѣпная жатва, на колючемъ и дикомъ растеніи выросли удивительные плоды. Сюда можно примѣнить, хотя и въ другомъ смыслѣ, сказанное апостоломъ Павломъ, что „оскудѣніе Израильтянъ есть богатство язычниковъ“. (Рим. XI, 12) Дѣйствительно, какое несмѣтное богатство въ этомъ неожиданномъ братскомъ расположеніи помогать! Сочтите, если можете, что произвело оно въ прошломъ, что производитъ оно въ настоящемъ! Вамъ не достанетъ чиселъ. Кто можетъ исчислить громадный капиталъ, образовавшійся за столько вѣковъ въ человѣчествѣ отъ одной лепты бѣдной евангельской вдовы? Точно также невозможно исчислить всѣхъ благословеній, ниспосланныхъ намъ свыше вслѣдствіе того гоненія, которому подвергался въ это время Іерусалимъ. Замѣтимъ здѣсь еще разъ ту Божественную мудрость, которая дѣлаетъ слезы плодотворными и пораженія побѣдоносными, которая кровью мучениковъ поливаетъ почву, питающую будущее, которая вѣрующихъ обращаетъ въ проповѣдниковъ гонимой истины и обращаетъ христіанскіе народы въ новомъ свѣтѣ вмѣстѣ съ бѣглецами стараго которая являетъ, наконецъ, чудное зрѣлище братства народовъ, обнаруживавшихъ только неумолимое фарисейство, подобно тому, какъ эта мудрость явила высшую къ намъ любовь на крестѣ, воздвигнутой самой гнусной ненавистью.

И замѣтьте то, что іерусалимскіе христіане не знали этого; никто и не подозрѣвалъ тайной цѣли ихъ страданій. Можно предположить даже, какъ сказано въ началѣ, что эта скорбь была полна для нихъ соблазновъ и духовныхъ опасностей. Видѣть Церковь побѣжденною на самомъ мѣстѣ ея основанія, представлять Бога, покинувшаго Свое дѣло, быть свидѣтелемъ бѣдствій, производимой нуждою въ нѣдрахъ той паствы, которая уже послѣ сдѣлалась предметомъ посторонникъ благодѣяній, изгнавшихъ оттуда, казалось самое имя нуждающагося. (Дѣян. IV, 34). Все это способно было породить такое недоумѣніе, которое могло смутить и наиболѣе твердую вѣру. Кому могло прійдти въ голову, что тайна горя скрываетъ тайну любви? Многіе, безъ сомнѣнія, не постигали этого: планъ Божій оставался скрытымъ для нихъ. Если бы они могли провидѣть въ юныхъ Церквахъ Греціи, Македоніи и Азіи древнихъ язычниковъ, трудящихся теперь для нихъ и радостно обрекающихъ себя на лишенія, то какое благодатное утѣшеніе озарило бы ихъ душевный мракъ, съ какою благодарностью благословляли бы они тѣхъ новыхъ братьевъ, о которыхъ они и не слышали до того времени!

Извлечемъ же отсюда великое наставленіе: здѣсь, на землѣ мы никогда не поймемъ вполнѣ тайну скорби и не узнаемъ всѣхъ благословеній, заключающихся въ ней. Полагаютъ, что для объясненія этого достаточно сказать, что скорбь есть слѣдствіе нашего неповиновенія Тому, Который наказываетъ и освѣщаетъ насъ. Это есть одна изъ обыкновенныхъ причинъ для Бога, ниспосылающаго намъ разныя испытанія. Священное Писа-

ніе говоритъ намъ объ этомъ въ точныхъ выраженіяхъ: „Богъ насъ наказываетъ для нашей пользы, чтобы намъ имѣть участіе въ святости Его". (Евр. XII, 10). Этой высшей перспективы вполнѣ достаточно, чтобы успокоить намъ ропотъ и заставить насъ преклониться предъ волею, столь отеческой и святой! Но есть еще нѣчто большее скорби: взаимная связь освѣщаетъ смыслъ ея огромнымъ своимъ свѣтомъ. Если Христосъ! „Глава Церкви, которая есть Его тѣло", страдалъ всею плотію, принося Себя въ жертву для нея, то не можетъ быть, чтобы страданія одного члена, какъ-бы онъ ничтоженъ не былъ, производили дѣйствіе свое только на него, страдающаго, одного. Здѣсь участвуетъ все тѣло; все что съ нимъ случается, доставляетъ въ нѣкоторой степени пользу всѣмъ другимъ членамъ. Скажутъ, что положительнаго объ этомъ ничего не извѣстно. Пусть будетъ такъ. Если наука утверждаетъ, что ничто не теряется въ матеріальномъ строѣ, ни колебаніе, ни даже атомъ, то можемъ ли мы допустить хотя на одну минуту, что этого нѣтъ въ мірѣ нравственномъ? Не здѣсь ли заключается объясненіе столькихъ непонятныхъ почти сверхчеловѣческихъ бѣдствій, которыми Богъ поражаетъ иногда Своихъ наиболѣе дорогихъ и освященныхъ созданій? Тщетно вы старались бы понять глубокій смыслъ ихъ страданій во всей его полнотѣ, примѣняя ихъ только къ единоличной судьбѣ. Дѣйствуя же вмѣстѣ, они являютъ намъ дивный смыслъ. Жизнь почти раздавленная гнетомъ скорби, принимаетъ тогда безконечные размѣры, подъ лучами духовнаго свѣта, простирающимися на невѣроятныя разстоянія. Такъ бѣдная вдова изъ Іерусалима была

обязана трудной работѣ вдовы въ Ахаіи, давшей ей возможность накормить свое голодное дитя. Сладостная и трогательная тайна, тысячу разъ, удивительнѣе, чѣмъ то электричество, которое сближаетъ нынѣ два края свѣта! Тамъ, въ какой то лачугѣ Коринѳа, уединенная лампа освѣщаетъ ночную работу бѣдной женщины, которая своими исхудалыми руками спѣшитъ соткать полотно, чтобы продать его и принести заранѣе заработокъ въ ближайшее собраніе святыхъ. Здѣсь, подъ кровлей еврейской деревушки, дочь израиля съ глазами полными слезъ благословляетъ Бога возлѣ своего улыбающагося дитяти. Никогда на землѣ не суждено встрѣтиться этимъ двумъ христіанкамъ; однако, одна спасла другую, и вѣчная связь соединяетъ ихъ въ сердцѣ Божіемъ.

Но не ошибайтесь; не только желаемыя нами дѣла и преднамѣренныя жертвы имѣютъ эту безконечную связь. Всякая скорбь, какъ бы ни казалась безполезной и безплодной, имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе, предуставленное Богомъ: невозможно чтобы эта цѣль затерывалась. Предположить это, значитъ оскорбить мудрость Божію, отрицать Его положительную волю. Сѣмя которое крестьянинъ ввѣряетъ осенью почвѣ, гибнетъ столь рѣдко, что недостаточный сборъ является часто единственнымъ въ жизни поколѣнія. Люди знаютъ это хорошо, и сами атеисты полагаются съ увѣренностью на это. Возможно ли, чтобы сѣмена вѣры, любви и отреченія, которыя мы сѣемъ на нивѣ скорби, оставались безъ плода? Если же вѣтеръ уноситъ ихъ далеко отъ нашихъ взглядовъ, то и тогда могутъ ли они уничтожиться? Они

найдутъ себѣ почву на какомъ-нибудь невѣдомомъ углу земли; на обширномъ полѣ, обрабатываемомъ Богомъ, нѣтъ ни одного мѣста совершенно безплоднаго. Прислушайтесь!.. Часъ приближается, дневной зной прошелъ; работа всюду кончается, и въ благоуханномъ вечернемъ воздухѣ, подъ небомъ освѣщеннымъ вѣчнымъ сіяніемъ, раздается радостное пѣніе работниковъ, возвращающихся съ Божественнаго дѣла. „*Сѣявшіе со слезами будутъ пожинать съ радостію. Съ плачемъ несшій сѣмена весело возвратится со снопами своими*“. (Пс. CXXV, 5—6) „*И возвратятся избавленные Господомъ, и радость вѣчная надъ главою ихъ; они найдутъ радость и веселіе; печаль и вздохи удалятся*“. (*Исаія* LI, 11).—Аминь.

Моисей.

„Ибо онъ, какъ бы видя Невидимаго, былъ твердъ“ (Евр. XI, 27).

„Онъ былъ твердъ“. Я люблю это выраженіе, которымъ Слово Божіе характеризуетъ всю жизнь Моисея, представляя поразительный контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что мы видимъ нынѣ. Нашъ вѣкъ, болѣе чѣмъ всякій другой, дѣйствовалъ на сердечныя нѣжныя струны человѣческой души, говоря человѣку трогательнымъ языкомъ о его страданіяхъ и радостяхъ. Литература и искусства, разрабатываемыя великими художниками, заставляли его упиваться неясными и отдаленными мечтами. Рядомъ съ этимъ развивалась въ нашъ вѣкъ раззорительная роскошь со всѣми доступными наслажденіями и создавала въ человѣческой природѣ искусственныя нужды, все болѣе и болѣе увеличивающіяся. Этотъ прогрессъ, если его можно такъ назвать, былъ купленъ дорогою цѣною. Высшее существо поддалось разслабляющему вліянію, и воля, какъ бы поддавшаяся этому опьяненію, пошатнулась. Теперь все рѣже можно встрѣчать характеры людей, знающихъ, чего они желаютъ, и умѣющихъ желать. Они проклина-

ютъ нынѣ то, чему покланялись еще вчера, и поклоняются тому, что будутъ проклинать завтра. Если вы вникните въ область философіи, васъ встрѣтятъ мрачныя воззрѣнія на жизнь. Нашъ вѣкъ удивляетъ насъ своими отреченіями; отчаяніе есть одно изъ господствующихъ признаковъ современныхъ воззрѣній, и мы никогда, кажется, не были свидѣтелями столькихъ самоубійствъ, какъ съ того времени, когда человѣкъ сталъ смотрѣть на земную жизнь, какъ заключающую собою весь удѣлъ человѣка. Партіи, дѣлящія людей этого времени, имѣютъ искусственную силу, дающую болѣе страстей, чѣмъ сила дѣйствительная, происходящая отъ характеровъ. Я взываю въ этомъ случаѣ къ вашему свидѣтельству. Находятся ли среди насъ люди воли? Кто изъ насъ не стоналъ, размышляя днями, а можетъ быть годами, и колеблясь отъ одного вѣрованія къ другому, безъ дѣйствительнаго направленія и цѣли? Кто не испыталъ съ униженіемъ и горечью, какъ нынѣ трудно желать и упорствовать? Многіе изъ слушающихъ меня чувствовали. можетъ быть, въ нѣкоторые часы, какъ въ тайникѣ ихъ существа принципы колебались вмѣстѣ съ вѣрованіями до такой степени, что ихъ нравственная жизнь казалась имъ на точкѣ разрушенія. Мы похваляемся тѣмъ, что живемъ довольные и все понимаемъ. Но есть ли это признакъ силы и мужества? И не узнаютъ ли скептицизмъ по тому признаку, который, все понимая, все извиняетъ?

Итакъ, слабыя дѣти разслабленной эпохи, вотъ предъ вами примѣръ человѣка Божія, который твердъ, человѣка, который былъ данъ человѣчеству, какъ бы для того, чтобы показать въ его дѣлахъ господствующую черту его

характера и основать здѣсь, на землѣ нѣчто самое непреклонное и устойчивое, что только видѣлъ свѣтъ. Я говорю о народѣ еврейскомъ. Подумайте о немъ. Исторія не представляетъ ничего подобнаго. Существуетъ на землѣ странное племя, незначительное по своей численности, безъ военнаго генія и политическаго искусства, племя, которое, однако, переживаетъ всѣ другія, проходя черезъ самыя необыкновенныя и жестокія испытанія, какія только знала когда нибудь нація. Помѣщенное сначала въ маленькой области, которую топтали всѣ проходившіе завоеватели, оно сотню разъ терпѣло отъ чужеземныхъ ордъ и своихъ собственныхъ междоусобицъ. Всѣ великія государства Востока: ассиріяне, мидяне, персы и египтяне бросались на него съ бо́льшею жадностью, чѣмъ саранча, пожиравшая его жатвы. Изгнанное въ продолженіе вѣка за Евфратъ, оно одно время утвердилось на своей землѣ, какъ бы являя міру зрѣлище невѣроятнаго разрушенія: его святилища были разрушены, преданія отвергнуты, священныя книги сожжены и плугъ прошелъ тамъ, гдѣ оставались слѣды городовъ. Наконецъ его размели, какъ комъ пыли, на всѣ четыре стороны; въ продолженіе восемнадцати столѣтій оно скиталось среди націй, не имѣя мѣста, гдѣ преклонить свою главу, или собрать своихъ разсѣянныхъ членовъ, подвергаясь всѣмъ смѣшеніямъ, могущимъ совратить его, всякой порчѣ и презрѣнію, которыя должны были уничтожить его. Нынѣ, спустя 35 столѣтій послѣ Моисея, оно снова обрѣтается въ мірѣ, постоянно вѣрное своей вѣрѣ Единому Живому Богу, старымъ семейнымъ нравамъ, священнымъ книгамъ, читаемымъ на языкѣ отцовъ, въ таинственномъ ожи-

даніи Божественнаго Освободителя. Ничто не могло ослабить его чудесной живучести. Вавилонъ и Ниневія, Александрія и Аѳины, Римъ и Константинополь могли пасть... Оно же пережило всѣ разрушенія прошлаго, какъ должно пережить всѣ разрушенія настоящаго. Постоянно одинаковое въ своихъ отличительныхъ чертахъ, оно завѣщаетъ каждому изъ своихъ дѣтей неизмѣнный свой типъ. Пусть они занимаютъ мѣсто въ совѣтѣ царей, какъ нѣкогда Іосифъ, Неемія и Даніилъ; пусть они воспѣваютъ народныя фантазіи въ искусствахъ, или поражаютъ своими огромными богатствами; пусть они называются Мейербэрами, Галеви, Рашелью или Ротшильдами, или селятся подобно нищимъ въ трущобахъ въ Италіи, или подъ туманнымъ небомъ Польши, какъ и подъ небомъ Португаліи, въ Парижѣ или въ Китаѣ: достаточно взглянуть на нихъ чтобы узнать ихъ. Итакъ, законодатели XIX в., создатели многихъ постановленій, болѣе кратковременныхъ, чѣмъ листья лѣсовъ, зрите это необыкновенное племя, единственное, пережившее вѣка; по прочности сего творенія узнавайте Творца, и если вы не видите Божественной руки, то признавайтесь, что человѣческій геній не производилъ ничего чудеснѣе.

Если бы мы спросили у Моисея, что составляетъ секретъ его силы, то онъ сказалъ бы намъ, что она не являлась у него даромъ природы, или даже подчиненіемъ воли. Робкій и мало способный для такого посягательства, онъ отступалъ предъ своей задачей, и принялъ её дрожа. Его сила являлась ему „не отъ плоти и крови“, она нисходила по Божественной милости, и онъ обрѣлъ её вѣрою. „*Ибо онъ, какъ бы видя Невиди-*

маго, былъ твёрдъ“, говоритъ священное Писаніе. Практическое, живое толкованіе этихъ дивныхъ словъ, я хочу вамъ показать на земномъ поприщѣ Моисея.

Писаніе отмѣчаетъ въ его столѣтней жизни три послѣдовательныхъ и одинаковой продолжительности періода. Во дни своей юности Моисей выростаетъ въ Египтѣ, при дворѣ фараона; во время возмужалости, когда его волосы начинаютъ сѣдѣть, онъ блуждаетъ одиноко въ необъятной пустынѣ, предаваясь созерцанію своего высшаго назначенія; наконецъ, послѣдніе 40 лѣтъ своей жизни онъ борется во главѣ своего народа, ведя его къ обѣтованной землѣ. И во всѣхъ этихъ трёхъ различныхъ положеніяхъ, мы видимъ его осуществляющимъ эти простыя и вмѣстѣ великія слова: „*Ибо онъ, какъ бы видя Невидимаго, былъ твёрдъ*“.

Мы въ древнемъ Египтѣ, въ ту эпоху, когда эта страна была колыбелью міровой просвѣщённости. Искусства и науки въ первый разъ появились тамъ на нашей землѣ и съ перваго раза Египетъ предвѣстилъ свою великую судьбу. Еще понынѣ умъ останавливается въ нѣкоторомъ остолбенѣніи предъ чудесными памятниками, построенными этимъ народомъ, и мы спрашиваемъ себя: съ помощью какихъ тайнъ, неизвѣстныхъ нашимъ инженерамъ, возвысились его гигантскія пирамиды? На нашихъ всемірныхъ выставкахъ я видѣлъ великихъ художниковъ, разсматривавшихъ съ восхищеніемъ изящныя драгоцѣнныя издѣлія двора фараоновъ. Въ этой средѣ выросъ молодой израильтянинъ, призванный, по странному стеченію обстоятельствъ, къ наиболѣе блестящему будущему, какое когда-нибудь льстило тщеславію чело-

вѣка. Сынъ изгнанниковъ, онъ можетъ достигнуть всѣхъ почестей; свѣтъ протягиваетъ ему свою обаятельную чашу: ему стоитъ лишь наклониться, чтобы пить изъ нея большими глотками. Если бы онъ былъ жаденъ къ наслажденіямъ, то гдѣ онъ могъ бы ихъ найти изысканнѣе и утонченнѣе, какъ не при томъ дворѣ, гдѣ всё населеніе рабовъ жило только для удовлетворенія прихоти своихъ господъ. Если его влечетъ наука, онъ лучше всего могъ-бы проникнуть въ ея тайны, собравъ вокругъ себя всѣхъ мудрецовъ и изслѣдователей природы, тѣснящихся въ школахъ и таинственныхъ святилищахъ этой страны, одаренной всѣми преимуществами. Если, наконецъ, его соблазняетъ власть, если онъ хочетъ повелѣвать толпами, направлять арміи, видѣть, какъ его прохожденіе оглашается криками восторга, слышать свое имя, привѣтствуемое тысячами голосовъ, и при жизни присутствовать при своемъ обоготвореніи,—ему открытъ тронъ. Моисей видѣлъ, какъ проносились предъ нимъ эти мечты и великолѣпіе. Когда-нибудь, можетъ быть, его сердце и смущалось этими обольстительными видѣніями, но его преслѣдуютъ другія мысли, не давая ему покоя. Онъ мечтаетъ о своемъ народѣ и своемъ Богѣ; этотъ народъ въ рабствѣ, Богъ непризнаваемъ; Моисей видѣлъ своихъ братьевъ, побиваемыхъ палкою сборщиками податей, подавленныхъ работою подъ жгучимъ африканскимъ солнцемъ, покрываемыхъ поношеніемъ; онъ видѣлъ въ царскихъ дворцахъ и общественныхъ мѣстахъ чудовищныхъ идоловъ, предъ которыми египтяне склоняли колѣни, и, подобно апостолу Павлу на Аѳинскихъ улицахъ, его вѣрующее сердце наполнялось глубокою

горечью. Видимыя обольщенія богатства, удовольствія и славы могутъ его настигнуть, но волны моря не поколеблютъ скалы. Онъ твердъ, потому что видитъ Невидимаго. Онъ Его видитъ, и этого ему достаточно: это его Богъ, Которому онъ хочетъ послужить. Онъ хочетъ, чтобы Его дѣло восторжествовало, и такъ какъ его народъ несетъ съ собою обѣщанія Освободителя, долженствующаго прійти, т. е., Мессіи, долженствующаго основать Царство Божіе на землѣ, то Моисей, какъ говоритъ Писаніе, „*поношеніе Христово почелъ большимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища*“ (Евр. XI, 26), потому что онъ служилъ дѣлу Христа и спасенію міра.

Юные братья, слушающіе меня! На поприщѣ всякаго человѣка есть часъ, въ который совершается торжественный выборъ, опредѣляющій направленіе всей его жизни. Внѣшнія обстоятельства измѣняются. Ничто не напоминаетъ теперь древняго Египта съ его соблазнами и обольщеніями; ничто не напоминаетъ также жестокаго рабства и поношенія израильтянъ, но вникните глубже, войдите въ сущность дѣла, и вы увидите, что ничто не измѣнилось. Все тотъ-же выборъ между Богомъ и суетнымъ міромъ, между матеріальными благами и преданностью истинѣ. „Живи для себя“, говоритъ искуситель употребляй на пользу себѣ самому дары твоего разума: требуй у науки блестящей извѣстности, ищи успѣха и вліянія; если-же подобная будущность тебѣ покажется слишкомъ отдаленной и для ея достиженія требуется слишкомъ много усилій и трудовъ, склони голову и пей изъ опьяняющей чаши доступныхъ наслажденій и тре-

буй отъ настоящаго часа всѣхъ его очарованій". Этому голосу, вкрадчивому и вѣроломному, слѣдуетъ большинство. Итакъ, въ мрачные часы, когда воля колеблется подъ напоромъ вожделѣній, или гордости, единственная вещь можетъ васъ спасти: это устремленіе взора на Того, Который невидимъ, противопоставляя всему, что видимо, что блеститъ и плѣняетъ, правосудіе и истину, которыя невидимы. Я знаю, что такъ поступаютъ не часто, что свѣтъ не подаетъ своего голоса за это и не даетъ своего одобренія. Въ истинной вѣрѣ, въ жизни глубоко христіанской, всегда найдется для свѣта поводъ къ удивленію и насмѣшкѣ; то, что Писаніе называетъ „поношеніемъ Христа" нынѣ стало дѣйствительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Надъ вашими упованіями смѣются, спрашивая, какому изступленію уступили вы, и называя мечтательностью, можетъ быть даже фанатизмомъ, вашу вѣру въ Бога, и довѣріе къ Его слову. Предоставьте имъ говорить и не мѣшайте. Моисей былъ безумцемъ для людей своего времени, потому что пожертвовалъ всѣмъ, чему свѣтъ завидуетъ, высшему безумію Царствія Божія въ невѣдомомъ будущемъ. Блаженны вы, если подобно ему, несете поношеніе за святое дѣло; блаженны, если вы тверды, видя Невидимаго и противопоставляя всѣмъ насмѣшкамъ, всѣмъ преходящимъ обольщеніямъ свѣта, непреклонную увѣренность въ томъ, что вѣчно!

Моисей убѣжалъ изъ Египта. Въ одинъ вдохновенный день онъ захотѣлъ поднять народъ свой, но даже и свои оттолкнули его. Тогда, въ печали души своей, онъ удаляется въ пустыню, которая становится его убѣжищемъ, какъ позднѣе она становится убѣжищемъ и для Иліи,

для Іоанна Предтечи, для всѣхъ избранниковъ Бога, которыхъ Онъ хотѣлъ удалить отъ свѣта, чтобы они были тѣмъ побѣдоноснѣе. И вотъ во мрачномъ уединеніи Синая онъ скитается одинокъ съ кочевымъ племенемъ. Здѣсь нѣтъ болѣе искушеній, кажется ему, нѣтъ идоловъ. Воспоминанія объ Египтѣ его не преслѣдуютъ, и лишь звѣздныя небеса говорятъ ему объ Іеговѣ, разсказывая Его славу. Онъ можетъ, подобно древнимъ патріархамъ, воздвигать на землѣ камень своего алтаря, призывая на свои жертвы Бога истиннаго и живого, Бога Авраама, Исаака и Іакова. Онъ можетъ питать свою душу великими обѣтованіями, завѣщанными ему отцами, и приготовляться къ великому назначенію. Это такъ, но берегитесь: уединеніе имѣетъ также и свои испытанія, и свои грозные соблазны. Одиноко вѣрить, одиноко надѣяться и любить есть иногда слишкомъ тяжелое бремя для человѣческой души. И если бы это уединеніе должно было скоро кончиться! Но проходятъ дни за днями, годы за годами, медленно пробѣгая свой однообразный кругъ. Каждый вечеръ солнце склоняется къ воспламененному западу, и вѣрующій въ изгнаніи говоритъ себѣ: „Богъ будетъ говорить со мной завтра". Каждое утро востокъ сверкаетъ огнями зари, и Моисей говоритъ себѣ: „мой часъ близится". Но Предвѣчный остается молчаливъ. Приходится ждать еще, ждать постоянно, чувствовать свою душу, переживающей ужасныя сомнѣнія, и спрашивать себя, можетъ быть, какъ позднѣе спрашивалъ себя Илія: „Не покинулъ ли Богъ совсѣмъ своего дѣла"? или какъ спрашивалъ себя Исаія: „*напрасно я трудился, ни за что и вотще истощалъ*

силу свою“? (Исаія XLIX, 4). Братья! кто изъ насъ не вѣдалъ этихъ долгихъ, губительныхъ опасеній? кого изъ насъ не удивляло часто молчаніе Божіе? кто изъ насъ, увѣровавъ, что торжество правосудія близко, не грустилъ, видя, какъ міръ продолжаетъ свое теченіе, и все, какъ говоритъ Писаніе, остается по прежнему (2 Петра III, 4). Тщетно насъ наставляли, что мысли Божіи не могутъ быть нашими, и что безумно для преходящихъ созданій подводить жалкую мѣру намѣреніямъ Предвѣчнаго. Наше терпѣніе скоро истощается и отчаяніе оставляетъ въ насъ свое ослабляющее изнуреніе. Взгляните же на Моисея! Его вѣра не оскудѣваетъ; „*онъ твердъ, какъ бы видя Невидимаго*“. Годы могутъ проходить, его волосы сѣдѣютъ, но онъ не сомнѣвается въ вѣрности Божіей и близкомъ торжествѣ дѣла, которому служитъ далеко въ изгнаніи. Когда у него родилось двое сыновей въ Мадіамѣ, онъ назвалъ одного изъ нихъ Гирканомъ, а другого Елизаромъ, что по объясненію Писанія, выражало: „Я былъ тамъ чужой“ и „Предвѣчный будетъ моею помощью“. Согласно вѣрованію Моисея освобожденіе наступило вдругъ, въ то время, когда истощалось всякое человѣческое терпѣніе. Однажды въ виду горящаго терноваго куста, въ его ушахъ прозвучали слѣдующія слова: „*Ступай къ Моему народу и скажи ему: „вотъ Кто меня послалъ къ вамъ*“. Мадіамскій изгнанникъ становился побѣдителемъ фараона и на тѣхъ же вершинахъ Хорива и Синая, гдѣ онъ часто скитался, какъ бѣглецъ, отверженный своимъ народомъ, онъ явился во всемъ величіи своего историческаго назначенія, и въ такой лучезарной славѣ, что взволнованные израильтяне не

будучи въ состояніи сдержать своего порыва, воскликнули: „Онъ былъ съ Богомъ!“

Теперь настаетъ часъ торжества. Весь народъ приходитъ въ движеніе по голосу Моисея и клянется повиноваться ему. Празднуется Пасха, Красное море разступается, и передъ его пѣнящимися волнами, сокрывшими египетское войско, раздалась благодарственная пѣснь освобожденія. „*Господь крѣпость моя и слава моя, Онъ былъ мнѣ спасеніемъ, Господь мужъ брани, Іегова имя Ему. Колесницы фараона и войско его ввергнулъ Онъ въ море, и избранные военачальники его потонули въ Чермномъ морѣ. Пучины покрыли ихъ; они пошли въ глубину, какъ камень. Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя, обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя. Ты дунулъ духомъ Твоимъ, и покрыло ихъ море: они погрузились, какъ свинецъ въ великихъ водахъ* (*Исх. XV, 2—4, 9—10*). Въ то время, какъ народъ, охваченный необъятнымъ воодушевленіемъ, повторялъ эти побѣдоносныя слова, Моисей могъ думать, что освобожденіе окончено, и онъ войдетъ завтра въ священную землю, назначенную Богомъ.

Завтра! но это значитъ не разсчитывать на человѣческую неблагодарность! Увы! завтра, сталкиваясь съ громадными затрудненіями своей задачи, Моисей пойметъ, почему Богъ приготовлялъ его такъ долго. Безумецъ тотъ кто положился бы на энтузіазмъ толпы! Вѣдь всѣ тѣ же люди жаловались на притѣсненія въ Египтѣ, и воспламенялись при имени свободы. Да, это они, а теперь вы слышите ихъ ропотъ. „*Зачѣмъ вывелъ ты насъ изъ земли*

Египетской? Тамъ, по крайней мѣрѣ, мы имѣли вдоволь мяса и ни въ чемъ не нуждались". О народъ! ты всегда одинъ и тотъ же, и я нахожу здѣсь исторію нашего времени. Сколько разъ въ нашу эпоху слышали мы тѣ же крики воодушевленія! Всё было порвано, какъ они говорили, съ ложными богами. Сломивъ политическое или религіозное рабство, они шли, полныя стремленія, къ обѣтованной землѣ; но скоро нашли, что свобода была сурова и что приходилось платиться за отпущеніе на волю. Путь оказался неровнымъ, а дорога была безводна. Тогда возникли въ сердцахъ неблагородныя сожалѣнія и роптанія, взгляды обращались къ Египту, проклинались имена, привѣтствуемыя наканунѣ, и явились стремленія къ рабству, какъ нѣкогда къ свободѣ. Для Моисея начинается ежедневная борьба; на каждомъ шагу его дѣло страдаетъ то отъ недостатка пищи, то отъ жажды, томящей народъ, то отъ умножающихся отпаденій, то отъ возмущенія тѣхъ, на которыхъ онъ наиболѣе разсчитывалъ; наконецъ, въ рѣшительную минуту, Моисей остается одинъ передъ идолопоклонническимъ народомъ. У подножія Синая, гдѣ былъ объявленъ святой законъ, Моисей видитъ его дѣлающаго золотого тельца, и говорящаго: „Израиль, вотъ Богъ твой, освободившій тебя!" Онъ видитъ Израиля, соединившимся въ распутныхъ празднествахъ съ сосѣднимъ народомъ, или дрожащимъ, какъ листъ, при вѣсти, что непріятель готовится защищать Ханаанъ. Минутами его душа изнемогаетъ отъ столькихъ роптаній и низости и онъ гнётся подъ этимъ бременемъ. Что же его поддерживаетъ при этомъ разладѣ, что даетъ осла-

бѣвающимъ силамъ его новую стремительность, ему самому— несокрушимое мужество? То, что онъ видитъ Невидимаго, говорящаго ему: „Иди я буду съ тобою!“ Онъ получилъ свое назначеніе не отъ людей, и не отъ нихъ ждётъ себѣ награды, вотъ почему ихъ нетерпѣніе, возмущеніе и неблагодарность не въ состояніи поколебать его твердости,

О вы, получившіе отъ Бога назначеніе направлять людей, вы, руководители народа, судьи, вожди искусствъ, наукъ и пастыри душъ, поняли ли вы, чему васъ долженъ научать такой примѣръ? И кто бы изъ насъ не могъ извлечь изъ него пользы. Какъ бы ни было скромно положеніе, на немъ чувствуется постоянно гнетущее бремя какой-нибудь души, которую нужно руководить, какой-нибудь жизни. которую нужно спасти. Отцы и матери семействъ, учителя, на которыхъ лежитъ благородная задача воспитывать юношество! всѣ вы, знающіе, чего стоитъ надлежащее исполненіе этого неблагодарнаго, но великаго назначенія, учитесь у Моисея оставаться твердыми, видя Невидимаго. О, какимъ бы великимъ показался всякій долгъ, какимъ бы священнымъ показалось самое скромное служеніе, если бы вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ обязанность человѣческую, въ нихъ бы усматривали назпаченіе, призваніе, опредѣленное свыше! Въ этомъ же духѣ слѣдуетъ бороться здѣсь на землѣ, служа тѣмъ, къ кому насъ посылаетъ Богъ, не ища одобренія, но повинуясь законамъ совѣсти и ища одобренія свыше! Горе тѣмъ, кто не слѣдуетъ этому направленію! Горе тому, кто призванный вести людей въ часы кризиса, ищетъ дороги, по кото-

рой ему слѣдуетъ идти, въ сочувствіи толпы, въ измѣнчивомъ мнѣніи массъ, въ народномъ благоволеніи. Безумны въ особенности и тѣ проповѣдники евангелія, которые ищутъ популярности, приспособляя, въ угоду людямъ, объявленную истину къ перемѣнчивымъ вкусамъ, частнымъ понятіямъ, предубѣжденіямъ ихъ поколѣнія, и потомъ тщеславятся своимъ успѣхомъ! Они уподобляются кормчему, который, управляя судномъ въ бурное ночное время, усиливается удержаться на своемъ пути, всматриваясь только въ скачущія бѣшеныя волны вмѣсто компаса, который одинъ только въ состояніи среди ночного мрака и бури показать ему неизмѣнное положеніе сѣверной звѣзды. Христіане! Ищите свѣта и силы только свыше! Пусть тогда свидѣтельствуютъ бури, пусть васъ толкаютъ люди, пусть предубѣжденіе, зависть и недоброжелательство соединяются противъ васъ, пусть злорѣчіе пресмыкается глухо у вашихъ ногъ, чтобы внезапно поразить васъ ядовитымъ жаломъ, пусть клевета издаетъ свое рѣзкое шипѣніе, вы будете страдать, безъ сомнѣнія, потому, что тяжело, и особенно потому, что нельзя этого высказать, чувствовать себя непризнаннымъ и дурно понятымъ, а для сердца, алчущаго сочувствія, одиночество полно боязни и страха; но вы оставайтесь тверды, и, сквозь мракъ настоящаго часа, въ вѣчномъ свѣтѣ вы увидите Невидимаго, въ любви Котораго не будете испытывать нужды.

Братья, слушающіе меня! поймите хорошенько наше назначеніе. Слѣдуетъ доказать нашему положительному вѣку, что только одно невидимое можетъ спасти міръ. Нашъ вѣкъ тщеславится тѣмъ, что вѣритъ лишь тому,

что можно видѣть и осязать. Гордиться своими успѣхами и завоеваніями, упиваться торжествомъ своей науки, вотъ въ чемъ онъ видитъ дѣйствительность; всё остальное для нашего вѣка химера и пустая мечта. Познавать видимое, вотъ его мудрость; дѣйствовать въ видимомъ, вотъ его занятіе; наслаждаться видимымъ, вотъ его счастіе; кромѣ этого всё исчезаетъ въ его глазахъ. Послушайте, какимъ высокомѣрнымъ и насмѣшливымъ тономъ онъ говоритъ о сверхчувственномъ ученіи, которое, по его словамъ, долго вводило въ заблужденіе человѣчество и препятствовало его успѣхамъ. Если онъ терпитъ религію, то развѣ только въ виду ея полезности, ради слабыхъ умовъ и низшихъ классовъ, могущихъ въ ней находить какое-то утѣшеніе. Такимъ образомъ нашъ вѣкъ признаетъ только практическую сторону религіи и охотно превратилъ бы Церковь въ обширное филантропическое общество. Всё, превышающее этотъ уровень, является въ его глазахъ мечтою и безполезнымъ пустословіемъ. Ему кажется, что освободившись отъ такого тяжкаго бремени, человѣчество пойдетъ впредь болѣе твердо и успѣшно въ покореніи будущаго.

Но слѣдуетъ признавать открыто и повторять неустанно, что если сохранился на нашей бѣдной землѣ какой-нибудь вѣчный принципъ, утѣшеніе-ли, или твердая надежда, то мы ими обязаны тѣмъ, которые подобно Моисею жили вѣрою, а не видимымъ.

Задача Моисея кончена. Онъ былъ твердъ до конца, лишь однажды его сердце пошатнулось. Въ чемъ и какъ? откровеніе не объясняетъ намъ этого. Оно намъ говоритъ только, что онъ не удостоился войти въ обѣтован-

ную землю, созерцая ее лишь издали. Удивительное откровеніе библіи! нѣтъ ни одного человѣка, на котораго оно намъ указывало-бы, какъ на безгрѣшнаго, исключая Того, Кто былъ безъ грѣха и умеръ, Праведный и Святой, за наши неправды. Всѣ остальные библейскіе дѣятели имѣютъ свои заблужденія и ошибки. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Давидъ, пали до преступленія. Намъ надлежитъ это знать, изъ опасенія, чтобы мы не воздали имъ Божескихъ почестей и поклоненія, довлѣющаго только одному Богу. Помѣщая поборниковъ вѣры въ высшую область всепрощающаго милосердія, мы могли-бы отчаяться тогда въ возможности имъ подражать въ чемъ-нибудь.

Если смерть, поразившая Моисея на горѣ Нево, есть дѣло правосудія Божія, то я вижу въ ней и дѣло Его милосердія, потому что Ему угодно было заключить ею самое высоко ученіе; такъ что про Моисея можно сказать, что онъ говорилъ съ нами, умирая. Чему-же онъ насъ учитъ? Учитъ насъ быть твёрдыми даже тогда, когда Богъ отказываетъ намъ въ томъ, что мы надѣялись получить на землѣ; даже тогда, когда приходится намъ умирать на порогѣ счастія, о которомъ мы мечтали.

Великій вождь Израиля достигнулъ, наконецъ, цѣли, къ которой шелъ въ продолженіе сорока лѣтъ. Предъ нимъ разстилалась обѣтованная земля по ту сторону водъ Іорданскихъ. Онъ видѣлъ ту священную землю, на которой Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ поклонялись Богу живому, и на которой ихъ могилы ожидали Израиля. Тамъ должно было утвердиться Царство Божіе; тамъ Моисей

готовился забыть борьбу и огорченія своего долгаго служенія; тамъ могъ онъ найти, наконецъ, осуществленіе своихъ желаній, награду своимъ трудамъ. Обнять эту святую землю, водрузить на ней скиніи Іеговы было его задушевной мечтой и самою высшей радостью... Но голосъ Предвѣчнаго, обращаясь къ нему, сказалъ: „Войди на эту гору и посмотри на землю твоихъ отцевъ, самъ-же ты не войдешь туда“.

Запомнимъ, братья, эти послѣднія слова! Обѣтованная земля ваша, не здѣсь, на землѣ. Вы слишкомъ хорошо извѣдали, старцы, слушающіе меня, и юноши, поражающіеся этимъ, что одно подобное испытаніе отравляетъ жизнь навсегда. Вспомните, что обѣщала вамъ жизнь и посмотрите, что она дала вамъ. Увы! что она дастъ вамъ еще?.. Можетъ быть радости. Сохрани меня Богъ отрицать ихъ, сохрани меня Богъ забыть тѣ земныя благословенія и законныя удовольствія, которыя Онъ даровалъ вамъ на вашемъ поприщѣ. Я вамъ ихъ обѣщаю и становлюсь пророкомъ вашего счастья! Но мы взошли на христіанскую каѳедру не для того, чтобы разсказывать идилліи. Серьезная опытность всѣхъ возрастовъ отвѣчаетъ намъ, что для душъ, алчущихъ и жаждущихъ истины, правосудія и любви, великіе дни жизни приходится отмѣчать заблужденіями. Это заблужденія ума, который, думая схватить свѣтъ истины, замѣчалъ только бѣглые дрожащіе лучи; это заблужденія совѣсти, которая, вѣря въ близкую побѣду блага и въ торжество правосудія, стонала, видя, что борьба продолжается, и что приходится терпѣть множество пораженій; это—заблужденія сердца, которое трепещетъ, откры-

вая истинную сущность человѣческихъ привязанностей, т. е., любовь къ самому себѣ, скрываемую подъ прекрасными словами; наконецъ—заблужденія по отношенію къ самимъ себѣ и по отношенію къ другимъ, заблужденія на заблужденія!

Если бы человѣкъ, живущій среди міра сего, проходилъ одни эти испытанія, то было бы понятно, что, ожидая всего отъ міра видимаго, онъ получилъ бы отъ него отрицаніе всего, что и составило бы конецъ всему земному; но для вѣрующаго земная жизнь есть также школа горькаго прозрѣнія и непрерывныхъ отказовъ. Конечно я не забываю безконечныхъ возбагражденій, которыя Богъ примѣшиваетъ къ нимъ, не забываю и особой побѣдной радости, которая есть высшая награда вѣры. Но онъ ихъ получаетъ не на землѣ, и апостолъ Павелъ выразилъ это первый, сказавъ, что еслибы наши христіанскія надежды существовали только для этой жизни, то мы были бы самыми жалкими изъ людей, потому что чѣмъ выше и святѣе мечта, тѣмъ жестче будетъ пробужденіе и горестнѣе обманъ. Какая разница между тѣмъ, что мы надѣялись видѣть на землѣ, и тѣмъ, что видимъ каждый день! Какая противоположность между тѣмъ милосердіемъ, которое намъ предписываетъ апостолъ Павелъ, и тѣмъ, что мы называемъ этимъ именемъ! Какія горестныя противорѣчія между нашими словами и нашими дѣлами! Нѣтъ, не здѣсь, на землѣ, мы должны уготовлять себѣ жилище. Обѣтованная земля по ту сторону завѣсы. Туда будемъ стремиться безъ устали, одолѣвая зло добромъ и пребывая до конца твёрдыми, видя Невидимаго, какъ Моисей. Аминь.

Видѣніе Апостола Павла.

—

„И было ночью видѣніе Павлу: предсталъ нѣкій мужъ, Македонянинъ, прося его и говоря: „приди въ Македонію и помоги намъ“. Послѣ сего видѣнія тотчасъ мы положили отправиться въ Македонію, заключая, что призывалъ насъ Господь благовѣствовать тамъ“. (Дѣянія XVI, 9—10).

Я не могу себѣ безъ умиленія представить той минуты, когда апостолъ Павелъ, прибывъ къ берегу Троадскаго моря, остановился предъ лицомъ Европы, которую онъ въ первый разъ увидѣлъ по ту сторону синихъ волнъ Геллеспонта. Онъ находился въ странѣ, выдающейся между всѣми другими; тамъ, гдѣ подъ роскошнымъ небомъ юга природа расточала всѣ свои красоты, на берегахъ ея древняя поэзія помѣстила своихъ героевъ и боговъ. Но великій апостолъ не останавливался на этомъ: его сокровенныя симпатіи тяготѣли къ другимъ задачамъ. Представляю себѣ, что онъ долженъ былъ испытывать, созерцая вдали берега невѣдомой Европы. Еще въ первомъ порывѣ своего апостольскаго служенія,

онъ исходилъ всю западную Азію, возвѣщая объ Іисусѣ Христѣ. Множество миновавшихъ опасностей и перенесенныхъ трудностей могли-бы удовлетворить его ревность по Богѣ. Для другого было бы достаточно духовнаго бремени отъ столькихъ, основанныхъ Павломъ церквей и столькихъ тысячъ душъ, имъ обращенныхъ къ Богу живому. Но его сердце расширялось вмѣстѣ съ назначеніемъ быть всѣмъ вся, а усердіе возрастало вмѣстѣ съ трудностями. Вотъ почему Европа, лежавшая тамъ, вдали, влекла его къ себѣ. По ту сторону моря, разстилавшагося у его ногъ, онъ видѣлъ Грецію съ ея искусствами и божествами, обольщавшими землю; онъ видѣлъ Римъ, надменный порабощеніемъ столькихъ народовъ и истязаніемъ рабовъ. Все это охватывалось необъятнымъ взоромъ святой ревности апостола, и онъ задавался смѣлою необычайною мечтою покоренія этихъ странъ Іисусу Христу.

Тогда, какъ сказано въ священномъ Писаніи, съ наступленіемъ ночи явилось Павлу видѣніе въ образѣ нѣкоего мужа, который говорилъ ему: „*переплыви море, приди помоги намъ!*“ Такъ отвѣчалъ Богъ на молитву Павла, снабжая высшими полномочіями горячее желаніе его сердца послужить Ему.

„*Приди и помоги намъ!*“ Это былъ крикъ древняго міра, крикъ скорби, крикъ отчаянія. Это было послѣднимъ словомъ высшей тогда цивилизаціи и высшаго естественнаго развитія человѣческаго. Столько поэтовъ, философовъ и законодателей, столько школъ и академій, столько изысканій и диспутовъ, столько законовъ и учрежденій, столько историковъ и ораторовъ знаменитыхъ,

приводилось къ знаменательнымъ словамъ: „*приди спасти насъ!*“ Приди спасти насъ отъ мукъ сомнѣнія! Обуреваемые волнами человѣческой пытливости, мы попали на колеблющуюся почву, на движущіеся пески глубокаго скептицизма. Приди спасти насъ отъ грызущей насъ развратности, потому что эта нравственная гангрена проникла до мозга костей нашихъ, потому что мы утратили самое понятіе о „непорочности“, потому что растлѣніе нашихъ правовъ страшитъ самую природу. Приди спасти насъ, рабовъ ползающихъ у ногъ чудовища, которое вчера называлось Калигулой, а завтра будетъ называться Нероном̀ъ. Приди, потому что наши боги мертвы, наши храмы нѣмы, а жрецы смѣются надъ собственными молитвами и жертвоприношеніями. Приди, потому что мы ужасно страдаемъ, и намъ не на что болѣе надѣяться.

Апостолъ отправляется на это таинственное приглашеніе. Черезъ переплываемое имъ море не разъ завоеватели отправляли свои могучія арміи. По этому-же пути слѣдовали Ксеркс̀ъ, Александръ и Цезарь. Взирая на переправу грозныхъ полчищъ съ ихъ развернутыми знаменами и огромными толпами рабовъ, каждый разъ говорили: „Міръ готовится перемѣнить властителя“. Теперь-же, когда судно быстро переносило съ одного берега на другой четырехъ невѣдомыхъ людей, Павла изъ Тарса, Луку, Силу и Тимоѳея, никто, конечно, не замѣчалъ ихъ переѣзда, хотя эти люди готовились основать царство неодолимое. Мы, преемники тѣхъ народовъ, которымъ несли слово новой жизни эти апостолы, привѣтствуемъ и благословляемъ память о нихъ!

Итакъ, эта великая страница апостольскихъ временъ послужитъ намъ нынѣ поученіемъ. Все, происшедшее въ Троадѣ, снова проявляется во всѣхъ возрастахъ Церкви и въ исторіи каждой христіанской души. Если мы христіане, то всѣ мы слышали голоса тѣхъ человѣческихъ скорбей, тѣлесныхъ или душевныхъ, которыя насъ призывали придти къ нимъ на помощь. Но понимали ли вы эти голоса? Исполняли ли вы свое назначеніе? Этотъ двойной вопросъ я хочу предложить вамъ.

Павелъ, прежній раскольникъ и безсердечный фарисей, тронулся этимъ скорбнымъ зовомъ древняго міра и сталъ апостоломъ Іисуса Христа, служа Тому, Кто первый увидѣлъ мрачный образъ гибнущаго человѣчества и предалъ Себя ради его спасенія. Павелъ видитъ въ Іисусѣ Христѣ своего царя. Какова-же была отличительная черта Его Царства? Это было царство любви и жертвы. Земные цари говорили: „Мы вознесемся.“ Онъ-же говорилъ: „Я низойду“. Они говорили: „Мы будемъ господствовать“. Онъ говорилъ: „Я буду служить“. Іисусъ Христосъ умалялся и смотрѣлъ на низъ; Онъ слышалъ крикъ и стенанія виновнаго человѣчества и ради его спасенія низшелъ въ пучину нашихъ страданій и нашей виновности предъ Богомъ.

Каковъ Учитель, таковы должны быть и Его послѣдователи. Въ то время, когда мы, по своей природѣ, склонны возносить свои взоры выше себя и тѣшить себя честолюбивыми происками, Іисусъ Христосъ обращаетъ наши взоры къ тѣмъ, которые ниже насъ. Онъ умалчиваетъ о царяхъ земныхъ и о тѣхъ знаменитостяхъ, имена которыхъ были извѣстны всему міру. И въ этомъ умолчаніи для

насъ кроется существенное назиданіе. Христосъ непрестанно говорилъ и заботился о людяхъ бѣдныхъ, падшихъ и униженныхъ, чтобы возбудить къ нимъ вниманіе Своихъ учениковъ. Въ послѣдній же день Онъ положительно обѣщалъ признать Своими и прославить только тѣхъ, которые посѣщали ихъ въ темницахъ и помогали имъ въ нуждѣ. Окажется, что Онъ Самъ становился на ихъ мѣсто, являлся представителемъ ихъ, и какъ бы отожествлялъ себя съ нищими и несчастными. Значитъ, кто помогалъ имъ, тотъ помогалъ Ему; кто любилъ ихъ, тотъ любилъ Его Самого. Наконецъ, предъ разлукою съ апостолами, Іисусъ Христосъ преподалъ имъ наглядный примѣръ служенія меньшей братіи. Онъ опоясался полотенцемъ, склонился къ землѣ и обмылъ имъ ноги, ставя Себя въ положеніе послѣдняго изъ рабовъ. Но добавилъ послѣ омовенія съ внушительностью Господина: „Что сотворилъ Я, вы творите также“, и такимъ образомъ, возвелъ обрядъ сей въ принципъ самоотреченія, въ обязательное на всегда правило.

Повсюду въ Его ученіи проявляется забота о бѣдныхъ. Она особенно поражаетъ меня въ одной выдающейся притчѣ, о которой, однако, менѣе всего размышляютъ, страшась, повидимому, ея прямого смысла, явно осуждающаго нашъ эгоизмъ. „*Ты-же, когда дѣлаешь обѣдъ, или ужинъ, не зови друзей твоихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя въ свою очередь не позвали, и чтобы не получилъ ты воздаянія*“. (Кто изъ насъ опасается этого?) „*Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воз-*

дать тебѣ; ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ". (Луки XIV, 12—14). Дивное изображеніе того образа дѣйствій, которымъ религія можетъ преобразовать человѣческое общество въ духѣ Спасителя. И что увидѣли бы мы, если бы, дѣйствительно, этотъ духъ былъ понятъ и усвоенъ людьми? Мы увидѣли-бы, что всякое превосходство, унаслѣдованное и пріобрѣтенное, богатство, могущество, наука, искусство и геній облзывали бы людей служить тѣмъ, которые стоятъ ниже ихъ. Тѣ силы, которыя грѣхъ дѣлалъ орудіями богатства и гордости, стали бы орудіями нравственнаго преуспѣянія и общественнаго благополучія. Стоящіе наверху помогали бы стоящимъ на низу восходить къ правдѣ и истинѣ, сокращая въ нихъ количество злой воли. Вмѣсто нѣсколькихъ грошей, поспѣшно брошенныхъ въ пучину человѣческой нужды, вмѣсто немногихъ мелкихъ благодѣяній, такъ скоро утомляющихъ, существовала бы прочная забота, которая постоянно обращала бы наше сердце къ чужому горю, какъ электричество обращаетъ магнитную стрѣлку къ сѣверному полюсу. Тогда мы увидѣли бы, что просвѣщенныя націи, вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ своего превосходства орудіе разрушительной войны, склонились бы къ слабымъ, невѣжественнымъ народамъ, и сказали бы имъ словами притчи: „Садитесь рядомъ съ нами.

Тогда люди культуры не замыкались бы въ то аристократическое презрѣніе, которымъ нынѣ отличается безучастная наука, и сказали бы непросвѣщенному: „Садись съ нами за столъ науки и прими въ ней участіе". Тогда люди высокаго положенія вмѣсто того, чтобы воз-

двигать свой эгоизмъ на пьедесталѣ роскоши. вмѣсто того, чтобы поддерживать авторитетъ свой кичливостью и недоступностью, поняли бы, что Богъ даруетъ имъ и нравственный надзоръ за тѣми, кому не достаетъ досуга подъ гнётомъ ежедневныхъ заботъ и подъ бременемъ безостановочной работы. Да! Предположите общество, которое, будучи вдохновляемо этимъ духомъ, стало бы проводить въ массу темнаго народа свѣтъ и мирную дѣятельность. Развѣ не могли бы мы безъ содѣйствія властей съ успѣхомъ бороться съ тѣми дикими животными инстинктами, съ тою ненавистью одного класса къ другому, которые составляютъ позоръ нашей цивилизаціи, и къ которымъ я возвращаюсь столь часто и столь безуспѣшно!

Что же составляетъ первое условіе всего этого? То, что любовь христіанская овладѣваетъ душами, что пре-образованные духомъ Божественнаго Учителя, мы научаемся отъ Него смотрѣть не падъ собою, а подъ собою; что, подобно апостолу Павлу, и мы видимъ видѣнія страдающихъ и гибнущихъ и слышимъ крикъ ихъ скорби и призыва.

Я только что начерталъ идеалъ. Сравнимъ же съ нимъ теперь дѣйствительность.

Развѣ вы не чувствовали иногда глубокаго уныніа, взирая на міровую карту и на то небольшое мѣсто, которое занимаетъ на ней христіанство? Я знаю, сколько великаго и героическаго совершено на поприщѣ человѣческихъ назначеній, особенно съ тѣхъ поръ, какъ христіанскіе народы вспомнили, что они призваны завоевать міръ для Бога. Я знаю всѣ чудеса самоотрече-

нія въ Японіи, Китаѣ, Тибетѣ, Океаніи и въ Африкѣ. Знаю всѣ потоки миссіонерской крови, пролитой за евангеліе. Знаю громадныя жертвы, ужасающее уединеніе вдали отъ родины, знаю мученія, худшія самой смерти; знаю также, что Азія и Африка оцѣплены миссіонерскими постами, и что въ этомъ, иногда смертоносномъ кругѣ недостатка въ герояхъ нѣтъ.—Знаю вновь основанныя Церкви, которыя подъ всѣми широтами земного шара возвѣстили Царство Божіе на языкѣ. Меня радуетъ первый сборъ большой жатвы, которую увидитъ будущее Но развѣ этихъ результатовъ достаточно? Не кажется ли вамъ, что язычники и теперь обращаются къ христіанамъ со словами: „Придите и помогите намъ?“

Вѣдь только Европа и Америка озарены свѣтомъ евангелія, но остальной міръ погруженъ во тьму. Съ одной стороны просвѣщеніе съ его успѣхами, утонченностями и наслажденіями; съ другой—дикое варварство, свирѣпый, необузданный деспотизмъ и голодъ отъ періодическихъ неурожаевъ, какъ въ Индіи и въ Персіи. Не кажется ли вамъ, что это неравенство должно было бы исчезать изъ года въ годъ? Не кажется-ли вамъ, что народы, уже просвѣщенные и согрѣтые цивилизаціей, должны были бы соединиться съ остальнымъ міромъ, снабжая его своими избытками и смягчая его своею гуманностью, своею культурой? А между тѣмъ высшія расы только злоупотребляютъ своею культурою, своею силою и угнетаютъ слабѣйшія племена. Ихъ политика по отношенію къ слабѣйшимъ народностямъ была всегда длинной нитью беззаконія, такъ что самое названіе „христіанинъ“ было окружено зловѣщимъ ореоломъ. И знаете-

ли вы чѣмъ заняты эти христіанскія націи? Они слѣдятъ и подсматриваютъ другъ за другомъ, пополняютъ свои арсеналы, и кто знаетъ, не бросятся ли онѣ завтра-же другъ на друга. Люди, которыхъ вы встрѣчаете во всѣхъ столицахъ Европы, которыхъ вы видѣли соединенными въ однѣхъ и тѣхъ-же предпріятіяхъ, заинтересованными одними и тѣми-же научными изслѣдованіями, увлеченными однимъ и тѣмъ-же искусствомъ, снабженными одними и тѣми-же свойствами ума и сердца; люди, которыхъ вы видѣли склоняющими головы передъ однимъ и тѣмъ-же Богомъ, призывающими одного и того-же Христа—эти люди неизбѣжно встрѣтятся въ международной войнѣ въ какомъ нибудь мѣстѣ Европы, гдѣ погибнетъ вашъ отецъ или братъ, вашъ мужъ или сынъ. Вотъ каковы мы, и какъ исполняютъ свое призваніе просвѣщенные народы по отношенію къ остальному міру.

О, если бы, по крайней мѣрѣ, мы, служители церкви, болѣе вслушивались въ призывъ міра и отвѣчали на него! Я помню все то доблестное, которое сдѣлано въ наши дни Церковью, но въ этомъ есть нѣчто, похожее на могучее массовое стремленіе. А при видѣ двухъ третей нашихъ ближнихъ, умирающихъ язычниками, безъ свѣта, любви и надежды, трепетала ли наша совѣсть подъ жаломъ угрызеній? Внимали ли мы призыву, взволновавшему апостола Павла? Но что я говорю о язычникахъ? Когда вы проходите обширныя части Парижа, когда вы смотрите на безпечную, суетную толпу, когда порокъ и униженіе, изящное или грубое, сталкиваются съ вами въ темныхъ проходахъ, когда наглый атеизмъ гнѣздится въ самой основѣ столькихъ душъ, а отчаяніе въ ос-

новѣ столькихъ бѣдствій: развѣ вы согласитесь признать, что мы исполнили дѣло, которое Богъ повелѣлъ намъ исполнить? Развѣ можно быть намъ спокойными и при этомъ, и при видѣ столькихъ безплодныхъ преній и междоусобныхъ Церковныхъ распрей, поглощающихъ наши живыя силы, наши средства и наше время? Въ предметахъ для этихъ состязаній недостатка не бываетъ; достаточно первой придирки съ чьей нибудь стороны, чтобы возбудить пламя борьбы, и вы хорошо знаете, съ какою быстротою оно охватываетъ всю Церковь. Мнѣ скажутъ въ оправданіе этого, что нужно защищать истину, когда на нее нападаютъ. А я скажу, что знаю это и что, подъ предлогомъ снисхожденія къ людямъ, не потворствую ихъ постыдному равнодушію къ исповѣдуемой истинѣ, которую мы должны охранять и возвѣщать. Я вѣрю, сверхъ того, что передавать истину другимъ есть первый признакъ и лучшее доказательство милосердія, оказываемаго ближнему. Я вѣрю также, что ослабить истину значитъ не только ослабить, но даже уничтожить самое милосердіе; значитъ, оставить меньшую братію безъ попеченія и просвѣщенія; значитъ, бросить ее на произволъ судьбы. Будемъ же защищать, или скорѣе подтверждать истину съ крайнимъ разумѣніемъ и готовностью служить ей, предоставляя ей самой защиту чаще, чѣмъ мы это дѣлаемъ. Почувствуемъ это прежде всѣхъ сами и болѣе увѣруемъ въ присущее истинѣ могущество, чѣмъ въ собственныя доказательства, которыми усиливаемся возстановить ее. Изслѣдуемъ же ея тайники и богатства и будемъ священнослужителями святилища, прежде, нежели станемъ его охранителями. По-

этому будемъ держаться ближе къ алтарю, чѣмъ къ наружной двери. Будемъ болѣе свидѣтелями евангелія, чѣмъ защитниками его; постараемся быть болѣе вѣрными истинѣ, чѣмъ обладать доводами нашихъ противниковъ. Въ состязаніи за истину не лестно остаться и побѣдителемъ: ибо какая побѣда обходится безъ дикаго торжества, которое является лишь приманкой для этого состязанія, оставляя сердце возбужденнымъ, а совѣсть смущенной. Для служенія религіозной истинѣ пускать въ ходъ наши страсти, нашъ гнѣвъ и издѣвательство, нисходить на почву личности и вкушать злобную радость, доставляемую униженіемъ противниковъ, значитъ допускать безнравственное дѣяніе, строить крѣпость истины на пескѣ; да, хуже того: значитъ ронять собственное достоинство и клеветать на то дѣло, которое мы дѣлаемъ и защищаемъ. Не заключайте изъ сказаннаго, что я совѣтую прибѣгать къ какому-то идиллическому миру и вынужденной лицемѣрной тишинѣ, какъ личинѣ. Безъ сомнѣнія мы всегда будемъ бороться за истину, но какъ? Въ ущербъ ли любви къ Богу, къ ближнимъ и даже ко врагамъ? Или напротивъ? Съ личнымъ ли предубѣжденіемъ и пристрастіемъ, или напротивъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ я призываю васъ къ ап. Павлу и ко всей его жизни. Апостолъ Павелъ защищалъ христіанскую истину, и вы знаете, съ какимъ усердіемъ и съ какою логикой. Но посмотрите также, какъ онъ съумѣлъ вырваться изъ борьбы, чтобы устремиться къ болѣе существенному, т. е., къ обращенію душъ ко Христу. Конечно, для него, воспитаннаго въ школѣ раввиновъ, для него, теолога по природѣ и образованію, логика до мозга

костей и тонкаго діалектика, искушеніе было велико, чтобы не увлечься борьбою и не попасть въ засаду. Но тратилъ ли онъ время на безплодные споры? Растрачивалъ ли онъ на нихъ свою энергію, свое искусство и свою геніальность? Я не знаю, что вышло бы изъ его характера и его жизни при дальнѣйшей борьбѣ, но развѣ до насъ не дошли бы послѣ вѣсти о его имени и его дѣлахъ? Что же, однако, сдѣлалъ апостолъ Павелъ? Оставивъ іудейство погибать въ спорахъ съ книжниками, онъ прислушивался къ стонамъ языческихъ народовъ и говорилъ: „время пришло; приготовимъ Богу новый народъ!“ И онъ, ученикъ Гамаліила, бывшій раввинъ и фарисей, а послѣ еврейскій раскольникъ, сдѣлался великимъ апостоломъ, а его великое сердце сдѣлалось способнымъ обнять своей любовью весь языческій міръ.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что крикъ скорби, слышанный апостоломъ Павломъ, не раздается нынѣ вокругъ насъ и что, по меньшей мѣрѣ, требуется призывъ, чтобы отвѣчать на него.

Мы хорошо знаемъ, что этотъ крикъ необычайный, что чаще всего и сильнѣе всѣхъ другихъ голосовъ признаются матеріальныя скорби. Не думаете ли вы, что совѣсть была менѣе притуплена и усыплена въ Ефесѣ и Аѳинахъ, чѣмъ въ Парижѣ? Не думаете ли вы, что во всѣ времена безпечность была, такъ сказать, привиллегіей только самыхъ отъявленныхъ грѣшниковъ? Не думаете ли вы, что апостолъ Павелъ уловилъ крикъ во внѣшней сторонѣ древней Греціи, въ ея легкихъ нравахъ и продолжительныхъ пиршествахъ? Нѣтъ, онъ умѣлъ отличать наружный видъ отъ существенности. Въ ней-

то онъ и предусматривалъ столько печальнаго и безотраднаго; въ ней онъ чутьемъ сердца слышалъ крикъ скорби, взывавшій къ нему о помощи. Не заблуждайтесь же насчетъ своего нравственнаго положенія: въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось. Не взирая на внѣшнее спокойствіе, поддерживаемое многими изъ васъ ложною гордостью и высокомѣрною наукой, въ каждой душѣ, не порабощенной чувственностью и не обратившейся въ плоть, по-библейскому выраженію, скрывается тайная скорбь, которая нуждается въ утѣшеніи, скрывается нравственный разладъ и недовольство, которое ищетъ успокоенія, скрываются остатки, увы! часто разбитые и осквернённые, но все-таки остатки того алтаря, который апостолъ Павелъ встрѣтилъ въ Аѳинахъ, и который былъ посвященъ невѣдомому Богу, но оказалось, что поджидалъ Бога Сущаго, Святого и истиннаго.

Я говорилъ до сихъ поръ о Церкви вообще, но ничего нѣтъ обманчивѣе общихъ мѣстъ. Обращаюсь теперь къ каждому изъ васъ, братія. Искупленные Іисусомъ Христомъ, слышите ли вы голоса, которые призывали апостола Павла? Видѣли ли вы, подобно ему, возстающее предъ вами видѣніе міра, гибнущаго вдали отъ Бога?

Ваши видѣнія! Знаете ли вы, каковы они? Я вамъ это скажу, потому что они васъ также преслѣдуютъ и являются во время безсонныхъ ночей.

Каковы мечты этой молодой дѣвушки, слушающей меня? Встрѣчала ли она нуждающихся? Думала ли она о томъ, что въ то время, какъ все вокругъ нея усердствовало въ поощреніи ея желаній, въ предупрежденіи ихъ и доставленіи ей спокойной и усладительной жизни,

другія молодыя дѣвушки выростали въ лишеніяхъ, въ нуждѣ и униженіи? Говорила ли она себѣ, что вѣра, изливша я на ея дѣтство столько чистыхъ вліяній и тихаго небеснаго мира, отсутствовала у другихъ, или жестоко осмѣивалась? Страдала ли она отъ этого? Поняла ли она обязанность и счастіе сообщать этимъ несчастнымъ утѣшенія, словно съ неба для нихъ свалившіяся? Видѣла ли она въ будущемъ, какъ ея жизнь постепенно склонялась къ суровому, но благородному пути самоотреченія и жертвы? Оставимъ же эту желанную, но не осуществимую для нея картину... Въ дѣйствительности ея видѣнія суть обаяніе свѣта и его восторги... Она видѣла себя прекрасной и отлично одѣтой, слышала ропотъ восхищенія, поднимавшійся при ея появленіи. Ахъ! если это есть только ослѣпленіе одного дня, кто же изъ насъ броситъ въ нее камнемъ? Но если завтра это ослѣпленіе повторится снова; если постоянно, среди праздничныхъ мечтаній, ее зоветъ и обольщаетъ такое видѣніе; если счастіе для нея можетъ быть даровано только свѣтомъ; если только въ этомъ она видитъ свое призваніе, то она можетъ быть уважаема, можетъ имѣть тѣхъ покровителей и руководителей, которые смѣшаютъ свою лесть съ мірскою лестью, а объ истинѣ умолчатъ. Допустимъ это. Но подъ обманчивымъ покровомъ въ ея сердцѣ окажется сперва пустота, а послѣ скука; подъ изящной внѣшностью—холодный эгоизмъ въ своемъ пугающемъ безобразіи... Какова же ея участь? Какова отвѣтственность въ великій день суда? Каковъ неизбѣжный приговоръ для такой жизни безъ Бога и жертвы?

Я укажу здѣсь на мнѣніе, очень распространенное

и легко принимаемое въ свѣтѣ. Ничего нельзя слышать чаще того утвержденія, что самопожертвованіе и христіанское милосердіе должны согласоваться съ паденіями и увлеченіями пылкихъ натуръ... Охотно разсказываютъ о восхитительныхъ чертахъ именно такихъ свѣтскихъ женщинъ, сопоставляя ихъ съ сухостью и эгоизмомъ тѣхъ, жизнь которыхъ серьезна и цѣломудренна. Да, нерѣдко встрѣчаются примѣры внезапнаго самоотреченія, неожиданнаго милосердія, настоящихъ истинныхъ жертвъ въ нѣдрахъ легкомысленнаго и открыто виновнаго человѣчества. Возбужденная совѣсть заставляетъ иногда бросаться отъ безумной жизни прямо на путь милосердія, самоотреченія и жертвы. Такой женщинѣ понадобилось убѣжище, т. е., нѣчто такое, что способно ее пріютить и успокоить на время. Что же истинно и устойчиво въ такомъ обращеніи? Какъ можетъ она искупить позоръ безумной жизни, въ которой она чуждалась Бога? Какъ можетъ она изгладить неотразимое дѣйствіе своего примѣра на другихъ? Къ тому же, можно ли постолнно вѣрить въ искренность такихъ побужденій? Часто осмѣиваютъ смѣшное, заключающееся въ ложномъ благочестіи; развѣ нѣтъ фальшивыхъ монетъ въ обществѣ? Развѣ міръ не имѣетъ своей ложной чувствительности, шумныхъ добродѣтелей, кажущихся отреченій и фарисейства? Если женщина легкомысленная и суетная исполнитъ хоть изрѣдка дѣло, которое женщина-христіанка исполняетъ по привычкѣ, чуть не ежедневно, то вы услышите концертъ похвалъ, до небесъ превозносящихъ ея милосердіе. Но измѣняется ли ея жизнь этимъ подвигомъ милосердія? Препятствуетъ ли этотъ подвигъ тому удовольствію, ко-

торое ею ощущается въ свѣтской жизни, и которое называется эгоизмомъ, или смертію христіанской любви?

Я знаю также, что эгоизмъ можетъ вполнѣ согласоваться съ совершенной правильностью въ вѣрованіи и жизни. Бываютъ существа очень порядочныя, но неспособныя на самоотреченіе. Нѣкоторыя религіозныя общества представляютъ этому слишкомъ многочисленные примѣры. Онѣ имѣютъ свои традиціонныя добродѣтели и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ есть любовь къ семейной жизни и уваженіе къ обязанностямъ. Отсюда исходитъ дѣйствительное удаленіе отъ слишкомъ шумныхъ развлеченій и нѣкоторая важность въ обращеніи съ людьми. Они радуются за себя, довольствуются собою. Обладая этими отрицательными добродѣтелями, страшась позора, не замѣчаютъ, что живутъ, углубившись только въ свои личные интересы, въ кастовую гордость, въ благоденствіе, въ любовь къ стяжанію, и, такимъ образомъ, продолжаютъ считаться христіанами, не зная никогда ни лишенія, ни жертвы. Міряне замѣчаютъ это хорошо и глумятся, но я не оставляю имъ этой злобной радости и спрашиваю: „знаете ли вы, кто производитъ это страшное ослѣпленіе? Да вы же сами и производите, потому что, если бы вы не служили примѣромъ увлеченія и дурного образа жизни, то люди не стали бы считать заслугой простого факта приличной и порядочной жизни. Это вы понижаете уровень нравственныхъ требованій. Это вы устанавливаете низкую пробу заслугъ. Вы производите то, что женщина спокойна и считаетъ себя безупречной только потому, что не нарушила своихъ обязанностей супруги и матери. Если бы не вы и ваша

безупречная жизнь, то она поискала бы для себя идеала повыше. Вмѣсто того, чтобы считать себя добродѣтельною только потому, что не пала, она догадалась бы, что кромѣ дешевыхъ естественныхъ привязанностей есть еще дорогое качество сердца—состраданіе, безъ коего христіанинъ превращается въ язычника-эгоиста. Безъ васъ этотъ эгоизмъ, обвиняемый нами, а иногда и вами, былъ бы неизвинителенъ. Онъ страшился бы самого себя, пугался бы собственнаго безплодія и бездѣйствія; вы же его поддерживаете и оправдываете своимъ еще болѣе легкомысленнымъ образомъ жизни. Не дадимъ же хода тому софизму, что свѣтская жизнь не вредитъ христіанству. Она лежитъ въ основѣ исконнаго нашего врага; она отнимаетъ у насъ сначала время, потомъ средства, и потомъ, въ концѣ концовъ, изсушитъ до корней силу любви и жертвы.

Да, если вы проходите мимо страданій, не замѣчая ихъ; если слышите крики скорби, не вразумляясь ими: то это потому, что свѣтская жизнь ослѣпила вамъ глаза, обледенила сердце и замкнула уши. Если бѣднякъ вамъ докучаетъ, если дѣла благотворительности васъ раздражаютъ: то это потому, что гордость, тщеславіе и удовольствіе, воспользовавшись одобреніемъ свѣта, поработили вашъ умъ и вашу совѣсть. Не обманывайте же ея далѣе хитростями уловившаго васъ свѣта. Если евангеліе истинно, то въ немъ заключается вопросъ жизни и смерти Я говорю, что въ дѣлѣ религіознаго стремленія вы потеряете душу, потеряете, не смотря на ваше правое вѣрованіе, періодическія раскаянія, изліянія, доходящія до слезъ: потому что Богъ видитъ ваше сердце, обращенное къ міру и тщеславію. Итакъ, какъ ваше сокровище далеко отъ Бога,

то и ваша часть въ вѣчности будетъ далека отъ Бога.

Братья, каковы же видѣнія, предстающія предъ вашими глазами? Когда вы смотрите въ будущее, что привлекаетъ васъ? Подумайте о тѣхъ благихъ святыхъ дѣлахъ, которыя васъ ожидаютъ въ будущемъ и возлагаются на васъ? Желаете ли вы возбудить свой умъ и укрѣпить свой характеръ для борьбы со зломъ и со всѣми искушеніями плоти?

Видите ли проходящими предъ собою тѣхъ, которымъ вы должны оказать помощь словомъ и дѣломъ? Слышите ли голоса, кричащіе и вамъ, какъ апостолу Павлу: „Приди спасти насъ!“ Можетъ быть, ваша мечта сосредоточивается на славѣ? Можетъ быть, вашимъ идоломъ является литературная слава? Можетъ быть, ваше видѣніе составляетъ ваше собственное имя, повсюду повторяемое, или богатство съ его могуществомъ и вліяніемъ, или быстро завоеванное высокое положеніе?.. Можетъ быть, кромѣ всего этого, еще наука, съ ея благородными и чистыми радостями? Таковы ли ваши видѣнія? Талантъ, богатство и наука—прекрасные дары, когда они посвящаются на служеніе Богу и ближнему. Но когда они не отвѣчаютъ столь важной цѣли, то они суть орудія эгоизма и простые кумиры, похищающіе у Бога наше поклоненіе, а у бѣдныхъ нашу заботливость о нихъ.

Гдѣ же находятся тѣ люди, которые видятъ предъ собою видѣніе апостола Павла? Гдѣ же тѣ, сердце которыхъ чуетъ нужды и страданія своего поколѣнія, и которые понимаютъ, что нужно посвятить имъ жизнь? Знаете ли вы, кѣмъ и какимъ образомъ начинались всѣ великія дѣла? Людьми, которые видѣли то, чего никто до

нихъ не видѣлъ? Такъ апостолъ Павелъ видѣлъ древній міръ погибающимъ и принесъ ему евангеліе; такъ преобразователи видѣли Церковь ослабленною и вновь открывали животворные источники милости и вѣчнаго слова Божія. Паскаль видѣлъ ложную набожность, долженствующую погубить католичество и написалъ противъ нея свою безсмертную книгу. Поль Винцентъ видѣлъ сиротъ, брошенныхъ на улицу и создалъ свои великіе воспитательные дома. Вильберфорсъ видѣлъ негровъ, продаваемыхъ наравнѣ съ животными, и низвергнулъ рабство... Предъ всѣми ими возставало видѣніе, которое являлось и преслѣдовало ихъ, не давая имъ покоя.

Это видѣнія! говоритъ міръ и глумится надъ ними. Вы сами встрѣтите глумящихся. За двадцать вѣковъ до Іисуса Христа молодой пастухъ, изъ племени Авраамова, разсказывалъ братьямъ свои видѣнія. Онъ видѣлъ въ глубинѣ будущаго огромную славу, предназначенную ему, но братья слушали его съ усмѣшкой презрѣнія и ненависти и говорили, видя его проходящимъ: „Вотъ идетъ сновидецъ“. Итакъ, когда Богъ отмѣчаетъ Своей десницей какую-нибудь душу для великаго назначенія; когда Онъ возстановляетъ предъ нею видѣніе, опредѣляющее ея назначеніе и открываетъ предъ нею будущее,—то міръ повторяетъ насмѣшливыя слова братьевъ Іосифа: „Вотъ идетъ сновидецъ“. И когда явилось дитя изъ Назарета, возвѣстившее о Царствѣ Божіемъ на землѣ въ правдѣ и преподобіи истины; когда провидѣло Оно царство любви, возростающимъ съ вѣками, то Его собственные братья говорили: „Это безумецъ“, а фарисеи кричали: „Это одержимый и бѣсноватый“. Скептикъ

же Пилатъ только пожималъ плечами. Всё, случившееся съ Божественнымъ Учителемъ, назначается и для служащихъ Ему. Спросите объ этомъ апостола Павла, являющагося передъ Фестомъ и слушающаго его насмѣшливыя слова: „Твоя великая наука, Павелъ, заставила тебя потерять разумъ". О мечтатель! Да. И это осужденіе міра сего означаетъ то, что милосердіе является мечтаніемъ, а крестъ юродствомъ.

Пусть это и мечтаніе своего рода, и юродство! Но только при этихъ условіяхъ и побѣдитъ евангеліе. Если христіанство не дойдетъ до этого нынѣ, то міръ его оттолкнетъ, какъ потухшій свѣточъ, какъ соль, потерявшую вкусъ. Оставьте евангеліе въ рукахъ мудрецовъ, они его потеряютъ сотни разъ. Только мечтатели сохраняли его сотни разъ; только безумцы, любившіе безъ разсчета и способные на жертвы, дерзали погубить свою жизнь ради Христа.

Братья! Когда апостолъ Павелъ услышалъ отъ Бога призывъ, Писаніе говоритъ просто, что онъ отправился. Пусть же это слово будетъ послѣднимъ нашимъ наставленіемъ. Можно созерцать самыя великія видѣнія, можно чувствовать свое сердце проникнутымъ самыми живыми волненіями, можно трепетать отъ восхищенія предъ христіанскимъ идеаломъ и, тѣмъ не менѣе, жить холоднымъ и безполезнымъ для ближняго эгоистомъ, котораго Богъ оттолкнетъ въ послѣдній день. Что же требуется? Требуется отправиться, т. е., разорвать цѣпи, привязывающія насъ къ суетности, чувственности, гордости; нужно отправиться, т. е., идти къ своему дѣлу, исполняя его твердо до конца. „Блаженны вы, сказалъ Учитель, ежели знаете это и творите такъ!" Аминь.

Смущеніе Асафа.

Братія! Люди, желая разсказать жизнь какого-нибудь христіанскаго подвижника, оставившаго благоговѣйное о себѣ воспоминаніе, воспроизводятъ ее только съ лицевой стороны, со всѣми ея доблестными подробностями. Они набрасываютъ со скромностію покровъ на его недостатки, умалчиваютъ о сомнѣніяхъ, ошибкахъ и паденіяхъ его. И зачѣмъ вспоминать о нихъ? Такой образъ дѣйствій внушаетъ имъ благодарная о немъ память. Что за необходимость открывать несовершенства и немощи, неразлучныя съ природою человѣческою? Какое получится отъ этого назидательное дѣйствіе? Не значитъ ли славословить Бога, изображая во всей красотѣ дѣло, произведенное Его милосердіемъ для того, кто съ вѣрностью служилъ Ему? Такъ разсуждаютъ люди, и вотъ почему подъ ихъ перомъ исторія легко обращается въ панегирикъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе вѣковъ, историки изображаютъ святыхъ, обладающими всѣми совершенствами и лишенными всѣхъ недостатковъ. Ихъ можно сравнить съ средневѣковыми картинами, на которыхъ незамѣтно ни движенія, ни жизни, ни блеска въ краскахъ, ни вдохновенія въ лицахъ. Тамъ, подъ блѣдными, прозрачными ликами не замѣтно даже крови, слов-

но никакая страсть никогда не возмущала ихъ яснаго блаженства, словно уста ихъ младенчески воспѣвали однѣ только церковныя пѣсни, руки соединялись только для молитвы, а ноги никогда не попирали земли живыхъ.

Даже и тогда, когда религіозная исторія являлась наиболѣе вѣрной дѣйствительности, къ ней относились съ недовѣріемъ, усматривая преувеличеніе, съ которымъ набожные біографы описывали жизнь святыхъ. Казалось, ихъ героямъ были невѣдомы ни наши слабости, ни наши соблазны, ни наша борьба; казалось, они принадлежали къ другому человѣчеству, и новые люди отказывались ихъ понимать.

Но не таковы были библейскіе люди, даже самые великіе и святые. Я здѣсь исключаю Того, Который снизошелъ на землю ради нашего спасенія, Который, будучи Сыномъ Божіимъ, представлялъ совершенный образъ Божьей святости, а будучи Сыномъ Человѣческимъ, хотя и не былъ Онъ причастенъ грѣху, но былъ причастенъ его послѣдствіямъ—лютой скорби и смерти. Но возьмите всѣхъ героевъ вѣры, стоящихъ ниже Его: Авраама, Іакова, Моисея, Давида, Илію, Іоанна Крестителя, апостоловъ Петра и Павла. Ни про одного изъ нихъ вы не скажете, что они не принадлежатъ къ нашему человѣчеству. Они познали нашу немощь, изнывали отъ скорбей и болѣзней. Прежде, чѣмъ быть для насъ проповѣдниками спасенія и возмездія, они подвергались, подобно намъ, рабству грѣха.

По одной этой чертѣ я узнаю книгу Бога. Развѣ евреи, пишущіе свою отечественную исторію, унижали бы напрасно величайшихъ героевъ своего народа? Развѣ

они одни между всѣми народами устояли бы противъ желанія преобразовать ихъ и окружить ореоломъ безоблачной ясности и чистоты ихъ? Развѣ первые христіане указали бы намъ на колебаніе и трусость первыхъ апостоловъ, на вопросы Іоанна Крестителя, на отрицаніе Петра, если бы они слѣдовали естественному субъективному настроенію, т. е., чувству? Но ихъ направлялъ Духъ истины, Который проникалъ все ихъ существо, и подъ Его вліяніемъ произошла библія, т. е., книга человѣчества. Тамъ мы находимъ свою исторію, тамъ у величайшихъ вѣрующихъ наша слабость и немощь, настолько вѣрно изображенная, что невѣріе удивляется, соблазняется и обвиняетъ, во имя нравственности, библію, какъ будто она освящала грѣхъ. Но библія, напротивъ, осуждаетъ грѣхъ, такъ какъ онъ влечетъ за собою болѣзни, страданія и смерть,—притомъ осуждаетъ съ такимъ безжалостнымъ прямодушіемъ, что мы благословляемъ Бога за него, потому что оно, открывая намъ то, что лежало въ природѣ поставленныхъ Богомъ служителей и свидѣтелей, являетъ намъ въ то же время могущество благодати и показываетъ, что мы, подобные имъ по своей немощи и паденіямъ, можемъ уподобиться имъ въ святости и удостоиться откровенія Божія.

Эти разсужденія приходили мнѣ на мысль, когда я размышлялъ о псалмѣ, изъясняемомъ мною нынѣ. Этотъ псаломъ есть произведеніе вѣрующаго и заключаетъ въ себѣ впечатлѣніе души, вкусившей сомнѣнія и всю его горечь. Посмотримъ сначала, что заставило сомнѣваться Асафа, и увидимъ потомъ, какъ Богъ просвѣтилъ его и утвердилъ.

Асафъ видѣлъ ходъ этого міра, видѣлъ благоденствіе нечестивыхъ, видѣлъ боящихся Бога страдающими въ забвеніи и отчаяніи. Его душа была смущена этимъ, и въ мрачный часъ онъ предался разсужденію о правосудіи, мудрости и дѣяніяхъ Божіихъ.

Братья! созерцаніе сего міра есть великая школа невѣрія, производящая гораздо болѣе нечестивыхъ, нежели всѣ книги атеистовъ. Мы имѣемъ въ глубинѣ души священный законъ, законъ совѣсти, настоятельно требующій истины и правосудія; мы имѣемъ сердце настойчиво требующее любви. Мы сознаемъ и чувствуемъ въ нашей совѣсти, въ нашемъ сердцѣ проявленіе воли Бога, сотворившаго насъ, и мы говоримъ: Богъ хочетъ правосудія, хочетъ любви. Мы вѣримъ въ Бога и подтвердимъ это еще съ большей силой, потому что откровеніе является для людей лишь чуднымъ выраженіемъ любви и святости Божіей. Но если, исходя не изъ откровенія, а изъ самихъ себя, мы созерцаемъ міръ, то нашъ взглядъ колеблется: потому что мы тщетно отыскивали бы тамъ тотъ законъ любви и правосудія, которымъ Богъ запечатлѣлъ всѣ Свои творенія.

Предубѣжденные элементарнымъ ученіемъ, приспособленнымъ для нашего первоначальнаго воспитанія, мы надѣялись найти этотъ законъ внутри насъ, какъ дѣти. Намъ говорили о порядкѣ, царствующемъ въ природѣ, о Провидѣніи, присутствующемъ въ ней на каждомъ шагу. Намъ указывали на Бога, бодрствующаго надъ каждымъ Своимъ твореніемъ и принимающаго сторону правыхъ противъ злыхъ; насъ учили любить добрыхъ тварей и ненавидѣть злыхъ, примѣняя, такимъ образомъ,

къ природѣ нравственный законъ, заключающійся внутри нашихъ сердецъ. Итакъ, природа являлась намъ театромъ, позади котораго неустанно дѣйствовалъ Самъ Богъ. Такъ, оглушительный ударъ грома потрясалъ нашу совѣсть, пробуждая сознаніе нашей виновности, и грозилъ небеснымъ гнѣвомъ и наказаніемъ. Нѣжная заря являлась для насъ Божіей улыбкой, благословлявшей наши труды и наши празднества. Цвѣтущая земля казалась намъ садомъ Божіимъ. Подобное-же объясненіе давала намъ исторія, изображавшая святыхъ людей благоденствующими, а нечестивыхъ страдающими за свои беззаконія. Исторія являлась для насъ драмой, авторомъ которой являлся Самъ Богъ, ибо если страдалъ праведникъ, то это было для него лишь временнымъ испытаніемъ; если же торжествовалъ нечестивый, то это было ошибкой дня.

Позднѣе нашъ взглядъ расширился, умъ вступилъ въ свои права. Между Богомъ и нами воздвигся огромный и неумолимый міръ предопредѣленія.

Предопредѣленіе въ природѣ, потому что ея улыбка обманчива, потому что она неумолима, даже въ своей красотѣ, сіяя надъ той могилой, предъ которой разрывалось наше сердце. Мы изучаемъ природу и повсюду находимъ дикій законъ, законъ разрушенія, который ежедневно, ежеминутно преслѣдуетъ свое таинственное назначеніе. Повсюду кровь, повсюду безжалостное заклапіе жертвъ, и жизнь исходитъ лишь изъ смерти. Этотъ законъ постигаетъ насъ съ вѣрностью алгебры. Онъ равнодушенъ къ нашимъ слезамъ и мольбамъ. Сколько угодно молитесь и взывайте о помощи, вы не измѣните мі-

рового порядка: въ каждую секунду рождается и умираетъ извѣстное число людей.

Предопредѣленіе въ исторіи. Здѣсь и тамъ мы надѣемся обрѣсти ниспосланный Провидѣніемъ законъ и увидѣть, какъ обрисовывается великая стезя Царства Божія. Мы говоримъ о прогрессѣ; намъ кажется, что справедливость возвышаетъ народы, и что доброжелательство и любовь господствуютъ на ихъ поприщахъ. И вотъ, темная, леденящал туча предопредѣленія застилаетъ безоблачный горизонтъ и скрываетъ его отъ нашихъ взоровъ... и прогресса какъ не бывало въ древнемъ мірѣ. Какой планъ находите вы въ судьбахъ этихъ обширныхъ государствъ, исчезнувшихъ навсегда; въ древнемъ просвѣщеніи потухшемъ навсегда; въ убіеніи людей, въ ужасныхъ и безжалостныхъ жертвоприношеніяхъ животныхъ, театромъ которыхъ столько разъ являлась Азія? Какой планъ въ исторіи этихъ племенъ, влекомыхъ неизлѣчимымъ варварствомъ къ ослабленію и вымиранію. Какое оправданіе, какой мотивъ въ торжествѣ грубой силы, въ поражающей безнравственности, которая подкрѣпляется и освящается успѣхомъ? Развѣ можетъ служить для насъ утѣшеніемъ то изреченіе, что кровь праведниковъ есть плодоносное сѣмя? Вѣдь на сколькихъ поляхъ она ни проливалась, тамъ она оставляла только безплодную пустыню.

Господи, гдѣ же земля возносится къ небу? Мы просимъ Бога, чтобы пришло Его Царство. Но какъ медленно приходитъ это Царство! Сколько жестокихъ пораженій ради одной побѣды. Какъ различить десницу Божію въ судьбахъ самой Церкви! Предоставленная всѣмъ

случайностямъ, уносящимъ человѣческія жизни и цѣлыя народности внутренними раздорами и внѣшней политикой, распавшаяся на столько дѣленій и подраздѣленій, она кажется побѣжденной. Христіанство затемнено предубѣжденіями всякаго свойства; истина же имѣетъ столь немощныхъ защитниковъ, а всѣ живыя силы и крѣпкіе голоса, кажется, переходятъ въ непріятельскій лагерь.

Предопредѣленіе въ жизни! Здѣсь нравственный законъ колеблется и часто уничтожается Не лучше ли и не вѣрнѣе ли не обращать на него вниманія? Развѣ совѣсть ведетъ къ богатству и успѣху? Развѣ мы не видимъ, какъ часто неблагодарность отравляетъ жизнь. полную самоотреченія и жертвы? П если люди не признаютъ насъ, то слышитъ ли насъ небо? Услышаны ли наши моленія? Ангелъ губитель египетскихъ первенцевъ щадитъ ли наши жилища по нашей просьбѣ?

Не ошибался ли древній пророкъ, говоря: „*Я былъ молодъ, потомъ сдѣлался старъ, но никогда не видѣлъ покинутымъ праведника, а его потомковъ просящими подаянія!*“

Вотъ чему насъ ежечасно поучаетъ міръ, вотъ его урокъ о предопредѣленіи. Древность вѣрила въ предопредѣленіе. Нынѣ среди нашихъ ученыхъ и мыслителей насчитываютъ даже и такихъ, которые въ сущности не принадлежатъ къ нимъ. И они то говорятъ, что наука открываетъ лишь непреложные законы. Сверхъ этого существуетъ великое неизвѣстное. Каждый свободенъ вложить туда свои мечты и упованія, но мудрецъ предоставляетъ невѣждамъ отыскать тамъ химерическія утѣшенія, для него же они не нужны: ему достаточно

истины (относительной, наглядной, очевидной) положительной.

Не нужно быть философомъ, чтобы считаться съ этими самозванцами-мудрецами и съ этими задачами. Испытаніе рано или поздно воздвигнетъ ихъ предъ вами. Для большинства людей это испытаніе является въ бѣдности. Работникъ трудится для завтрашняго дня; будучи благочестивъ, онъ проситъ у Бога лишь насущнаго хлѣба. Этого хлѣба ему недостаетъ. Онъ проситъ, но отвѣта нѣтъ; онъ всё-таки вѣритъ, но развѣ Богъ не слышитъ его? Развѣ Богъ не знаетъ, что ему нужно прокормить жену и дѣтей. Бѣднякъ смотритъ и видитъ, какъ предъ нимъ проходятъ счастливцы земли. Ему говорятъ: „Человѣкъ, взирающій на тебя съ высоты своего величія, разбогатѣлъ нѣправдой. Онъ не молился, подобно тебѣ; не разсчитывалъ на Бога, забывшаго тебя; онъ былъ ловокъ, вотъ и всё. Развѣ онъ не достигъ успѣха?“ Тогда въ раздраженномъ сердцѣ бѣдняка возникаютъ мрачныя мысли, и онъ, подобно Асафу, завидуетъ благоденствію нечестивыхъ.

Для другихъ это испытаніе является болѣзнью, не тою болѣзнью съ ея первыми благословеніями, которая доставляетъ намъ лицезрѣніе Божіе, поощряетъ насъ къ молитвѣ и оживляетъ сочувствіе окружающихъ насъ до такой степени, что мы преувеличиваемъ даже стоимость ихъ привязанности, но долгую и упорную болѣзнь, поглощающую изо дня въ день физическую и нравственную энергію, останавливающую всѣ наши стремленія, приводящую насъ къ вынужденному бездѣйствію. Такая болѣзнь утомляетъ терпѣніе и вниманіе другихъ, за-

ставляетъ больного чувствовать, что онъ здѣсь на землѣ безполезное существо, принуждаетъ больного повторять горькія слова Давида: „*Я забытъ въ сердцахъ, какъ мертвый; я какъ сосудъ разбитый*“. Дни проходятъ, а освобожденіе не является; горесть увеличивается. Больному кажется, что Богъ глухъ къ нему. Страхъ усиливается: „Сколько-нибудь облегченія, о, всемогущій Боже, все содержащій въ Своей рукѣ!“ со стономъ говоритъ больной.

Но Богъ не отвѣчаетъ. Тогда сердце болящаго наполняется сомнѣніями; подобно выраженными въ Екклезіастѣ слѣдующимъ образомъ: „*Видѣлъ я всѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, видѣлъ, что всему и всѣмъ одно; одна участь праведнику и нечестивому, приносящему жертвы и не приносящему, какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику, какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, что одна участь всѣмъ*“.

Но знаете ли вы, что еще сильнѣе, чѣмъ бѣдность и болѣзнь, возбуждаетъ и раздражаетъ эти сомнѣнія? Это несправедливость, и она-то въ особенности разрывала сердце Асафа. Мы легче переносимъ испытанія, одинаковыя для всѣхъ другихъ. Такъ видѣли людей, заключенныхъ въ осажденномъ городѣ, которые мужественно переносили страданія ужаснаго голода. Равенство страданія поддерживало ихъ, внушая необыкновенное геройство. Но неравенство — вотъ что наиболѣе волнуетъ и возмущаетъ. Что же должно произойти, когда неравенство становится преднамѣренной несправедливостью, несправедливостью безъ протеста обиженнаго, безъ помощи ему? Въ мірѣ существуетъ тотъ наиболѣе горькій и же-

стокій законъ, что слабые и бѣдные всегда неправы, Іисусъ Христосъ говоритъ намъ о вдовѣ, борющейся противъ неправеднаго судіи. Онъ видѣлъ это. Сынъ Человѣческій; Онъ претерпѣвалъ это, и нашелъ изображеніе, которымъ научаетъ насъ бороться противъ кажущагося неправосудія Божія. Развѣ вы не видѣли бѣдняка, простяка, жертву несправедливости, тщетно ищущаго удовлетворенія? Онъ не понимаетъ ничего въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ формахъ и законахъ, въ нашей обрядности. Онъ видитъ лишь нѣчто неясное и внушительное, воздвигающееся передъ нимъ, во главѣ чего стоятъ ученые, сильные міра, судьи. Его должны понять, потому что онъ правъ; должны знать, что онъ жертва и страдаетъ. Онъ стучится въ двери, остающіеся запертыми; онъ говоритъ людямъ, которые встрѣчаютъ его разсѣяннымъ взглядомъ и едва слушаютъ; онъ составляетъ обивчивыя, непонятныя письма, заставляющія смѣяться; онъ пишетъ Императору и ожидаетъ отвѣта. Размышляли ли вы, что происходитъ въ этой бѣдной душѣ, сколько въ ней накопилось скорби и безпокойства? Боже мой! не существуетъ правосудія, не существуетъ призыва! Никого, кто бы выслушалъ меня!“ Представляете ли вы себѣ, что испытываетъ человѣкъ, проходящій по нашимъ улицамъ бѣдный, голодный, изнуренный, когда онъ смотритъ на всѣхъ людей, казалось соединившихся противъ него; когда общество, наконецъ, заключаетъ его въ несокрушимыя стѣны тюрьмы? Сколько разъ міръ видѣлъ эти скорби! Сколько беззаконій видѣло распятіе, которое водружается передъ судіями въ нашихъ судилищахъ!

Асафъ встрѣтилъ несправедливость. Онъ чувствовалъ, какъ беззаконіе пронзило его душу, подобно острому мечу, повернувшемуся въ ранѣ. Выслушайте же горькія слова, вырывающіеся у него: „Я видѣлъ нечестивыхъ и надменныхъ. На работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми они не подвергаются невзгодамъ. Отъ того гордость, какъ ожерелье, обложила ихъ, и дерзость, какъ нарядъ, одѣла ихъ. Бродятъ помыслы въ сердцѣ ихъ. Надъ всѣмъ издѣваются; злобно разглашаютъ клевету. Поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ".

Вотъ, братья, мысли, смутившія Асафа. На минуту его совѣсть уступила, охваченная заблужденіемъ. Почему же онъ не впалъ въ бездну невѣрія? Асафъ вѣрилъ въ Бога. Онъ былъ сыномъ того избраннаго израильскаго племени, которое долженствовало быть и было въ мірѣ свидѣтелемъ Бога живого. Асафъ не могъ вѣрить случайности, потому что на языкѣ его народа не существовало даже слова для обозначенія ея. Асафъ пытался отрицать Бога и Его дѣянія въ мірѣ. „Я сказалъ это соблазнившись, восклицаетъ онъ, но чувствовалъ себя неправымъ, невѣрнымъ и виновнымъ предъ родомъ сыновъ Твоихъ". Я былъ виновенъ предъ родомъ сыновъ Твоихъ—вотъ мысль, остановившая его.

Какъ! Развѣ религія есть дѣло племени и вѣра передается съ кровью, унаслѣдованною нами отъ предковъ нашихъ? Нѣтъ, братья! Во всѣ времена Богу служили только добровольные почитатели; во всѣ времена истинная вѣра была свободнымъ согласіемъ сердца, и никогда одно естественное рожденіе не производило дѣтей Бо-

жіихъ. Нужно личное обращеніе къ Богу и выборъ воли. Это достаточно доказываютъ, увы! факты, поступки и въ нашемъ крещенномъ племени. Новѣйшее язычество между христіанами слишкомъ разсчитываетъ на приверженцевъ и родныхъ, обязанныхъ поминать покойниковъ, которые при жизни избавляли себя отъ всякой заботы, отъ всякаго сочувствія къ бѣдной братіи, вопреки столь ясной и опредѣленной заповѣди Христа; которые съ упорствомъ отворачивались отъ всякаго, Богомъ дарованнаго, случая къ благотворенію,—и отворачивались съ явнымъ доказательствомъ того, что они и недостойны были совершить это доброе дѣло, по своему языческому жестокосердію: духъ любостяжанія до того ожесточилъ ихъ сердце, что одна встрѣча съ бѣднякомъ, одна мысль о нищемъ приводила ихъ въ ярость, такъ что изъ оставшагося богатства ни одна лепта не пригодилась для облегченія за гробомъ ихъ души, для смягченія небеснаго правосудія. Но если христіанская вѣра свободна, сохраняя свое значеніе лишь при этомъ условіи, то это еще не значитъ, чтобы естественное рожденіе не могло преобразоваться въ духовное рожденіе и чтобы молитвы отцовъ не оказывались благословеніемъ для дѣтей.

Такъ установилось пламенное благочестіе, такъ сохранилось оно въ благородной преемственности отъ Адама до Ноя, отъ Авраама до Моисея и до Христа. Такъ послѣ патріарховъ, до нынѣ сохраняется племя Израиля. Побѣжденный, презираемый, преслѣдуемый, оплеванный и разсѣянный по всему лицу земли, этотъ маленькій народъ вездѣ исповѣдывалъ истиннаго Бога. Въ этомъ то и благородство племени и сила Израиля.

Итакъ, сынъ Израиля не могъ отрицать Бога, не очутившись виновнымъ предъ своимъ родомъ и вдвойнѣ преступны тѣ, которые добровольно отказываются отъ завѣдомо хорошихъ традицій, унаслѣдованныхъ отъ предковъ.

Дѣти христіанской Церкви! Истинные сыны Израиля! Развѣ сія мысль ничего не говоритъ вашему сердцу? Не чувствуете ли вы, подобно Асафу, что родъ отъ котораго вы происходите, завѣщалъ и вамъ это священное наслѣдіе? Предоставьте же сынамъ новаго язычества возвѣщать свои пагубныя доктрины! Предоставьте имъ говорить, что небо пусто, а предопредѣленіе есть послѣднее слово науки! Вы же сыны благодатной молитвы, сыны вѣры. На ваше чело снизошла, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ вашей матери-христіанки и благодать великаго прошлаго, которую вы обязаны, въ свою очередь, передать будущему. Отрицая евангельскаго Бога, сознаете ли вы что вы дѣлаете?

Вы также становитесь виновными передъ своимъ родомъ!

Мы видѣли какъ Асафъ былъ искушаемъ сомнѣніемъ. Теперь надлежитъ показать какъ Богъ его просвѣтилъ и утвердилъ.

Чтобы избѣжать неувѣренности, мучившей его душу, Асафъ сначала размышлялъ; размышляя онъ старался дать себѣ отчетъ въ этихъ таинственныхъ задачахъ; но задача была не по силамъ его и мракъ сгущался вокругъ него. Онъ блуждалъ, такимъ образомъ, бродя ощупью, какъ бы ночью, и его сердце ожесточалось до той минуты, говоритъ онъ, пока онъ не вошелъ во святилище Бога. Тамъ его ожидалъ свѣтъ.

Братія, существуютъ вопросы, которыхъ человѣческій разумъ не въ силахъ разрѣшить; существуютъ тайны, которыхъ наука не рѣшитъ никогда. Тайна скорби, еще болѣе мрачная, тайна грѣха, тайна будущей жизни. Мы окружены тайнами!.. Можно презрительно причислить ихъ къ такъ называемому *великому извѣстному*", можно жить, думать и дѣйствовать такъ, какъ будто онѣ никогда не существовали. Но не всѣ способны къ этому напускному мужеству, къ этому бахвальству.

Есть такіе люди, которые нуждаются въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ; ихъ сердце страдаетъ, имъ нужно утѣшеніе; смерть готовится отнять у нихъ ихъ возлюбленныхъ, имъ нужна надежда; ихъ обвиняетъ совѣсть, имъ нужно прощеніе. Гдѣ же найдутъ они отвѣтъ? Въ школахъ, или въ философскихъ книгахъ? Но развѣ только для образованнаго мыслителя назначается утѣшительная истина? Да, наука здѣсь безсильна; и теперь, какъ во времена Асафа, она можетъ умножать свои завоеванія, изслѣдовать глубины неба и нѣдра земли, изучать въ прошломъ исторію поколѣній и подмѣчать въ нашемъ тѣлѣ чудеса человѣческаго организма. Но, когда приходится отвѣчать на вопросы, остающіеся не разрѣшимыми для науки, она говоритъ одно — „*можетъ-быть*", но это *можетъ-быть* не даётъ намъ утѣшенія спокойствія, увѣренности, прощенія. Серьезные научные изыскатели! Если вы желаете слышать отвѣтъ, то вамъ нужно, подобно Асафу, войти въ святилище; вамъ нужно искать Бога въ молитвѣ, помѣстившись смиренно у ногъ Его. Если міръ сокрылъ отъ васъ Бога живого, оста-

вивъ на Его мѣстѣ неумолимое предопредѣленіе или нѣчто безличное, то лишь въ тайникѣ святилища, въ задушевности молитвы, въ смиренномъ и серьезномъ вниманіи къ слову Божію вы почувствуете, какъ Онъ приближается къ вамъ и познаете Его голосъ. Блаженъ тотъ, кто въ глубокомъ сознаніи своей зависимости, своего невѣдѣнія и немощности предстанетъ такимъ предъ лицомъ Божіимъ, ожидая лишь отъ Него отвѣта своимъ сомнѣніямъ, ожидая свѣта, долженствующаго освѣтить его мракъ. Не правда ли, христіане, что его ожиданіе не будетъ обмануто, и не можете ли вы исповѣдать здѣсь вмѣстѣ съ Асафомъ и съ вѣрующими всѣхъ вѣковъ, что никогда Богъ не обманывалъ тѣхъ, которые бросались въ своей скорби къ Его помощи?

Чему же научаетъ насъ Асафъ, склонившійся къ погамъ Господнимъ? Онъ говоритъ это самъ: „*Доколѣ не вошелъ я во святилище Божіе, до тѣхъ поръ не уразумѣлъ конца ихъ*“. Конецъ этихъ людей! Да вотъ на что слѣдуетъ обратить прежде всего вниманіе. Вотъ наставленіе Бога! И только такого наставленія мы ожидали отъ Него. Здѣсь наиболѣе проявляется та конечная цѣль, къ которой мы должны относить все остальное. Только здѣсь мы найдемъ свѣтъ и оправданіе Его путямъ. Развѣ въ дѣлахъ современной жизни мы не оцѣниваемъ прежде всего конца? Развѣ честолюбецъ обращаетъ вниманіе на свои хлопоты, мучительные труды, неусыпность и на препятствія, которыя онъ встрѣчаетъ, зная, что, черезъ десять или двадцать лѣтъ, его имя станетъ извѣстнымъ, а его могущество упрочится? Развѣ купецъ остановится передъ долгими путешествіями, опас-

ностями всякаго рода и неувѣренностью въ успѣхѣ, видя въ будущемъ огромное состояніе, обезпечивающее всѣ выгоды наслажденія и значенія? Развѣ больной откажется отъ жестокой операціи, чувствуя, какъ тѣло его содрагается отъ однихъ приготовленій къ ней, — если его жизнь искупается лишь этой цѣной? Каждый день мы приносимъ настоящее въ жертву будущему: ничто великое не совершалось на землѣ безъ этого условія. Когда мы хотимъ показать низшія, неразвитыя племена, едва возвышающіяся надъ уровнемъ животной жизни, мы говоримъ объ ихъ предусмотрительности, никогда не превышающей потребностей дня. Чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ подчиняетъ время выводамъ своего ума и разсчетамъ своего генія, и только тотъ намъ кажется великимъ, который силою своего таланта опережаетъ вѣка. Удивительно ли, что Богъ, какъ господинъ времени и вѣковъ, отвѣчая на боязнь Асафа, возвышаетъ его надъ настоящимъ и его неизвѣстностью, заставляетъ его усматривать взоромъ вѣры тотъ послѣдній конецъ, который только и можетъ объяснить всѣ настоящія затрудненія.

Утѣшеніе, данное Богомъ Асафу, должно быть также и нашимъ утѣшеніемъ. Подобно Асафу и мы должны усматривать назначаемый Богомъ конецъ.

Назначеніе Божіяго дѣла превосходитъ наше назначеніе; но это дѣло еще не окончено: мы видимъ только его разсѣянные матеріалы. Подобаетъ ли намъ съ нашимъ слабымъ и недальновиднымъ взглядомъ произносить о немъ его самонадѣянныя сужденія? Богъ созидаетъ дѣло, которое зрѣетъ съ вѣками и которое мо-

жетъ измѣрять лишь одинъ Его вѣчный взглядъ. Подобаетъ ли намъ съ нашею недолговѣчностью примѣнять къ этому дѣлу нашу оцѣнку одного дня и часа? Изъ великихъ глаголовъ, которые Богъ вѣщаетъ вѣками и которые называются исторіей, мы услышали лишь два-три слова, и по этимъ словамъ мы осмѣливаемся разбирать все и судить.

Иное Божье дѣло сотни разъ смущало наши понятія. Мы видѣли какъ его мудрость освѣщала его тамъ, гдѣ мы усматривали прежде только случайность и неясность. Объявлялось ли это въ видимомъ мірѣ или невидимомъ и благодатномъ мы всегда удивлялись глубинѣ Его премудрости превосходящей даже наше удивленіе и изумленіе. Сотни разъ мы восклицали вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: „О, глубина мудрости! И только потому, что это дѣло Божіе таинственно и непостижимо для насъ, мы подвергаемъ его своему мелкому сужденію, изслѣдованію и сомнѣваемся въ Божіемъ могуществѣ!

Но Богъ направляетъ насъ на путь, котораго мы не избирали и съ котораго безпрерывно сходимъ. Этотъ путь ведетъ насъ къ спасительному подножію креста. Богъ обуздываетъ нашу волю, укрощаетъ вожделѣнія, устраняетъ снѣдающія насъ искушенія. Во всѣхъ Его путяхъ, даже самыхъ суровыхъ, мы полагаемъ конечную цѣль, и если Его опредѣленія насъ удивляютъ, то мы уничтожаемъ нашу исторію, отказываясь отъ прошлаго и забываемъ всѣ дивныя доказательства Его любви! Да не будетъ сего! Перестанемъ увлекаться подобнымъ безумiемъ, присоединимся къ Его намѣреніямъ и будемъ созерцать высшій порядокъ, высшій конецъ все объяс-

няющій; вѣримся Его мудрости и не будемъ сомнѣваться въ Его благости.

Асафъ видѣлъ конецъ намѣреній Божіихъ... Онъ его замѣтилъ прежде всего по отношенію къ нечестивымъ, и посмотрите какъ это измѣнило его міровоззрѣніе. Вы знаете, съ какою горечью онъ только что нападалъ на нихъ; теперь же, можно сказать, онъ сожалѣетъ ихъ: *„Такъ, говоритъ онъ, на скользкихъ путяхъ поставилъ Ты ихъ и низвергаешь ихъ въ пропасти! Какъ нечаянно пришли они въ раззореніе, исчезли, погибли среди смятенія и ужасовъ! Какъ сновидѣніе по пробужденіи исчезаетъ, такъ Ты, Господи, пробудивъ ихъ, уничтожилъ мечты ихъ“.*

Вотъ, что надлежитъ видѣть, братія, по не въ духѣ мести, а въ чувствѣ скорби за нихъ и состраданія! Какъ всё измѣняется въ нашихъ глазахъ, если мы разсматриваемъ всё съ точки зрѣнія Божіей! Увы! развѣ вы не вѣрите, что на землѣ ложное величіе всегда и неизбѣжно искупается соотвѣтствующимъ униженіемъ? Вы видите завидное благоденствіе беззаконника, но не видите, что дѣлается въ его сердцѣ. Знаете ли, что значитъ не смѣть проникнуть въ собственную душу изъ боязни найти тамъ презрѣніе къ самому себѣ? и горькое чувство собственнаго ничтожества? Знаете ли вы, что значитъ выставлять на видъ свою роскошь, и чувствовать, что есть одна вещь, которую нельзя обмануть? это взглядъ человѣка честнаго. Вы видите роскошь и безумныя развлеченія свѣтской и презрѣнной женщины. Но знаете ли вы ея внутреннія страсти, безпрерывную двойственность совѣсти, напряженное исполненіе этой

двойной роли, домашнія столкновенія. ужасныя терзанія эгоизма преступной любви, наконецъ, позоръ, дѣлающій изъ ея жизни адъ? Видѣли ли вы обратную сторону медали повсюду, напримѣръ: изсохшее сердце стараго міролюбца, неисцѣлимую печаль человѣка, который не можетъ себя болѣе тѣшить иллюзіями относительно человѣческой природы и который, пытаясь отрицать вѣчность, видитъ въ своемъ существованіи лишь жалкую комедію безъ значенія и цѣли. И даже тогда, когда наказаніе за его грѣхи начнется до смерти, когда кажется для другихъ всё до конца улыбается живущему безъ Бога, развѣ вы не думаете о неизбѣжномъ для него судѣ, о великой встрѣчѣ, о той торжественной минутѣ, когда Богъ потребуетъ у него отчета въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ своего сердца, изъ своего состоянія, изъ своихъ дѣтей и подчиненныхъ? Вотъ что надлежитъ видѣть, братія, и тогда на вашихъ негодующихъ устахъ состраданіе къ злополучнымъ грѣшникамъ, молитву замѣнятъ презрѣніе къ нимъ и безпощадное порицаніе.

Теперь перепесите ваши взгляды на тѣхъ, которые надѣются на Бога, и прослѣдите конецъ ихъ жизни. Я не стану указывать вамъ на то, сколько утѣшенія и спокойствія примѣшала къ ихъ существованію вѣра. Не стану говорить о томъ, что самыя неблагодарныя и темныя наклонности могутъ облечься въ великое и прекрасное, если онѣ служатъ Богу; сколько глубины имѣютъ привязанности, если Богъ освящаетъ ихъ; сколько безконечнаго имѣютъ радости, если онѣ проникнуты благодарностью къ Даровавшему ихъ. Но я вамъ укажу христіанъ, покинутыхъ, страдающихъ, которымъ свѣтъ от-

казалъ во всѣхъ радостяхъ, которые видѣли сначала скорбь, потомъ свирѣпствующую болѣзнь, не дающую имъ отдыха. Безъ сомнѣнія, ихъ страданія ужасны; они, какъ Асафъ, завидовали безумцамъ, видя ихъ внѣшнее благоденствіе, и желали находиться, подобно имъ, на мѣстахъ высокихъ, не желая знать о глубинѣ бездны, куда по наклонности скользкой плоскости, они почти всегда сползали. Но теперь борьба окончена; настаетъ конецъ, настаетъ великій часъ. Отвѣчайте же, братья мои по вѣрѣ, отвѣчайте мученики древнихъ временъ и новѣйшихъ вѣковъ, отвѣчайте всѣ тѣ, на которыхъ міръ смотрѣлъ какъ на свои отбросы, агонія которыхъ на аренѣ амфитеатра была сопровождаема хохотомъ черни; отвѣчайте вы, наши работники или дворяне, скованные, какъ каторжники на галерахъ семнадцатаго вѣка, мученики, брошенные въ мрачныя подземныя темницы инквизиціи; отвѣчайте вы, бѣдныя жертвы болѣзни, которыхъ мы видали погибающими среди страданій и лишеній всякаго рода!.. Вотъ конецъ, вотъ минута, когда иллюзія безполезна. Отвѣчайте же, христіане всѣхъ вѣковъ! Сожалѣете ли вы о своей жизни? Найдется ли между вами хоть одинъ, который на своемъ смертномъ одрѣ могъ бы сказать, что Богъ обманулъ его?

Асафъ понялъ пути Господни; его глаза отверзлись и рѣчи измѣнились. За ропотаніемъ послѣдовало благодареніе; на мѣстѣ испытаній, подъ гнётомъ которыхъ онъ изнемогалъ, всё яснѣе и яснѣе онъ сталъ различать милость Провидѣнія, которая досталась ему въ удѣлъ: „*Я всегда съ Тобою, Боже, восклицаетъ онъ; Ты держишь меня за правую руку, Ты руководишь меня совѣтомъ*

Твоимъ и потомъ примешь меня во славу". О, дивный перечень цѣлой жизни, руководимой и наставляемой Богомъ! Какъ всё это дѣйствительно нынѣ, какъ и всегда, до тѣхъ поръ, покуда будутъ существовать христіане на землѣ! „*Я всегда съ вами*", сказалъ Іисусъ Христосъ. Христіанинъ! вотъ твое упованіе! Люди, быть можетъ, покинутъ тебя; испытаніе и смерть водворятъ пустоту въ твоемъ уныломъ жилищѣ. Опора, на которую ты полагаешься, можетъ подломиться; но ты не лишишься никогда Небеснаго Друга, Бога Живого. Ты будешь вѣчно съ Нимъ: въ день забвенія, какъ и въ день благоденствія, даже въ тотъ день, когда Ты не будешь чувствовать радости Его присутствія и сладости общенія съ Нимъ; ты вѣчно будешь съ Нимъ; можетъ быть завтра будешь съ Нимъ на томъ скорбномъ пути, предъ той ужасной жертвой, которая впередъ заставляетъ тебя трепетать; ты будешь съ Нимъ передъ вѣчной разлукой, одна мысль о которой разрываетъ тебѣ сердце и повергаетъ тебя въ глубокое уныніе. Онъ возьметъ твою руку такъ крѣпко, что никто не исторгнетъ ее у Него. Онъ будетъ тебя руководить Своею мудростью во всѣхъ затрудненіяхъ, безчисленныхъ колебаніяхъ, во всѣхъ осаждающихъ и окружающихъ тебя искушеніяхъ и опасностяхъ, одно ожиданіе которыхъ наполняетъ тебя отчаяніемъ и ужасомъ. Но потомъ, когда ты окончишь свое поприще, Онъ приметъ тебя въ ту славу, которая составляетъ безконечное блаженство на небѣ, гдѣ ты будешь вѣчно наслаждаться общеніемъ съ Нимъ.

Асафъ вышелъ изъ святилища съ прояснившимся челомъ. Его скорби уничтожены. Его взглядъ просвѣтленъ

благодатной надеждой, и благодарственный гимнъ къ Божьему милосердію вырывается изъ его устъ: „Никого на небѣ и ничего на землѣ не хочу я съ Тобою. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: но Ты, Боже, твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ!“ О Богъ Асафа, Богъ вѣрующихъ израильтянъ, явившій намъ въ Іисусѣ Христѣ Свое милосердіе и Свою любовь! Развѣ теперь мы станемъ восхвалять Тебя менѣе чѣмъ въ древности восхваляли праведники?.. Помоги же намъ всѣмъ, въ особенности тѣмъ, которые вошли сюда подобно Асафу смущаемыми сомнѣніемъ и скорбью! Помоги намъ сказать Тебѣ вмѣстѣ съ нимъ: „Ты—твердыня нашихъ сердецъ, и наше прибѣжище во вѣкъ“. Аминь.

Узкій путь въ Царство Небесное.

„*Входите тѣсными вратами... ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущій въ жизнь, и не многіе находятъ ихъ*“ (Матѳ. VII, 13—14).

Братія! Нѣтъ ничего шире христіанства Его идеи и основные принципы безконечны.

Возьмемъ ли мы идею о Богѣ, — чѣмъ она была въ древнемъ мірѣ? Каждый народъ измышлялъ себѣ своихъ боговъ, ограниченныхъ, ревнивыхъ, не знавшихъ терпимости, представлявшихъ подобіе своихъ поклонниковъ: суровыхъ и мрачныхъ у племенъ сѣвера; кровожадныхъ, безпутныхъ у племенъ Азіи; величавыхъ и красивыхъ у грековъ. Никакія художественныя формы для наглядnаго выраженія религіозной идеи, никакое человѣческое творчество не удовлетворяли язычниковъ. Ибо избранные мыслители, какъ Сократъ или Сенека, иногда возвышались до идеи о единствѣ Божіемъ. Но эта идея у нихъ не шла далѣе отвлеченнаго понятія, не мыслилась ими личнымъ, *живымъ* Богомъ, къ коему они обращались бы съ своими надеждами и молитвами. Снизшелъ на землю Христосъ и одною бесѣдою съ

самарянкою потрясъ эти преграды человѣческаго духа. *Настанетъ время*, сказалъ Онъ, *и настало уже, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу... Богъ есть духъ и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ* (Іоаннъ IV, 21, 24).

Слово Божественнаго Учителя апостолъ Павелъ возвѣстилъ міру. Онъ проповѣдалъ язычникамъ „*единаго Бога и Отца всѣхъ, Который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Ефес. IV, 6), *Бога, Которымъ мы живемъ и движемся, есьмы*“ (Дѣянія Апостол. XVII, 28). Восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ и я напрасно прислушиваюсь къ ученію тѣхъ мыслителей, которые хвалятся, будто пошли дальше евангелія; напрасно ищу хотя бы одного, который могъ бы дать мнѣ понятіе о Божествѣ, болѣе широкое, болѣе возвышенное и утѣшительное.

Возьмемъ ли идею *о человѣчествѣ*,—вамъ извѣстно во что она обратилась въ древнемъ мірѣ. Народы были раздѣлены, какъ и ихъ боги. Для грека и римлянина иностранецъ былъ не болѣе какъ „варваръ“. Никакая идея не объединяла людей. Въ общественномъ устройствѣ народовъ даже достигшихъ наибольшей гражданственности, мы видимъ только притѣснителей и притѣсняемыхъ, рабовъ и гражданъ, именовавшихъ себя свободными. Отъ времени до времени какой-либо смѣлый умъ смутно представлялъ себѣ возможность всемірнаго объединенія, долженствовавшаго соединить народы въ одно государство; уста Цицерона невнятно произносили великое слово „любовь къ человѣчеству“. Но эта великая идея была без-

сильна, чтобы повліять на сердца; да и самое единство, которое могло бы соединить всѣ племена, было только единствомъ людей въ общемъ рабствѣ, въ общемъ униженіи, подъ игомъ общаго владыки. Является Христосъ и говоритъ Своимъ послѣдователямъ „*вси вы братья, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ*“ (Мѳ. XXIII, 8—9). Апостолъ Павелъ идетъ возвѣстить міру эту великую и новую вѣсть. Онъ произноситъ слова, показавшіяся необычайными: *Нѣтъ болѣе ни эллина*, ни скиѳа; нѣтъ ни раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго, ибо отъ одной крови произвелъ Богъ родъ человѣческій“ (Дѣян. XVII, 26) „и всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ“ (Гал. III, 28). Восемнадцать вѣковъ протекло съ того времени, и я напрасно ищу между всѣми философскими системами хотя одну, которая дала бы мнѣ понятіе о человѣчествѣ, болѣе широкое, болѣе возвышенное. Не можетъ быть и рѣчи о превосходствѣ человѣческихъ измышленій, когда эта великая идея подавляетъ человѣческій умъ, когда въ нее и теперь съ трудомъ вдумываются, чтобы усвоить ее хоть немного. Для того, чтобы негръ, которому христіанская религія обезпечиваетъ его человѣческое значеніе, могъ занять свое законное мѣсто у очага общественности въ Америкѣ, еще недавно требовалось принести въ жертву болѣе милліона человѣческихъ жизней *). А чтобы мы сами научились хоть нѣсколько обуздывать свой эгоизмъ, чтобы мы рѣшились признавать брата въ самомъ бѣдномъ, невѣжественномъ и презрѣнномъ человѣкѣ, то для этого и

*) Война за освобожденіе негровъ между Сѣверными и Южными Соединенными Штатами Америки.

совсѣмъ недостаточно человѣческихъ усилій безъ евангельскаго воздѣйствія, безъ внушенія Духа Божія, глаголавшаго черезъ пророковъ и апостоловъ.

Коснемся ли, наконецъ, судьбы или назначенія каждой человѣческой личности, и мы увидимъ, какъ она очищается при свѣтѣ христіанства. Самому послѣднему изъ людей евангеліе предъявляетъ высокій идеалъ, обязывая его къ самосовершенствованію. Оно открываетъ ему, еще здѣсь, на землѣ, жизнь вѣчную. Человѣческое существо, созданное по образу и подобію Божію, обновляется въ ожиданіи того времени, когда смерть откроетъ ему ростъ во славѣ, и развитіе безъ конца, когда мы наконецъ, „*содѣлаемся причастниками Божескаго естества*“ (2 Петр. I, 4). Высокое, по вмѣстѣ съ тѣмъ— по благодатному слову апостола Петра — и отвѣтственное назначеніе! Я знаю то безпокойство, которое оно возбуждаетъ даже въ избранныхъ душахъ. Почему они не довольствуются сдѣланнымъ на пути добра, неудовлетворяются пріобрѣтеннымъ нравственнымъ своимъ улучшеніемъ, а стремятся все къ высшимъ цѣлямъ и болѣе трудпымъ подвигамъ? Почему въ нихъ христіанская любовь расширяетъ кругъ своихъ попеченій, дѣлаетъ для нихъ внятнымъ крикъ горя, даже и наиболѣе отдаленный, заставляетъ ихъ страдать отъ несправедливости, совершенной на другомъ концѣ земного шара? Почему все это?

Потому что христіанство призываетъ ихъ къ такому подвигу, который не меньше нравственнаго совершенствованія и безконечнаго уподобленія Богу.

Удивительно ли, что такое вліяніе христіанства нахо-

дить мѣсто въ людяхъ, и что настоящій прогрессъ только и возникъ подъ воздѣйствіемъ этого ученія? Удивительно ли, что подъ вліяніемъ буддизма и магометанства націи чахнутъ, теряютъ жизнеспособность и погружаются въ безнадежное оцѣпенѣніе, а наука, искусство и государственность только тогда и преуспѣваютъ, когда слѣдуютъ за солнцемъ христіанской истины въ ея восходящемъ пути? И съ этой стороны я напрасно ищу другое ученіе, которое открыло бы человѣческому духу большую перспективу развитія. Неужели такимъ ученіемъ можно назвать то, которое, присвоивши себѣ названіе науки „положительной", отчуждаетъ человѣка отъ нравственныхъ идеаловъ, ограничиваетъ его предѣлами конечнаго и запрещаетъ ему спрашивать себя: откуда онъ пришелъ и куда идетъ? Неужели человѣкъ уже пересталъ носить въ своемъ сердцѣ зачатки безконечнаго? Неужели въ порывахъ своей души онъ не уходитъ отъ осязаемой дѣйствительности? Неужели ему можно утѣшиться причисленіемъ себя къ разновидностямъ животныхъ?

Итакъ, братія, съ какой бы стороны я ни посмотрѣлъ, то увидѣлъ бы, что евангеліе до безконечности расширило мысли, стремленія, надежды и привязанности человѣческія.

И между тѣмъ повсюду, гдѣ христіанство было проповѣдано въ его истинномъ видѣ. его обвиняли въ узкости. Я говорю: „въ истинномъ видѣ", потому что есть и такой видъ христіанскаго ученія, который никогда не навлекаетъ на себя подобныхъ упрековъ. Это—христіанство, которое міру по вкусу, и къ которому онъ съ

удобствомъ приспособляется. Это евангеліе тѣхъ проповѣдниковъ, которые всегда находятъ средства нравиться и льстить тайнымъ влеченіямъ слушателя; которые умѣютъ убѣдить всѣхъ, въ чемъ кому нужно, и доказать, что они лучшіе, болѣе вѣрующіе христіане, чѣмъ думаютъ сами. Такимъ образомъ отпускаютъ ихъ всегда довольными самими собой. Это та легкая религія, которая ничего не затрогиваетъ, никого не оскорбляетъ, никого не пугаетъ, но за то никого и не обращаетъ. Я не удивляюсь тому, что ея не обвиняютъ въ узкости, но меня смущаетъ то, что въ ней признаютъ духъ евангелія.

Откуда происходитъ тотъ упрекъ въ узкости, который во всѣ времена преслѣдовалъ истинное христіанство? Не относится ли этотъ упрекъ къ представителямъ христіанства? Неужели наша природа до такой степени слаба, что мы не можемъ быть вѣрными послѣдователями его и осуждены оставаться узкими христіанами? Будемъ искренними сами предъ собою и вооружимся смиреніемъ. Да, никогда христіане не отличались широтою взгляда и вредили тому ученію, которое они хотѣли распространять и защищать. Начиная съ первыхъ послѣдователей, отстранявшихъ отъ Іисуса хананеянку, слѣпого Бартимея и дѣтей, которыхъ Христосъ хотѣлъ благословить, кажется, что и во всѣ послѣдующія времена послѣдователи Христовы пытались сдѣлать путь, ведущій къ Нему, мало доступнымъ, а иногда и недосягаемымъ. Между Христомъ и душами людей одни изъ первыхъ послѣдователей ставили преградою свое преданіе и свою Церковь, другіе—свои системы, а всѣ вмѣ-

стѣ—свои заблужденія, свои предразсудки, свою умственную гордость.

Не подумайте, что я этимъ намекаю на какую-либо изъ партій, раздирающихъ нынѣ Церковь. Я указываю на естественное стремленіе сердца, которое обнаруживается.—увы!—во всѣхъ партіяхъ. И если вы спросите меня, въ какомъ видѣ оно чаще всего является нынѣ, то я вамъ отвѣчу, что оно обнаруживается въ ненавистномъ духѣ осужденія, когда произносится судъ не надъ ученіями, которыя мы имѣемъ право знать и судить, а надъ личностями, которыхъ знаетъ одинъ только Богъ и которыхъ судить Онъ запретилъ намъ. Я выскажу всю мою мысль. Я страдаю, когда вижу, съ какою легкостью мы даемъ званіе христіанина и отказываемъ въ немъ, кому намъ вздумается, какъ будто опытъ не показалъ намъ, сколько поверхностнаго и произвольнаго въ подобныхъ раздѣленіяхъ. Какъ будто человѣкъ, мало просвѣщенный не можетъ служить Богу съ большею вѣрою, чѣмъ ученый, могущій точнѣе и полнѣе формулировать свою вѣру; какъ будто сердце многихъ людей не дороже ихъ разума: какъ будто, наконецъ, Самъ Богъ открылъ нравственное состояніе осуждаемаго человѣка и окончательный удѣлъ, назначенный ему.

Послѣ всего сказаннаго я спрашиваю себя, достаточны-ли всѣ эти доводы для объясненія, почему евангеліе упрекаютъ въ узкости. Нѣтъ, братія мои, настоящая причина этого упрёка заключается въ самомъ евангеліи. Хотя бы оно было проповѣдано самыми безупречными существами, хотя бы оно было проповѣдано самими ангелами, то и тогда оно не было бы свободно отъ этого

упрека. Что говорю я? Не было ли оно принесено на землю тѣмъ Праведникомъ, Который былъ само милосердіе? А освободился ли Онъ отъ этого упрёка? Онъ Самъ сдѣлалъ узкость однимъ изъ отличительныхъ свойствъ евангелія. Христосъ Самъ сказалъ: „*входите узкими вратами*". Поэтому, должно принять эти слова и постигнуть истинный смыслъ ихъ.

Углубляясь въ эту мысль, я нахожу прежде всего, что путь евангелія узокъ, потому что это путь истины.

Это положеніе можетъ показаться страннымъ, но его подтверждаетъ слѣдующее разсужденіе. Предположимъ, что Іисусъ Христосъ вмѣсто того, чтобы сказать: „*Я есмь путь и истина и жизнь; никто не входитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня*" (Іоаннъ XIV, 6) сказалъ бы, что Онъ одинъ изъ путей, ведущихъ къ Богу. Предположимъ, что апостолъ Петръ вмѣсто того, чтобы сказать: „*нѣтъ ни въ комъ номъ спасенія, кромѣ Христа*" (Дѣян. IV, 11), сказалъ бы, что Іисусъ Христосъ есть одно изъ средствъ спасенія человѣчества. Предположимъ, что св. Іоаннъ Богословъ вмѣсто того, чтобы сказать: „*всякій преступающій ученіе Христово и не живущій въ немъ, не имѣетъ Бога*" (2-е Соб. Посл. I, 9), сказалъ бы, что черезъ Іисуса Христа можно лучше познать Бога, чѣмъ какимъ-либо инымъ путемъ. Предположимъ, что апостолъ Павелъ вмѣсто того, чтобы сказать „*одна вѣра*" (Ефес. IV. 5), сказалъ бы, что всякая искренняя вѣра одинаково хороша. Предположимъ, что мы, въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы говорить вамъ во время проповѣди—„вотъ истина!" говорили бы вамъ: „вотъ наша доктрина, вотъ наше мнѣніе". Послѣ

этого можете ли вы допустить. чтобы упрекнули въ узкости христіанство, представленное въ такомъ видѣ? Думаю, что не можете. Въ чемъ же лежитъ причина этого упрека? Въ томъ, что христіанство выдаетъ себя за истину.

Въ то время, когда христіанство появилось, на землѣ господствовала самая широкая вѣротерпимость. Всевозможныя религіозныя ученія были исповѣдуемы; всевозможныя богослуженія могли быть отправляемы. Римъ открывалъ обширнѣйшій изъ своихъ храмовъ божествамъ всѣхъ покоренныхъ имъ народовъ; въ его огромномъ Пантеонѣ статуи этихъ божествъ считались тысячами Если бы сказали какому-нибудь философу временъ Цезаря, напримѣръ, Цицерону, что скоро будутъ проливать кровь въ борьбѣ за религіозныя мнѣнія, онъ отвергнулъ бы подобную мысль, можетъ-быть, съ негодованіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ недовѣрчивой улыбкой. Спустя сто лѣтъ на римскихъ префектовъ официально были возложены обязанности инквизиторовъ, и начались ужасныя истязанія. которымъ суждено было длиться три вѣка. Почему это? Потому что христіане. предлагая міру евангеліе, не говорили: „вотъ еще новая религія“, но объявляли: „вотъ истина!“ Міръ былъ не въ состояніи переносить такую узкость, что и подтверждаетъ исторія.

Въ настоящее время религіозная свобода вошла въ наши права и уже не покидаетъ насъ. Я не пугаюсь этого, напротивъ, радуюсь. Міръ понялъ. что душа человѣка зависитъ непосредственно отъ Бога, что никакая земная сила не имѣетъ власти надъ нею, особенно

тогда, когда дѣло касается вѣры. Вотъ истинное происхожденіе свободы! Вотъ евангельское и дѣйствительное божественное происхожденіе, отмѣченное Іисусомъ Христомъ въ тотъ день, когда онъ, освобождая на всегда душу отъ ига внѣшней силы, произнесъ это вѣчное слово: „*Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу*“. (Лук. XX, 25). Но это не всегда такъ понимаютъ. Въ глазахъ многихъ терпимость есть дочь невѣрія, и съ этой-то стороны она имъ и нравится. Нашъ вѣкъ обладаетъ удивительной широтой пониманія, по отношенію ко всѣмъ религіознымъ мнѣніямъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы отталкивать ихъ съ нетерпимостью восемнадцатаго вѣка и усматривать въ нихъ обманъ духовенства, нашъ вѣкъ находитъ удовольствіе распознавать въ религіозныхъ мнѣніяхъ глубокія и самопроизвольныя изліянія человѣческаго духа. Подъ именемъ этихъ излія-ній онъ принимаетъ ихъ и съ любопытствомъ изслѣдуетъ ихъ. Когда эти мнѣнія возвышенны и поэтичны, онъ высказываетъ имъ почтительную симпатію. Но чего не можетъ переносить нашъ вѣкъ, такъ это, именно, такого появленія религіи, когда она предстанетъ и скажетъ ему: „я—истина“. Повѣрьте въ этомъ нашей опытности. Существуетъ тайный инстинктъ, подсказывающій намъ, что нравится слушателямъ, и что оскорбляетъ ихъ въ нашей проповѣди. Пока мы ограничиваемся тѣмъ, что волнуетъ души людей, и что относится къ нашимъ нравственнымъ болѣзнямъ и страданіямъ. пока мы взываемъ къ человѣческимъ чувствамъ. мы не возбуждаемъ никакого сопротивленія. Но лишь только мы покажемъ открытую истину. лишь только мы начнемъ говорить во

имя связывающаго насъ евангельскаго авторитета.—мы утрачиваемъ сочувствіе многихъ: ибо этотъ авторитетъ для нихъ не обязателенъ.

Однако, какое понятіе имѣете вы о божественной службѣ? Зачѣмъ собрались вы сюда? Для того ли, чтобы слушать мнѣнія человѣка? Или для того, чтобы преклоняться предъ Божіей истиною? Въ этомъ и вопросъ: должно выбирать между церковью и школой, между догматами и школьной доктриной. Что касается меня, то я искренно скажу, что если бы я утратилъ вѣру въ евангельскую вѣчную истину, если бы я принесъ вамъ сюда только свои мнѣнія, свои предложенія и свои надежды, то какими бы возвышенными и успокоительными ни показались они вамъ, я сошелъ бы съ этой каѳедры; я открылъ бы философскую школу для обращенія васъ къ разуму во имя одного моего разума. За мной пошелъ бы только тотъ, кто пожелалъ бы преуспѣянія въ философіи. Тамъ я былъ бы на своемъ мѣстѣ, и совѣсть моя была бы спокойна. Если же я остаюсь здѣсь, если я приношу вамъ не мнѣній личныя, но достовѣрность евангельскую, не вопросы, но готовые отвѣты, то это потому, что я слушаю Того и поклоняюсь вмѣстѣ съ вами Тому, Кто сказалъ міру: „*Я—истина*“.

Между тѣмъ во всякой другой области наше поколѣніе умѣетъ цѣнить слова истины. Въ наукахъ, напримѣръ, оно знаетъ, что только одна истина хороша, полезна и плодотворна. Когда какой-нибудь изобрѣтатель, открывъ истинный законъ какого-либо явленія, безъ колебанія отбрасываетъ всѣ предыдущія объясненія и говоритъ: „вотъ дорога, по которой нужно идти“, то никто,

навѣрное, не обвинитъ его въ узкости, напротивъ, за нимъ всякій послѣдуетъ по этому новому пути, чувствуя, что было бы безразсудно оставаться неподвижнымъ при видѣ этого открытія и утверждать, что всѣ дороги хороши, что всѣ объясненія правдоподобны. Почему же я не вижу того же самаго въ религіи?

Почему, братія? Потому что, другія истины ни въ чемъ не стѣсняютъ нашей нравственной свободы, потому что, въ концѣ концовъ, онѣ только способствуютъ нашему матеріальному благосостоянію. Иное дѣло истина религіозная. Эта истина должна быть истиною во всѣхъ отношеніяхъ: она должна властвовать надъ нашею мыслью и надъ нашею волею. А иначе и быть не можетъ. Истина вѣры—это вновь обрѣтенный Богъ, а наше отношеніе къ Нему можетъ быть только отношеніемъ послушанія. Если Іисусъ Христосъ говорилъ истину, неужели вы не видите, что вся наша жизнь должна направляться къ цѣли, Христомъ же указанной, и что мы должны отречься отъ своей гордой независимости? Но многіе имѣютъ притязаніе оставаться независимыми, что бы свободно думать о чемъ угодно: о жизни, объ обязанностяхъ, о Богѣ, о вѣчности. Они не потерпятъ отъ Бога готовой истины, предъ которой обязательно преклониться. Дѣло въ томъ, что въ гордости разума есть таинственное наслажденіе, опьяняющее тѣхъ, кто ему предается, есть наслажденіе, не уступающее наслажденіямъ чувственнымъ. Не наслажденіе ли въ счастливой независимости разума, котораго ничто не связываетъ, который безпрепятственно можетъ блуждать на высотахъ человѣческихъ мнѣній и вѣрованій, не служа ни одному изъ нихъ,

черпая въ каждомъ то, что въ немъ есть привлекательнаго, и отталкивая то, что въ немъ есть несимпатичнаго и суроваго; забываясь словно въ игрѣ, которая забавляетъ и возбуждаетъ его ненасытное любопытство! Не наслажденіе ли въ столь цѣнимой нынѣ репутаціи тонкаго критика и изящнаго ума! Не наслажденіе ли въ царственномъ удовольствіи презирать всѣ условныя идеи, наблюдать съ высоты смѣшеніе вѣрованій и страстей человѣческихъ, оцѣнивать все съ видомъ судьи и никогда не дѣлаться рабомъ истины! Въ этомъ заключается опасность современной критики, — этой науки, столь великой и плодотворной, когда она стремится обнаружить истину для того, чтобы ее познали и поклонились ей. Но если современная критика расходится съ вѣрою въ истину, то эта наука становится только могуществомъ смерти и разрушенія. Увы! Кто не знаетъ этого болѣзненнаго скептицизма, неспособнаго ни утверждать чего-либо, ни дѣлать какихъ-либо выводовъ! Кто не знаетъ этого скептицизма, который вѣчно стремится куда-то и никогда не достигаетъ; который вѣчно гонится за новыми мнѣніями, но всегда находится подъ гнётомъ страха, вступить на узкій путь истины. Кто не чувствовалъ его прикосновенія въ опасные часы, когда совѣсть нѣма, а душа, забывши свое назначеніе, предается изнѣживающему влеченію соблазна! Но будемъ остерегаться этого. Чрезъ это многіе умерли для истинной жизни. За то, что они видѣли проходящую мимо нихъ истину и не послѣдовали за ней; что они отказались служить ей въ смиреніи и самоотреченіи, они сдѣлались неспособными распознавать ее, они кончили

тѣмъ, что сказали вмѣстѣ съ Пилатомъ: „что есть истина?“ Не слѣдуетъ шутить съ тѣмъ. что всего важнѣе и святѣе въ жизни. Въ этомъ отношеніи даже самой ненависти слѣдуетъ менѣе бояться, чѣмъ высокомѣрной суетности. Волнующіяся души, измѣнчивые умы! спасеніе для васъ въ вѣрѣ и послушаніи. Вступите на узкій путь, ибо онъ ведетъ къ жизни!

Я утверждаю съ другой стороны, что если путь евангелія узокъ, то это потому, что онъ путь святости.

Евангельская нравственность не всегда навлекала на себя упрёкъ въ узкости: сначала ее обвиняли даже въ излишней широтѣ. Строгіе нравоучители того времени налагали свое неодобреніе на образъ жизни Іисуса Христа. Для нихъ онъ былъ человѣкъ, любящій ѣсть и пить съ мытарями и грѣшниками. И какъ бы духъ фарисейства попялъ Его ученіе? Какъ онъ узналъ бы гослось святости въ рѣчахъ, разбивавшихъ законныя предписанія чистоты, строгія повелѣнія и предапія, съ которыми связано самое понятіе о святости. Не было болѣе клятвъ, омовеній, заученныхъ молитвъ, достохвальной милостыни священнаго мѣста. Не могло ли это показаться ниспроверженіемъ самой нравственности? Что, наконецъ, могли подумать объ учителѣ, о пророкѣ, которому нравилось сношеніе съ людьми, считавшимися нечистыми, съ прокаженными, съ мытарями, какъ существами, наиболѣе презрѣнными, представлявшими въ глазахъ евреевъ подобіе язычниковъ? Конечно, имъ неизбѣжно было поднять негодующій шумъ. Это и было сдѣлано. Широта евангелія было одно изъ главныхъ причинъ, воздвигшихъ крестъ Іисусу Христу.

Нынѣ восхищаются этою широтою. Удивляются ученію такой чистой духовности, которая утверждаетъ всё, что свято и хорошо, отбрасывая безъ колебаній всѣ внѣшнія предписанія, подобно прозрачнымъ ледникамъ Альпъ, которые выдѣляютъ въ своемъ образованіи всѣ постороннія вещества и примѣси, занесенныя лавинами въ ихъ воды. Удивляются этому ученію нравственности, расширить которое не имѣлъ нужды трудъ восемнадцати вѣковъ, и которое такъ же подходитъ къ современному человѣку, какъ къ тѣмъ, кто слышалъ первую проповѣдь о немъ. Удивляются этому нравственному ученію, которое вышло, повидимому, изъ нѣдръ самаго недоступнаго и исключительнаго пламени, но стало самой человѣчной изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ религій. Удивляются ученію столь ревностному въ добрѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь далекому отъ фанатизма; столь удивительному по своему здравому смыслу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь чистому отъ всякаго духа утилитаризма. Удивляются ученію болѣе необычайному въ томъ, что оно позволяетъ, нежели въ томъ, что запрещаетъ. Удивляются ученію, которое, открывая душѣ самыя возвышенныя стремленія, знаетъ до глубины сердце естественнаго человѣка со всѣми его слабостями, со всѣмъ лукавствомъ и нищетою. Этимъ нравственнымъ ученіемъ и восхищаются; ему охотно уступаютъ первое мѣсто, по общепризнанному рѣшенію. Здѣсь даже порочные говорятъ то же, что и другіе: ибо порочнымъ также нужно защищать свои права и казаться лучшими, нежели суть. Поэтому нравственность не безразлична для нихъ. Они нуждаютея въ ней, хотя бы для

того, чтобы пользоваться ея репутаціею. Смышлёный себялюбецъ задрожалъ бы отъ удовольствія при мысли, что онъ будетъ жить въ обществѣ, созданномъ по его подобію; ему не можетъ не нравиться то, что на землѣ существуетъ ученіе, проповѣдующее другимъ самопожертвованіе и самоотреченіе. Такъ выгода у однихъ, одушевленіе у другихъ, любовь и послушаніе у немногихъ, всѐ соединяется, чтобы создать предрасположеніе, благопріятное для христіанской нравственности и не враждебное для окружающей среды. Но оставьте область этихъ обобщеній. Возьмите основное начало и духъ этой нравственности. Проповѣдуйте вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, что слава Божія должна быть двигателемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и желаній; заговорите вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, что преступленіе чувственности усматривается уже въ вожделѣніи, въ ненависти; посмотрите на грѣхъ серьёзно и вы увидите, какое несочувствіе, какой гнѣвъ, какое противодѣйствіе вы противъ себя возбудите. Узкость и придирчивость будутъ самыми умѣренными словами изъ тѣхъ бранныхъ словъ, которыя люди примѣнятъ къ вамъ. И счастливы будете вы, если честность толпы не допуститъ ее обозвать васъ лицемѣрами за эти кажущіяся ей „религіозныя преувеличенія", которыя смущаютъ и раздражаютъ ее.

Чего же, однако, хотятъ? Отнять ли у евангельской нравственности ея основное начало? Но это значитъ разомъ отнять у нея ея величіе и единство. Сдѣлать ее менѣе духовной? Но это значитъ показать зло уже не въ намѣреніи, но въ дѣйствіи: это значитъ впасть въ полное фарисейство. Удивительно! Если вы предложите

людямъ менѣе предлагаемаго евангеліемъ, менѣе любви къ Богу и ближнему, если вы хотя на волосъ нагнете внизъ этотъ законъ, то онъ рушится весь; у васъ останутся разбросанные обрывки наставленій, которыя каждый будетъ толковать по своему. У васъ не будетъ больше закона.

Евангельскій путь вамъ кажется слишкомъ узкимъ? Вы хотите его расширить? Расширить!.. Какимъ образомъ?. О, я васъ понимаю. Всякій желаетъ, чтобы дали волю любимымъ склонностямъ: одинъ—его честолюбію, другой—его стяжательности, третій—его преступнымъ привязанностямъ, четвертый—его злопамятству и злорадству, а всѣ вмѣстѣ—ихъ тайному идолопоклонству. Ничто не раздражаетъ васъ болѣе евангельскаго заявленія, что самоотреченіе безъ оговорокъ есть единственное разумное служеніе Богу христіанскому.

Попытаемся же расширить путь, и пусть исполнится ваше желаніе. Создадимъ евангеліе вамъ по сердцу. Вы теперь имъ удовлетворены. Но кто поручится мнѣ, что вы будете имъ удовлетворены и завтра? Кто скажетъ мнѣ, что ваши страсти, все болѣе и болѣе выходящія изъ предѣловъ и ничѣмъ не удовлетворяющіяся, не потребуютъ отъ евангелія новыхъ уступокъ? И если, именно, вы сумѣете положить имъ предѣлъ, то кто увѣритъ меня, что другіе сумѣютъ остановиться, подобно вамъ, и не приступятъ, во имя широты, къ разрушенію остальныхъ преградъ, еще противостоящихъ ихъ прихотямъ? Нѣтъ болѣе узкости, скажетъ развратникъ. Нѣтъ болѣе узкости, отвѣтятъ хоромъ всѣ страсти и вожделѣнія! Дайте намъ широкій путь! Прочь религіозные предраз-

судки! Эту пустую добросовѣстность боязливыхъ душъ и всѣ эти цѣпи, слишкомъ долго насъ обременявшія! Для насъ наслажденье, для насъ настоящій часъ со всѣми его радостями, для насъ,—чтобы омочить наши запекшіяся губы,—чаша удовольствій, изъ которой счастливцы безъ насъ уже утолили свою жажду! И въ ужасномъ хаосѣ всѣхъ этихъ вожделѣній, безъ сомнѣнія, останется побѣда на сторонѣ самаго дикаго эгоизма. Вотъ послѣднее слово человѣческой широты. Вы не дойдете до этого. Я это знаю. Но не достаточно ли измѣрить взглядомъ эти мрачныя послѣдствія, чтобы увидѣть результатъ колебанія божественнаго закона? Итакъ, остается выбирать, или широкій путь порочныхъ страстей, или узкую дорогу святости.

Сдѣлаемъ еще шагъ далѣе. Путь евангелія узокъ потому, что онъ—путь смиренія.

Я показалъ, что онъ не могъ дать прохода нашимъ страстямъ и нашимъ порокамъ; теперь же я утверждаю, что онъ закрытъ для гордости, даже честной и великодушной. Смиряться, искренно сознавать свое недостоинство передъ Святымъ Богомъ, слагать съ себя свои добродѣтели и заслуги, и, такимъ образомъ, принимать спасеніе, какъ даръ, составляетъ единственно-приличное для насъ положеніе. Но какъ оно прискорбно для естественнаго человѣка! По этой то, именно, причинѣ, евангеліе является слишкомъ узкимъ для современныхъ людей. Насколько охотнѣе заплатили бы они за свое спасеніе самыми блестящими жертвами, еслибъ это спасеніе было дѣломъ ихъ рукъ, еслибъ этимъ они могли умилостивить небо! Милость, т. е., совершенное проще-

ніе! Милость, безъ которой евангеліе было-бы болѣе непреклоннымъ, чѣмъ законъ синайскій! Сколько возбуждаетъ она сопротивленія! И, между тѣмъ, это единственный путь, по которому существа падшія могутъ войти въ общеніе со святымъ Богомъ. Итакъ, развѣ Богъ сдѣлалъ этотъ путь узкимъ? Судите сами. Вотъ посреди ночи домъ, объятый пламенемъ. Повсюду быстро разливается огонь. Раздаются крики тревоги, потому что тамъ, внутри находится спящій среди этого огня, который скоро его поглотитъ. Онъ пробуждается, онъ бросаетъ вокругъ себя испуганные взгляды. Передъ нимъ одинъ только выходъ остается свободнымъ, правда узкій, но достаточный для бѣгства изъ опасности. Что же онъ дѣлаетъ? Жадной, лихорадочной рукой онъ схватываетъ всё, что можетъ схватить изъ своего имущества. Нагруженный своими вещами, сгибаясь подъ ихъ тяжестью, онъ подходитъ къ узкой двери, которая отказывается пропустить его. „Ко мнѣ!“ кричитъ онъ. „На помощь! Дверь слишкомъ узка“. Бѣдный безумецъ! Брось тамъ свои пожитки, которыя будутъ стоить тебѣ жизни, освободись отъ того, что препятствуетъ тебѣ бѣжать отъ опасности, и пожертвуй всѣмъ. Твое спасеніе можетъ быть куплено только такою жертвою. Вы поняли меня, братія. Обрушивающійся домъ—это наша жизнь; пожирающее его пламя — это судъ святого Бога; открытая дверь—это прощеніе; а сокровища, готовыя васъ погубить — это тѣ достоинства, добродѣтели, заслуги, которыя вы хотите сохранить во что бы то ни стало. Да, дверь къ небу слишкомъ узка для праведныхъ собственною праведностью, и этимъ-то именно евангеліе и воз-

буждаетъ въ нихъ такое отвращеніе и раздраженіе. О! Вредъ человѣческой гордости есть нѣчто смущающее. Въ то время, когда мы слышимъ, что и самые святые люди, какихъ только зналъ міръ, содрагаются при мысли о своемъ недостоинствѣ и взываютъ о милости: въ то время, когда мы недоумѣваемъ надъ смятеніемъ даже праведныхъ душъ, намъ нужно сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы представить слѣдующее зрѣлище. Вотъ люди, добродѣтельная жизнь коихъ есть предъ лицомъ Божіимъ цѣлая ткань незримыхъ проступковъ и неблагодарности; вотъ люди, имѣющіе подобно вамъ и мнѣ, въ своей жизни скрытыя страницы, которыхъ они не желали бы дать прочесть ни одному человѣческому взгляду. Предположимъ, что они отталкиваютъ помилованіе, какъ нѣчто слишкомъ для нихъ унизительное и негодуютъ на то, что имъ предлагаютъ прощеніе. Они говорятъ о своихъ добродѣтеляхъ, о своихъ добрыхъ дѣлахъ, не думая, что уже одна ихъ гордость уничтожаетъ всю заслугу ихъ добрыхъ дѣлъ предъ вѣчнымъ правосудіемъ, соединяющимся съ понятіемъ о возмездіи. Такъ идутъ они навстрѣчу смерти, помышляя только о справедливости, и это предъ лицомъ Креста, предлагающаго имъ милосердіе и прощеніе. Они отходятъ требовать своего законнаго мѣста въ обществѣ святыхъ, въ этомъ безпорочномъ свѣтѣ, гдѣ живетъ Господь. Они идутъ и не знаютъ, что единый взглядъ праведнаго Судіи, освѣтивъ страшнымъ свѣтомъ глубину ихъ тайной жизни, былъ бы достаточенъ, чтобы ихъ осудить. О! Будемъ благодарить Бога, братіе, если Онъ разсѣетъ наше ослѣпленіе и смутитъ нашу плотскую увѣренность.

Итакъ, пока спасеніе намъ открыто, примемъ его какъ милость, и поспѣшимъ, какъ изъ пожара, къ узкому пути, потому что онъ одинъ ведетъ къ жизни.

Наконецъ, я утверждаю, что путь евангелія узокъ потому, что онъ путь любви.

Я знаю, что такая мысль можетъ показаться странной. Мы не привыкли слышать, чтобы понятіе узкости соединилось съ понятіемъ любви. Напротивъ, ничего не приходится слышать чаще въ настоящее время, какъ разсужденія о религіи любви, въ которой должны отнынѣ смириться всѣ идеи, всѣ вѣроисповѣданія, раздѣлявшія до сихъ поръ людей. Говорятъ: Вѣдь „Богъ есть любовь“; что же, въ сущности, за дѣло ему до нашихъ заблужденій и слабостей? Чѣмъ могутъ дѣйствія существъ преходящихъ нарушать ясное спокойствіе всемірнаго Существа? Оставьте же, о, вѣрующіе, вашъ судъ, ваши обвиненія, ваши анаѳемы! Откройте заблудшимъ созданіямъ безконечное Милосердіе! Зачѣмъ смущать ихъ преходящія радости? Зачѣмъ отравлять ихъ удовольствія? Человѣкъ такъ слабъ, а жизнь такъ коротка!“ Такъ говорятъ они, и даже на сомнительныхъ своихъ страницахъ воспѣваютъ они любовь Божію. Да, изъ нечистыхъ устъ раздаются мистическія прославленія любви Божіей. Но вѣдь это святилище, куда безъ трепета они не должны были бы проникать, это Святая Святыхъ нынѣ превратилось въ проходное зданіе, гдѣ каждый дерзко хочетъ занять мѣсто и укрыть свои мысли, свое невѣріе, свои пороки, даже свое богохульство.

Знаете ли что скрывается подъ этими мыслями? Кромѣ гнуснаго кощунства въ нихъ есть отвратительная смѣсь

эгоизма и гордости. „Богъ есть любовь“, говорятъ они, „итакъ мы свободны, свободны мыслить, дѣйствовать и любить по своему. Долой нетерпимость! Небо открыто намъ всѣмъ!“—Вотъ чего нельзя пропустить безъ протеста.

Безъ сомнѣнія всё христіанство можетъ быть сведено къ одному понятію милосердія и любви. Но какая бездна между любовью, какъ её понимаетъ міръ, и любовью, какъ ее излагаетъ евангеліе! Да, любовь къ Богу есть сама религія, но что такое эта любовь, и что такое Богъ? Это святой Богъ, глаза Котораго слишкомъ чисты, чтобы видѣть зло, Богъ, передъ Которымъ даже ангелы закрываютъ свои лица. Это Богъ ревнивый: Ему довлѣетъ нераздѣльно царствовать надъ сердцами, чуждыми всякаго кумира и всякаго подобія. Слѣдовательно, любовь, которую Онъ обращаетъ къ намъ, свята и ревнива, какъ Онъ Самъ. Такимъ образомъ и любовь, которую мы должны чувствовать къ Нему, должна быть такова же. Она узка въ томъ смыслѣ, что она исключаетъ все, что съ нею несовмѣстимо. Она ищетъ Бога; слѣдовательно, она не можетъ быть равнодушною ко всему, что касается Бога. Все, что оскорбляетъ Бога, оскорбляетъ и ее; всякое поношеніе Бога есть поношеніе ея самой. Итакъ, прочь эту слабовольную терпимость, которая доступна всему міру, и которую хотятъ укрыть подъ защитой евангелія! Христіанская любовь влечетъ съ собою явную ненависть ко всему, что ей противно, по прекрасному изреченію Псалмопѣвца: „всѣ вы, любящіе Вѣчнаго, ненавидите зло.“ Далекая отъ того, чтобы оправдывать равнодушіе, любовь питаетъ отвращеніе къ равнодушію, и если, передъ лицемъ грѣшни-

ковъ, она является безконечнымъ милосердіемъ, то предъ лицомъ грѣха она—непреклонная святость.

Здѣсь я обращаюсь къ вашему собственному сужденію. Не такъ ли и вы любите, вы, умѣющіе любить? Безразлично ли для тебя, мать, если сердце твоего дѣтища отдается всѣмъ страстямъ, всѣмъ позорнымъ соблазнамъ и дѣяніямъ? Супруга! согласишься ли ты, во имя широкости, чтобы мужъ твой оставался тебѣ вѣрнымъ до перваго случая измѣнить тебѣ, чтобы отдавался соблазнамъ, влекущимъ его къ горю? — Итакъ, твоя любовь узка: узка потому, что въ тотъ день, когда она перестанетъ быть любовью, въ тотъ день, когда ты согласишься уступить другой первенство быть любимой, когда ты останешься равнодушна и холодна при этомъ позорѣ, въ тотъ день любовь не будетъ уже горѣть на потухшемъ очагѣ твоего сердца, и на немъ останется только пепелъ.

Что же? Вы думаете, что Богъ евангелія требуетъ отъ насъ меньшаго, чѣмъ то, чего люди требуютъ другъ отъ друга? И кто, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ право на наше сердце, если не Тотъ, Кто его создалъ? Изъ этихъ сокровищъ глубокой нѣжности, изъ этихъ непреодолимыхъ порывовъ, изъ этой горячей жажды сочувствія, изъ этой потребности восхищаться кѣмъ-то, поклоняться кому-то, изъ этой энергіи человѣческаго сердца неужели мы ничего не принесемъ только Богу, вложившему все это въ насъ? Думаю, что вы и сами перестали бы вѣровать въ такого Бога, который у васъ потребовалъ бы менѣе самоотреченія чѣмъ вашей жизни и вашего сердца. Тѣмъ именно узокъ путь евангелія, что вступившій на

него имѣетъ отнынѣ только одну цѣль: служеніе Богу въ любви. Вотъ что васъ пугаетъ, о, суетные люди! Я очень хорошо зналъ, что мы не поймемъ другъ друга. Эта исключительная любовь васъ отталкиваетъ: посвятить свою жизнь Богу, всё любить черезъ Него и для Него, терять душу свою для Него, какъ говоритъ евангеліе—это слишкомъ узкая дорога для сердца, влюбленнаго въ самого себя. Между тѣмъ нужно выбирать: или широкій путь себялюбія, гдѣ спасаютъ душу свою, чтобы потерять ее, или же узкій путь любви, на которомъ теряютъ душу свою для Бога, чтобы спасти ее.

Я показалъ вамъ, братія, почему путь евангелія узокъ. Ошибаюсь ли я, утверждая что въ то время, какъ я вамъ говорилъ, совѣсть ваша, соглашаясь со мною, тайно потверждала мои доводы? Теперь я заключу мое слово. Если среди слушающихъ меня, хотя одинъ человѣкъ въ тишинѣ, передъ Богомъ, смотрящимъ на него, принялъ рѣшеніе пойти по дорогѣ, которую я открывалъ, какой успѣхъ для меня и какая награда! Но для него какая радость! Какая радость? Да, не смотря на то, что столько горькаго заключается въ этомъ самопожертвованіи. Я не хотѣлъ васъ обманывать. Другіе скажутъ вамъ, что дорога евангелія широка, другіе будутъ льстить вамъ. Они будутъ говорить вамъ, что такая христіанская жизнь, какою я вамъ представилъ ее, есть жизнь мистическая и мрачная, безцвѣтная, однообразная, лишенная своей прелести. Вѣчное искушеніе свѣта, вѣчная ложь, которую повторяетъ онъ всѣмъ хотящимъ послѣдовать Христу! Лучше спросите у тѣхъ, кто пошелъ по узкому пути спросите ихъ, жалѣютъ ли они о

своихъ лишеніяхъ и жертвахъ, спросите ихъ обо всѣхъ обольщеніяхъ плоти и гордости, стоятъ ли они неизмѣримой радости, примиренной съ Богомъ, живущей въ томъ, что истинно, увѣренной въ своемъ вѣчномъ счастіи. Спросите у нихъ о всѣхъ удовольствіяхъ эгоизма, стоятъ ли они чистаго веселія любви, которое начинается здѣсь на землѣ, чтобы разцвѣсти на небѣ въ своей безконечной полнотѣ. Нѣтъ Господи! ты насъ не обманываешь, ты не поступаешь съ нами, какъ міръ. Міръ обѣщаетъ намъ радость, но даетъ намъ только горечь, Ты же обѣщаешь намъ крестъ и даешь радость. Міръ намъ открываетъ широкую дорогу, но это дорога—безнадежныхъ блужданій и обмановъ; Ты же открываешь намъ узкій путь, но онъ вѣрно ведетъ насъ къ небу. О! Дай намъ всѣмъ пойти по этому пути, чтобы намъ достигнуть той истиной жизни, въ которой мы будемъ возрастать въ познаніи, въ святости, въ любви, и въ которой мы будемъ безъ конца обновляться въ уподобленіи Тебѣ! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
Тайна Божественныхъ путей	5
Ученіе и жизнь	29
Грѣхи другихъ	52
Юродство и сила	72
Истины моральныя и истины откровенныя	94
Собираніе милостыни во времена апостоловъ	113
Моисей	131
Видѣніе Апостола Павла	149
Смущеніе Асафа	168
Узкій путь въ Царство Небесное	191

Замѣченныя опечатки.

стран.	строка.	напечатано.	нужно читать.
4	2 св.	цѣпь	цѣль
111	9 св.	не	но
128	5 св.	намъ	нашъ
202	11 сн.	что бы	чтобы

2002134892